

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

На правах рукописи

Кладова Ксения Юрьевна

**ГОРОД КУРГАН В 1919-1941 ГОДЫ: ИСТОРИКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Д.Н. Маслюженко

Курган 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Городская среда.....	36
1. 1. Городское благоустройство.....	36
1. 2. Жилищный вопрос	50
Глава 2. Хозяйство и питание горожан.....	68
2.1. Курганцы в условиях голода начала 1920-х гг.....	68
2.2. Продовольственное обеспечение жителей города Кургана в середине 1920-1930-х годов.....	79
2. 3. Животноводство в жизни горожан.....	96
Глава 3. Внешность и одежда курганцев.....	109
3.1. Внешний вид горожан	109
3.2. Обеспеченность курганцев товарами легкой промышленности.....	121
Глава 4. Городская сфера досуга и развлечений.....	134
4. 1. Повседневный досуг жителей города Кургана.....	134
4. 2. Девиантный досуг курганцев.....	165
Глава 5. Семейные отношения.....	175
5. 1. Мужчина и женщина в семье.....	175
5. 2. Детская повседневность.....	189
Заключение.....	198
Список использованных источников и литературы.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Становление и развитие советского общества приковывает внимание представителей целого ряда исследовательских направлений, изучающих механизмы социальной трансформации, инструменты властного регулирования и ответы граждан на вызовы времени. В это же время отдельные аспекты советской действительности встречают широкий общественный интерес, нередко становясь предметом эмоциональных дискуссий, что свидетельствует о потребности социума осмыслить процессы, определившие судьбы нескольких поколений граждан как советском, так и в постсоветском пространстве. Российское общество начала XXI в. теснейшим образом связано с поколениями, рожденными в 1920-х гг.: для большей части ныне живущих россиян эти люди стали родственниками, соседями, учителями. Принимая во внимание общественную заинтересованность и пристальное внимание научного сообщества к проблемам советского общества, можно говорить о своеобразном удвоении актуальности темы. Тридцать лет назад видный отечественный медиевист Ю.Л. Бессмертный, размышляя о предназначении исторической науки, отметил, что она «призвана формировать общественное самосознание, толкая к раздумьям о смысле жизни и помогая нам понять самих себя, свое место в цепи поколений, свой гражданский и человеческий долг. История достигает этого...умением раскрывать реальную жизнь человека, выявлением того, что составляло его беды и радости и что подспудно их определяло»¹.

XX в. начался и завершился для нашей страны масштабными переменами, болезненными социальными потрясениями, мировоззренческими сдвигами в сознании общества. Чувствуется потребность общества в расширении наших знаний о причинах политических, экономических и социальных катаклизмов, о том, как жилось гражданам огромной страны и отдельно взятого региона (в оппозиции столицы/провинция), в выявлении истоков актуальных до сих пор общественных стереотипов и моделей поведения. Подчеркнем, что исторический

---

¹ Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 4

интерес представляет изучение не только общероссийской повседневности исследуемого периода, но и особенностей формирования поведенческих стратегий и механизмов выживания жителей отдаленных от центра провинциальных городов, каким был и остается город Курган.

Степень научной изученности темы исследования. В раннесоветский период экономические вопросы труда и быта рабочих привлекли внимание современника эпохи, экономиста С.Г. Струмилина. В начале 1920-х гг. вышли его научные статьи, посвященные анализу рабочего времени и зависимости производительности труда от уровня заработной платы в отечественной промышленности 1913-1922 гг.¹. С.Г. Струмилин оставил богатейшее научное наследие, в том числе по вопросам распределения бюджетов семей советских рабочих, прожиточного минимума, социально-экономической эффективности карточной системы, рабочего времени и использования свободного времени для повышения уровня культуры трудящихся².

В отечественной научной и публицистической литературе социалистический образ жизни в целом стал предметом широкого обсуждения в 1970-х гг.³. Советская партийная печать по этому вопросу имела ярко выраженную идеологическую направленность, подчеркивая преимущества социалистического образа жизни. В 1978 г. Ю.А. Поляков и Э.Е. Писаренко, отмечая разработку экономических и социологических аспектов образа жизни периода «развитого социализма», подчеркивали необходимость исторического изучения проблем его становления и развития⁴. Говоря о слабой изученности вопросов становления советского образа жизни, историки выделяют работы П.П. Лопаты⁵ с его идеей о постепенном складывании социалистического образа жизни в СССР и А.П.

---

¹ Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 г.// Библиотека труда. Сер. 2, № 17-19. М., 1923. 88 с. Струмилин С.Г. Бюджет времени русского рабочего// Библиотека труда. Сер.3, № 1. М.-Петроград, 1923. 38 с.

² Струмилин С.Г. Избранные произведения: В 5 т. М., 1965.

³ Поляков Ю.А., Писаренко Э.Е. Исторические аспекты изучения социалистического образа жизни// Вопросы истории. 1978. № 6. С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Лопата П.П. Социалистический образ жизни. Теоретические основы и практика КПСС// Вопросы истории КПСС. 1975. № 12. С. 3-19.

Бутенко¹, доказывающем разнотипность образа жизни в СССР в условиях переходного периода, связанную с многоукладностью экономики и сложностью общественной структуры. Необходимо отметить оставшееся без внимания Ю.А. Полякова и Э.Е. Писаренко исследование Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и Л.А. Оникова «Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра»², где наиболее полно среди научных трудов этого времени нашли освещение вопросы рабочего быта раннесоветского периода. Характеризуя городской быт 1920-1930-х гг. авторы исследования приходят к противоречивым выводам: с одной стороны, справедливо отмечают, что в предвоенный период закладывались лишь основы общественного питания, дошкольных учреждений и коммунальных удобств³, но при этом отмечают сокращение или даже исчезновение домашнего труда в быту городских рабочих этого периода⁴. Л.А. Гордон, Э.В. Клопов и Л.А. Оников достаточно внимания уделяют вопросам повседневного досуга, отмечая неуклонный рост с начала 1920-х гг. культурно-бытовых занятий горожан. В этой сфере авторы выделяют семейно-домашние и недомашние формы досугового общения (встречи и общение с друзьями, посещение парков, танцев, ресторанов и кафе) и досуговые формы культурной жизни (публичные зрелища, спорт, туризм), касаются темы пьянства в жизни горожан и его социально-бытовых истоков.

В это же время выходит монография Н.Б. Лебиной «Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик 1921-1925 годы»⁵, написанная на базе защищенной кандидатской диссертации⁶, где автор определяет возрастные границы молодежи на основе анализа средней продолжительности жизни, брачно-семейного законодательства и иных факторов, освещает мотивы выбора

---

¹ Бутенко А.П. Октябрь и социалистический образ жизни. М. 1977.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня завтра. М., 1977.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик 1921-1925 годы. Л., 1982. 168 с.

⁶ Лебина, Н.Б. Фабрично-заводская молодежь Петрограда в 1921-1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1975. 205 с.

профессии молодыми пролетариями, восприятие идеологии и религии, а также исследует молодежный досуг.

Уральская историография советского периода косвенно затрагивает вопросы повседневной жизни 1920-1930-х гг. в работах, посвященных культурной революции: развитию образования и культурному строительству. В 1962 г. выходит статья Г.Г. Горбачевой «Общеобразовательная школа в Курганском уезде и округе (1917-1929 гг.)»¹, центральное место в которой, безусловно, занимают мероприятия советской власти по реализации школьного обучения и школьного строительства, однако встречаются упоминания о бытовых заботах рядовых граждан (объяснение выбытия учеников по причине нехватки теплой одежды или их участия в сезонных работах), охарактеризовано состояние школ, подробно освещена воспитательная работа. Десятилетие спустя в Свердловске опубликован сборник под названием «Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции»², включающий 14 научных статей по данной проблематике.

В 1963 г. был издан сборник воспоминаний «Женщины Урала в революции и труде»³. Безусловно, составители преследовали цель прямо противоположную освещению забот рядовых женщин, однако в воспоминаниях конкретных, пусть и выдающихся женщин, косвенно, с большой долей политизированности, прослеживается быт эпохи, и весьма явно - пропагандируемые новые ценности, которые должны были быть усвоенными представителями обоих полов.

Таким образом, советская историография косвенно затрагивала антропологические аспекты истории СССР 1920-1930-х гг., прежде всего в контексте складывания социалистического образа жизни.

Перестройка стала для исторической науки и общества в целом непростым временем поиска новых подходов для объективного переосмысления относительно недавнего прошлого. В 1989 г. выходит в свет работа Л.А. Гордона

---

¹ Горбачева Г.Г. Общеобразовательная школа в Курганском уезде и округе (1917-1929 гг.)// Ученые записки Курганского пединститута, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662-1962 гг.). Вып. IV. Курган, 1962. С. 233-257.

² Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972.

³ Женщины Урала в революции и труде. Свердловск, 1963.

и Э.В. Клопова с характерным названием «Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы»¹, где авторы заявляют о своем стремлении «продвинуться к более честному, более реалистичному пониманию истории 30-40-х годов с помощью нового, свободного от былых (в том числе и внутренних) ограничений прочтения общеизвестных и общедоступных источников»², не соглашаясь с рекомендацией Б.А. Рыбакова «зафиксировать все, что волнует, все, что интересует людей, а затем во всем обстоятельно разобраться»³. Характеризуя материально-бытовое положение советских граждан в 1930-е гг., анализируя заработки и цены, систему оплаты труда колхозников, Л.А. Гордон и Э.В. Клопов приходят к выводу о закономерности материальных тягот и лишений рядовых граждан в условиях форсированной индустриализации, отмечая, что «несомненный и немалый прогресс просвещения, здравоохранения, социального обеспечения сочетался в это время со стагнацией материального уровня жизни, а зачастую с прямым снижением покупательской способности, заработков, с ухудшением питания, с тяжелым и длительным жилищным кризисом»⁴.

В 1990-е гг. в нашей стране начали открываться ранее недоступные исследователям фонды государственных архивов, а также создаваться негосударственные хранилища, в том числе Народный архив, комплектовавшийся документами рядовых граждан. Между тем, сами граждане переживали мировоззренческий кризис, связанный с ломкой советской системы ценностей. В 1994 г. в на базе Санкт-Петербургского университета экономики и финансов прошла международная междисциплинарная конференция «Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы»⁵, привлекая внимание историков, социологов, экономистов и представителей других наук. Одной из первых обобщающих историко-философских работ по данной проблематике

---

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989.

² Там же. С. 11.

³ Цит. по.: там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Российская повседневность 1921-1941: новые подходы. Доклады, сделанные на международной междисциплинарной конференции 16-19 августа. СПб, 1995.

стало исследование Н.Н. Козловой¹, в котором автор обращается к эго-документам Народного архива советских граждан в поисках глубинных, философских смыслов социальных трансформаций 1920-1930-х гг., феноменов аскетизма, прощения человеком государства, жертвования своим настоящим ради светлого будущего.

В 1990-х гг. выходит ряд российских обобщающих исследований брачно-семейных отношений в раннесоветском обществе, среди которых следует выделить историко-социологические работы А.Г. Харчева, А.И. Черных, историко-демографические труды А.Г. Волкова. А. Г. Харчев характеризует крестьянские нравственные традиции и законодательство дореволюционной России, а также тенденции в сфере сексуальной жизни и семейных отношений после 1917 г., называя «разрушение до основания для строительства нового», главным идейным постулатом политики первых лет советской власти². А.Г. Волков описывает факторы, способствующие резкой ломке традиционных форм демографического поведения российской семьи, а также рассматривает обратную сторону культурного развития и экономической независимости женщин – «двойную нагрузку работающих матерей»³. А. И. Черных приходит к выводам о возрастании вмешательства государства в личную жизнь граждан, особенно в эпоху индустриализации - в период восполнения нехватки рабочих рук за счет женщин, «массированной антисексуализации» общества и вытеснения ценностей интимной жизни⁴.

В целом период 1990-х гг. для столичных исследователей стал переходным периодом в осмыслении советской истории: доступ к ранее недоступным документам, интерес к антропологическому подходу подготовил почву для бурного развития проблематики повседневной жизни.

В 1990-х гг. интерес к раннесоветскому периоду курганских историков был связан с обращением к крупным темам, прежде всего к коллективизации. Однако

---

¹ Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.

² Харчев А.Г. Социалистическая революция и семья// Социологические исследования. 1994. № 6. С. 90-95.

³ Волков А.Г. эволюция российской семьи в XX веке// Мир России. 1999. № 4. С. 47-57. С. 50—52.

⁴ Черных А.И. «Крылатый Эрос» и промфинплан// Социологические исследования. 1993. № 8. С.105-113.

ряд специалистов, в числе которых А.М. Васильева¹, М.М. Козлова², Т.Э. Шевченко³, С.А. Арефьева и И.Г. Коурова⁴ и другие авторы⁵, обращаются к исследованию школьного и культурного строительства. В первую очередь они акцентируют внимание на истории досуговых организаций: курганских кинотеатров, радиоузлов, городских садов и цирка, практически не рассматривая их работу с точки зрения городских обывателей. Тематически обособленной на общем фоне выглядит статья курганского историка М.Н. Тайболиной⁶, посвященная исследованию причин голода начала 1920-х гг. и эффективности мероприятий советской власти по борьбе с этим бедствием в Курганском уезде. Однако указанная работа также демонстрирует традиционный подход к рассматриваемой проблеме – выяснение, что было и чего не было сделано властями для улучшения снабжения населения продовольствием. Историко-антропологический подход на данном этапе остался невостребованным курганскими исследователями.

В последние два десятилетия осмысление раннесоветской действительности с позиции исторической антропологии происходит комплексно, на стыке нескольких исследовательских направлений. Наряду с историками данную проблематику активно разрабатывают философы, социологи, культурологи, антропологи в историко-философском, культурно-историческом и иных контекстах. Среди исторических работ по заявленной проблематике можно выделить ряд монографий отечественных авторов, всесторонне и глубоко освещающих вопросы раннесоветской повседневности. Петербургский историк Н.Б. Лебина в своих обобщающих трудах «Повседневная жизнь советского

¹ Васильева А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение. Куртамыш, 2013.

² Козлова М. М. Кино, радио и печать Зауралья в 20–30-е годы// Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 1999. Вып. 2. С. 108–115.

³ Шевченко Т.Э. Культура Зауралья в 20-е годы// Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 1998. С. 7-20. Шевченко Т.Э. Проблема взаимоотношения учительства и власти в 20-е годы// Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 1999. Вып. 2. С. 105-108. Шевченко Т.Э. Культурное строительство в послереволюционный период. 1917-1928 гг.// История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (Советский период). Курган, 2004. С. 11- 45.

⁴ Арефьева С.А., Козлова М.М., Коурова И.Г. Культурное строительство в Южном Зауралье в 1928-1941 годы// Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 1998. С. 20-51.

⁵ История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (Советский период). Курган, 2004.

⁶ Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии)// Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 5. Курган, 1993. С. 98-103

города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы»¹ и «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю»² уделяет внимание бытовым практикам выживания советских граждан в условиях товарного дефицита и формирования государственной системы нормированного распределения, жилищному вопросу и досуговым практикам горожан в контексте складывания новых норм и аномалий в быту⁵. На ленинградском материале Н.Б. Лебиной охарактеризован феномен советской коммунальной квартиры, при этом историк называет микроисторическое исследование «наиболее эффективной методикой изучения именно жилищного вопроса»³. Достаточно подробно Н.Б. Лебина рассматривает одежду ленинградцев, при этом значительным подспорьем для автора стало наличие обширного круга источников личного происхождения по истории ленинградской повседневности.

В комплексном исследовании И.Б. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления»⁴ с позиции «рядовых» граждан раскрываются проблемы обеспечения населения товарами и услугами, вопросы развития советского жилищно-коммунального хозяйства в целом, повседневного досуга (в том числе девиантного), а также отдельные аспекты внутрисемейных взаимоотношений.

Авторы монографии «Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций»⁵ Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова и Т.П. Хлынина называют повседневность «единственным возможным выражением полнокровной жизни человека, вбирающей в себя все возможные траектории его развития»⁶. Рассматривая восприятие советскими людьми времени времени и пространства, досуга, потребления и практик выживания граждан в условиях нормированного снабжения, исследователи приходят к выводам о

¹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб., 1999.

² Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

³ Там же. С. 68.

⁴ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. Том 8. 2014. № 2. С 78-85.

⁵ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011.

⁶ Там же. С. 336

«многоликости проявлений советской повседневности и присутствия в ней «осколков» прежней, никуда не уходящей жизни»¹.

Отдельного внимания заслуживает масштабный проект группы уральских историков под руководством Л.Н. Мазур «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования», в рамках работы над которым на протяжении 2016-2018 гг. были опубликованы 6 монографий, 6 сборников научных трудов и свыше 100 научных статей². Широкая проблематика историко-антропологических исследований жизни горожан 1920-1930-х гг. нашла отражение в работах Л.Н. Мазур³, А.П. Килина⁴, О.С. Поршневой⁵, И.В. Даренской⁶. Одним из крупных итогов проделанной работы

¹ Там же. С. 337.

² Портал УрФУ. Научная лаборатория «Международный центр демографических исследований». URL: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/rosp/articles/> (дата обращения: 03.07.2021).

³ Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917 - 1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 7-28. Мазур Л. Н. Соцгород как исторический феномен раннесоветского общества // Город, социум, среда: история и векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 2017. С. 7-14. Мазур Л. Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917-1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. №3. С. 183-198. Мазур Л.Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 470-497. Мазур Л. Н. Раннесоветский кинематограф как инструмент формирования синдрома войны // Советский проект: этапы и механизмы реализации. 1917-1930-е гг. Екатеринбург, 2018. С. 73-85.

⁴ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018. Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. Челябинск, 2016. № 1. С. 56–63. Килин А. П. «Будем жить!». Из практики борьбы с частной торговлей на Урале в годы НЭПа // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 185–199. Килин А. П. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа // Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития. Материалы межрегиональной конференции, приуроченной к 280-летию г. Челябинска. Челябинск, 2016. С. 44-54.

Килин А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2017. № 1 (250). Вып. 41. С.133–141.

Килин А. П. «Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции 1920-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 177-194.

⁵ Поршнева О.С. Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 6-19. Поршнева О. С., Даренская И. В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928–1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 101 - 110.

Поршнева О. С., Даренская И.В. Стратегия борьбы с военной угрозой как механизм мобилизации советского общества на рубеже 1920-1930-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 245-254. Поршнева О. С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С. 383-397. Поршнева О. С. Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 372-382.

⁶ Поршнева О. С., Даренская И. В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928–1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 101 - 110.

стала двухтомная монография «Раннесоветское общество как социальный проект. 1917-1930-е гг.»¹. Авторы выделяют три стадии развития проекта социалистического строительства: радикальную (военный коммунизм), переходную/нэповскую (многоукладное общество) и тоталитарную (советское общество), а к субъектам социального проектирования относят не только партийных идеологов, но и рядовых граждан².

В последние десятилетие получили развитие комплексные исследования региональной повседневности 1920-1930-х гг., авторы которых рассматривают общее и особенное в формировании «советского человека» в провинции³.

Отдельные аспекты раннесоветской действительности находят детальную разработку в трудах современных историков. Отечественная историография городского благоустройства теснейшим образом связана с исследованиями жилищного вопроса. Сфера советского ЖКХ в целом 1920-1930-х гг. вошла в круг научных интересов упомянутых выше Н. Б. Лебиной⁴, И.Б. Орлова (в том числе его монография «Коммунальная страна»: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941 гг.))⁵ и других исследователей. Жилищная политика раннесоветского периода – центральная тема исследований М.Г. Мееровича, подготовившего докторскую диссертацию и ряд монографий по

Поршнева О. С., Даренская И.В. Стратегия борьбы с военной угрозой как механизм мобилизации советского общества на рубеже 1920-1930-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 245-254.

¹ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917– 1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург, 2018. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение. Екатеринбург, 2019.

² Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 3-4

³ Корноухова. Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. 197 с. Иминохоев. А. М. История повседневности и динамика качества жизни городского населения Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 190 с. Денисова. М.А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы. (На материалах города Курска): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 193 с. Макарова. Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929– 1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. 280 с. Соловьева. Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920-1930-е гг. (на материалах г. Саратова): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 269 с. Смирнова. В. В. Советская урбанизация и трансформация социальной среды региональных центров Европейского Севера России в 1921-1939 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2017. 250 с. Хатанзейская. Е.В. Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929-1945 гг. (по материалам Архангельска): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2019. 318 с.

⁴ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 68

⁵ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 317 с. Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. Том 8. 2014. № 2. С 78-85. Орлов И.Б. «Коммунальная страна»: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941 гг.): М., 2015.

данной теме¹. Семиотике пространства коммунальной квартиры посвящено исследование И.В. Утехина², опирающегося на методы интервью, наблюдения и фотографирования. На материалах Поволжья развитие городской сферы ЖКХ межвоенного периода рассмотрено В.А. Чолахян³, исследованию этого вопроса в Горном Алтае посвящена работа Т.В. Захаровой⁴, жилищные условия жителей малого провинциального города Верхнеудинска анализируют С.В. Кириченко и А.М. Иминохоев⁵.

Фундаментальным исследованием советской торговли, распределения товаров и источников снабжения советского населения в период индустриализации является монография Е.А. Осокиной⁶. Работы Е.Д. Твердюковой посвящены изучению сферы частной торговли рубежа 1920-1930-х гг., общественного питания и работе колхозных рынков Ленинграда в 1930-х годах⁷. Становление и развитие системы советского общепита отражено в исследованиях Д.А. Попова⁸, Д.В. Ильющенко⁹. С философско-культурологической позиции вопросы советских гастрономических практик прослеживают И.В. Сохань, Д.В. Гончаров, рассматривая систему продовольственного снабжения советского периода как «тоталитарную практику

¹ Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2004. Меерович М.Г. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. 1917-1941 гг. Иркутск, 2003. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада. Иркутск, 2008. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). М., 2008.

² Утегин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2004.

³ Чолахян В.А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920-1930-х годах// Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 64-73.

⁴ Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920-1930-е гг.// Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №1 (13). С. 53-56.

⁵ Кириченко С.В., Иминохоев А.М. Жилищные условия горожан и благоустроенность г. Верхнеудинск// Байкальские встречи – X. Улан-Удэ, 2018. С. 184 - 192.

⁶ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927-1941. М. 1999.

⁷ Твердюкова Е.Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С.126-133; Твердюкова Е.Д. Общественное питание Ленинграда во второй половине 1930-х годов: трансформация системы// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 2. С. 40-49; Твердюкова Е.Д. Persona поп grata: частник в советской торговле на рубеже 1920-1930 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Том 4. № 4. С. 24-35.

⁸ Попов Д.А. Общественное питание: советская организация// Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 3 (89). С. 123-135.

⁹ Ильющенко Д.В. Потребление населения и общественное питание в Советской России в условиях военного коммунизма, НЭПа и индустриализации. - Вестник РУДН, серия Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 21-31.

дисциплинирования посредством распределения пищи», «крайнее овнешнение» повседневной жизни как инструмент властного контроля над обществом¹. Преобразования в сфере пищевых практик И.В. Сохань называет одним из важнейших средств формирования субъективности советского человека, а развитие системы советского общепита объясняет, в частности, изменением сложившихся гендерных отношений, получением женщиной новой, активной роли в советском обществе². К изучению продовольственных проблем отдельных категорий населения в 1920-1930-е гг. обращаются Т.А. Катцина и ее соавторы³. Отдельного внимания заслуживает масштабное исследование уральской повседневности революционных лет, проведенное И. В. Нарским, «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг.»⁴. В центре внимания автора оказались проблемы «рядового» человека: особенности существования и поведения граждан в условиях голода.

В изучении досуговой культуры раннесоветского города исследователи обращают внимание на яркие примеры государственного идеологического регулирования этой сферы и ответного реагирования населения, обращаясь к анализу киноиндустрии (В.А. Сомов, Г.М. Юсупова)⁵, танцевальной культуры (И.Е. Сироткина)⁶ и паркового отдыха. Городской парковый досуг раннесоветского периода рассматривается современными историками как инструмент «переделки сознания»⁷. Разработаны культурологические

¹ Сохань И.В., Гончаров Д.В. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект. - Полития. 2013. № 2 (69), с. 145

² Сохань И.В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг. - Женщина в российском обществе. 2011. № 4, с. 88-95.

³ Kattsina T.A., Marinenko L.E., Paschina N.V., Lisina S.A. Financial and food supply of teachers in higher education institutions in siberia in the 1920s Life Science Journal. 2014. Т. 11. № 12s. С. 781-783. Катцина Т.А., Мариненко Л.Е., Чеберяк Н.В. Студенчество Сибири в 1930-1945 Гг.: место в иерархии снабжения и материальное положение// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-1 (36). С. 86-89.

⁴ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.

⁵ Сомов В. А. «Возросший рабоче-крестьянский зритель требует...»: кино и советский человек 1930-х гг.// Клио. 2013. № 6. С. 63–68. Юсупова Г. М. Кассовые феномены кинематографа 1920-х и легенда о «новом зрителе»// Киноведческие записки. 2013. № 102–103. С. 151–167.

⁶ Сироткина И.Е. Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 1920-е годы// Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 153-162.

⁷ Барышева Е.В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг.// Изв. УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 9–25. Угрехелидзе Е.А. К вопросу о создании Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького: историко-социологический аспект // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 3 (13). С. 84–91.

исследования парков культуры и отдыха: Н.Л. Шайгарданова в своей диссертации характеризует советские парки как явление культуры и воплощение идеологического проекта¹. Становление и развитие парков как социокультурного феномена – тема монографии «Советский Эдем» Л.А. Мясниковой и Н.Л. Шайгардановой². Отметим, что в центре исследования историков и культурологов московский ЦПКиО им. М. Горького, ставший «матрицей для всех иных ПКиО»³. ПКиО»³.

Теме девиантного досуга ленинградцев в послереволюционное время посвящены многочисленные работы И.В. Сидорчука⁴ и значительная часть монографий Н.Б. Лебиной⁵. На региональном материале указанная тема рассмотрена М.А Чавкиной⁶, проблемам пьянства в Ижевске в годы НЭПа посвящено исследование М.Л. Блинова⁷. Монография М.И. Мирошниченко «Проституция на Урале и борьба с ней в 1920-1935 годах»⁸, выполненная в рамках исторической феминологии, иллюстрирует в том числе и отдельные аспекты мужского девиантного времяпрепровождения.

Историография вопроса о взаимоотношениях полов в раннесоветском обществе сама является объектом научного интереса, в частности, исследователей А.М. Пушкарева⁹, Л.Н. Мазур¹⁰, Л.Ю. Анисимовой¹, О.М. Здравомысловой² и других.

¹Шайгарданова Н.Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта. Дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014.

² Мясникова Л.А., Шайгарданова Н.Л. Советский Эдем. Екатеринбург, 2016.

³ Там же. 160

⁴ Сидорчук И.В. Изучение истории девиантного досуга: постановка проблемы //Петербургская Весна Культуры. СПб., 2016. С. 54-56. Сидорчук И.В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг.// Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 144-158. Сидорчук И.В. Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг.// История повседневности. 2018. № 1. С. 18-32.

⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб., 1999. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015

⁶ Чавкина М.А. Девиантное поведение в рабочей среде в годы НЭПа (на примере БАСССР// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 215-218.

⁷ Блинов М.Л. Пьянство как социальное явление советского города в 1920-е год (на материалах Ижевска)// Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013. Вып. 3. С. 141-146.

⁸ Мирошниченко М.И. Проституция на Урале и борьба с ней в 1920-1935 годах. Челябинск, 2018.

⁹ Пушкарев А.М. Отношения между полами в общественных дискуссиях 1920-х годов в России (отечественная и зарубежная историография). Дис. ...канд. ист. наук. М., 2008.

¹⁰ Мазур Л.Н. История раннесоветской семьи: проблемы типологии// Документ. Архив. История. Современность. 2015. № 15. С. 115-125.

Сегодня специалистов из разных областей общественных и гуманитарных наук интересуют механизмы трансформации семьи и гендерных ролей в раннесоветском обществе. Проблематика гендерных изменений этого периода вошла в сферу научных интересов социологов, культурологов, демографов, литературоведов, образуя настолько солидный пласт научных изысканий, что мы вполне осознанно выпускаем большую его часть из поля зрения, чтобы сосредоточить внимание на исторических работах.

Основоположник исторической феминологии в России Н.Л. Пушкарева приводит определение гендерного порядка и периодизацию истории женщин в СССР, отмечая, что на протяжении 1920-х гг. в ходе большевистского эксперимента в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений женский вопрос решался посредством дефамелизации (рассеивания) и политической мобилизации женщин; в конце 1920-х гг. начинается период жесткой экономической мобилизации женщин, вовлечения последних в сферу тяжелого труда и культивирование бесполости, продлившийся до середины 1950-х гг.³. Исследователь женского вопроса М.И. Мирошниченко рассматривает трансформацию женской гендерной роли в СССР на протяжении 1920-первой половине 1930-х гг., определяя это время как период становления и развития первой советской женской гендерной модели, ядром которой является гендерная роль, под которой уральский историк понимает разновидность социальной роли, «совокупность предписанных и ожидаемых образцов поведения, которые определяют дифференциацию прав и обязанностей, статусов, деятельности людей в зависимости от их половой принадлежности»⁴. М.И. Мирошниченко выделяет два этапа функционирования первой советской гендерной модели⁵. Изменения советской гендерной политики во второй половине 1930-х гг. свидетельствуют, по

---

¹ Анисимова Л.Ю. Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20-30-е гг. XX в.// Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 221-231.

² Здравомыслова О.А. Как рождался «советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России// Демографическое обозрение. 2017. Том 4. № 1. С. 124-143.

³ Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок// Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (11). С. 8-23. Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков// Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3-17.

⁴ Мирошниченко М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг.// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 1. С. 35.

⁵ Там же. С. 35.

мнению историка, о складывании второй советской гендерной модели, для которой, как и для первой, характерен ряд специфических черт¹. Итогом многолетних исследований автора в этой области стала монография «Женщины на Урале в 1920-1935 гг.»².

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина рассматривают создание ««нового» советского гендера», анализируя политику большевиков в области женского вопроса, приходя к выводам о том, что в ходе столкновений этакратической политики и традиций в раннесоветском обществе формировались разные гендерные уклады; в 1930-х гг. происходит изменение гендерной политики: государство активно поддерживает семью и материнство, мобилизуя женщин как репродуктивную и рабочую силу³. В поле зрения О.А. Хасбулатовой – гендерное мифотворчество советских идеологов, результатом которого стало устойчивое функционирование в обществе мифа о равноправии полов⁴. Первым советским преобразованиям в области социальной политики, связанным с деятельностью А.М. Коллонтай, и отношению к ним населения посвящена работа О.М. Долидович и Т.А. Катциной⁵. Проблемам детской повседневности раннесоветского периода посвящена монография Т.М. Смирновой⁶. С.Н. Гавров рассматривает позиции революционных идеологов относительно семейного вопроса и социалистического воспитания детей⁷.

Аналогичные тенденции расширения и углубления проблемного поля исследований характерны для курганской историографии последних двадцати лет. Первым комплексным исследованием повседневной жизни курганцев раннесоветского периода стала кандидатская диссертация М.С. Жулевой

---

¹ Мирошниченко М.И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 15. № 1. С. 23-24.

² Мирошниченко М.И. Женщины на Урале в 1920-1935 гг. Челябинск, 2013.

³ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе// Журнал исследований социальной политики. 2003. Том. 1. №3-4. С. 319.

⁴ Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики// Женщина в российском обществе 2018. № 4. С. 49—59.

⁵ Долидович О.М., Катцина Т.А. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года)// Журнал исследований социальной политики. 2011. Том. 9. № 2. С. 255-276.

⁶ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. СПб., 2015.

⁷ Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. М., 2009.

«История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг.»¹, где автор подробно характеризует демографический состав населения, заболеваемость курганцев и развитие городского здравоохранения, жилищные условия населения, изменения в семейной политике советской власти и идеологические практики формирования «нового советского человека», в том числе праздничную культуру, кратко характеризует состояние городского благоустройства и питания курганцев в 1930-х гг. Отметим, что М.С. Жулева, достаточно подробно освещая идеологические «вызовы» власти по отношению к обществу, не всегда представляла «ответы» на них со стороны курганского населения, тем самым не в полной мере реализуя историко-антропологический подход. В отдельных статьях М.С. Жулева² выделяет ряд типичных для 1930-х гг. видов досуговой деятельности горожан, определяет круг актуальных для того времени семейных проблем – рукоприкладства, алиментных обязательств, детской беспризорности и хулиганства малолетних – приходя к выводам о сохранении у части курганцев традиционного взгляда на воспитание детей и положение женщины в семье.

В 2009 г. были изданы «Очерки культуры повседневности города Кургана XIX- первой трети XX века»³, где нашли отражение некоторые аспекты повседневной жизни горожан 1920-х гг. Десятилетие спустя вышла коллективная монография «Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение⁴», которая обобщила исследования местных историков, проведенные в последние годы. Эта работа представлена трудами Е.В. Тершуковой о квартирном вопросе 1920-х гг.: городской застройке, жилищной политике советской власти, новых улицах и зданиях г. Кургана⁵. Нормативное

---

¹ Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004.

² Жулева М.С. Свободное время курганцев в конце 20-начале 30-х годов XX в. (по материалам периодической печати)// 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Курган, 2002. С. 116-119. Жулева М.С. Семейная политика советского государства в 20-30-е гг. и основные проблемы курганской семьи// VI Зырянские чтения. Курган, 2008. С. 91-93.

³ Очерки культуры повседневности города Кургана XIX- первой трети XX века. Курган, 2009.

⁴ Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Курган, 2020. С. 236-275.

⁵ Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Курган, 2020. С. 9-49. Тершукова Е.В. Несостоявшийся прорыв: городская застройка в 1920-1930-е гг.// Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 23. Курган. Тобольск, 2014. С. 127-130. Тершукова Е. В. Новые улицы Кургана периода НЭПа // VIII Зырянские чтения. Курган, 2010. С. 136–137. Козельчук Т. В., Тершукова Е.В. Документы органов ЖКХ в изучении повседневности Кургана периода НЭПа (по материалам ГАКО) // VI Емельяновские чтения. Курган,

регулирование поведения горожан в 1920-х гг., в том числе и в области благоустройства, становится темой исследования Т.В. Козельчук¹. Ею же впервые предпринято исследование женской повседневности города Кургана, в котором историк анализирует изменения, произошедшие в жизни горожанок и адаптацию последних к новым политическим, социальным, экономическим и культурным реалиям. М.А. Перова рассматривает реализацию гендерной политики большевиков в Курганском и Шадринском округах на примере детской и подростковой повседневности². Отдельные вопросы городской санитарии в контексте эпидемиологической обстановки в Курганском уезде 1920-х гг. затрагивает в своих работах Д. В. Катанцев³.

Таким образом, в последние десятилетия антропологический поворот увлек немало представителей столичной и региональной науки, часть которых сосредоточила свое внимание на проблемах раннесоветской повседневности.

Зарубежная историография исследуемого периода российской истории представлена, прежде всего, американскими авторами: после окончания Холодной войны в США произошла смена методологических подходов к истории советского государства, а также изменение проблемного поля исследований. На смену историографии тоталитаризма, в центре внимания которой оказался феномен тоталитарного политического устройства, приходят исследования повседневных практик советского общества. В начале 1990-х гг. в России вышла монография американского историка Л. Холмса⁴, ставшая одной из первых переведенных в этот период на русский язык книг по социально-политической проблематике раннесоветского общества, раскрывающей противоречия между проводимой государством политикой и социальной реальностью. В одном из

2012. С. 233–235.

¹ Козельчук Т.В. Нормативно-правовое регулирование повседневной жизни Кургана в 1920-е гг. // Вестник Курганского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. №3. С. 74-78. Козельчук Т.В., Тершукова Е.В. Документы органов ЖКХ в изучении повседневности Кургана периода НЭПа (оп материалам ГАКО) // VI Емельяновские чтения. Курган, 2012. С. 233 - 235.

² Перова М.А. «Товарищ девочка». Гендерная политика Советской России 1917-1930-х гг. и детская повседневность (на материалах Курганского и Шадринского округов) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2018. Т. 2. С. 249-254.

³ Катанцев Д.В. Повседневность города Кургана в ракурсе документов Чекатифа // Развитие научной, творческой и инновационной деятельности молодежи. Материалы VII Всероссийской научно-практической заочной конференции молодых ученых. Курган, 2015. С. 276-277.

⁴ Холмс, Л.Ю. Социальная история России: 1917 – 1941. Ростов-на-Дону, 1993.

своих интервью Л. Холмс, на протяжении многих лет приезжающий в рамках исследований в Москву и г. Киров, отметил, что в провинции «история открывается порой более откровенно...хорошо видишь реакцию на принятые решения в столицах, обнаруживаются явления, которые оголяют суть проблемы, помогают глубже понять изучаемый вопрос»¹.

Ярчайший представитель американской русистики - Шейла Фицпатрик, автор известной в России монографии «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город»², - комплексного исследования поведенческих практик и ментальности представителей разных поколений и социальных слоев молодого советского государства, оказавшихся в условиях масштабных перемен. Еще одна монография Ш. Фицпатрик³ посвящена феномену государственного конструирования классов и определения классовой идентичности.

В начале XXI в. в американской и западноевропейской историографии получают развитие исследования отдельных сторон жизни раннесоветского общества и процессов государственного конструирования социума: проектов по созданию «нового советского человека», «советской женщины»⁴, паркового досуга как средства реализации этих идей⁵, роли советской женщины в промышленности и сельском хозяйстве⁶. Впервые в западной историографии признается и исследуется частная жизнь советского человека⁷.

Историографический обзор историко-антропологической проблематики раннесоветской действительности демонстрирует нарастающий научный интерес,

¹ Котов А. Американский историк Лэрри Холмс: «Вятка - особенный город!»// Вятская газета. 2018. № 4 (04). С.1-2.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

³ *Fitzpatrick Sh.* Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. — Princeton: Princeton univ. press, 2005. — XII, 332 p.

⁴ *Bernstein F.L.* The dictatorship of sex: Lifestyle advice for the Soviet masses. — DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2007. — XVII, 246 p. *Cheng Y.* Creating the 'new man': From Enlightenment ideals to socialist realities. — Honolulu: Univ. of Hawai'i press, 2009. — X, 265 p.

⁵ Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012.

⁶ *Buckley M.* Mobilizing Soviet peasants: Heroines and heroes of Stalin's fields. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. — XV, 367 p. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. — 358 с.

⁷ *Borders of socialism: Private spheres of Soviet Russia* / Ed. by Siegelbaum L.H. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. — X, 291 p.

расширение и углубление проблемного поля исследований в России и за рубежом, что свидетельствует об актуальности, общественной значимости интерпретаций одного из ключевых периодов советской истории.

Объектом исследования выступает г. Курган в 1919-1941 гг.

Предметом исследования - повседневная жизнь жителей города Кургана в 1919-1941 гг.

Территориальные рамки – город Курган, являющийся в 1919-1923 гг. центром Курганского уезда Челябинской области, в 1923-1930 гг. – окружным центром Уральской области, с 1930 г. – центром Курганского района в составе Уральской, а с 1934 г. Челябинской области, с 1940 г. – городом областного подчинения в составе Челябинской области. На протяжении исследуемого периода Курган оставался небольшим провинциальным городом, на примере которого можно проследить течение и специфику изменений повседневной жизни жителей малых городов РСФСР.

Хронологические рамки – 1919-1941 гг.: от окончательного установления советской власти в г. Кургане в августе 1919 г. до начала Великой Отечественной войны.

Цель исследования – выявление бытовых условий жизни и повседневных практик курганцев в контексте преобразований раннесоветского периода.

Задачи исследования:

- охарактеризовать жилищные условия жителей Кургана и проблемы городского благоустройства, волновавшие граждан на протяжении исследуемого периода;
- исследовать хозяйственную деятельность горожан (личное подсобное хозяйство) и практики выживания курганцев в условиях голода, нормированного снабжения и дефицита;
- проследить изменения внешности и одежды курганских мужчин и женщин, представителей старшего и молодого поколения;
- дать характеристику досуговым практикам жителей города Кургана, рассмотреть виды досуга и отношение к ним власти и общества;

- выявить особенности внутрисемейных отношений и обязанностей курганских мужчин и женщин, а также детских повседневных практик в семье.

Источниковая база исследования представлена тремя типами исторических источников – письменными, устными и изобразительными. К письменным источникам относятся законодательные акты: Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1936 г., декреты и постановления ВЦИК, СНК РСФСР, дающие представления о задачах советского государства в той или иной сфере общественной жизни. Основная часть письменных источников отложились в фондах Государственного архива Курганской области, Государственного архива социально-политической истории Курганской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, а также Курганского областного краеведческого музея и Курганской областной научной библиотеки имени А.К. Югова. Кроме того, были привлечены делопроизводственные документы ЦК ВЛКСМ, отложившиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде «Центральный комитет ВЛКСМ (1918-1991)» (м-1).

Среди документов Государственного архива Курганской области, используемых в настоящем исследовании, основной массив составляют делопроизводственные материалы фондов местных органов власти: «Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» (р-465), «Исполнительный комитет Курганского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком)» (р-635), «Управление жилищно-коммунального хозяйства Курганского горисполкома» (р-712), «Отдел коммунального хозяйства Курганского уисполкома» (р-158), «Отдел социального обеспечения Курганского уисполкома» (р-228), «Управление Курганской городской и уездной Советской рабоче-крестьянской милиции» (р-461), «Курганская горюездная комиссия помощи голодающим при Курганском уисполкоме» (р-314). Документы этих фондов содержат официальные сведения о различных аспектах городской повседневной жизни: городском благоустройстве, масштабах строительства и нормах жилой площади, численности населения и

поголовье домашнего скота, водоснабжении и электроснабжении, практиках выживания граждан в условиях голода и многом другом.

В Государственном архиве социально-политической истории Курганской области представлены фонды партийных организаций: «Курганский окружной комитет ВКП(б)» (фонд 7), «Курганский городской комитет КПСС» (фонд 10), «Кетовский (Курганский) районный комитет КПСС» (фонд 11), «Курганский железнодорожный районный комитет ВКП(б)» (фонд 121), «Первичная организация КПСС ПО «Кургансельмаш»» (фонд 3876), а также фонд 6905 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курганской области», несущие информацию об общественных настроениях, актуальных проблемах граждан, точках зрения курганского руководства по тому или иному вопросу, возникающих в ходе заседаний партийных комиссий.

Делопроизводственные документы и статистические сведения, относящиеся к городу Кургану, отложились в ряде фондов Объединенного государственного архива Челябинской области. В ходе работы с фондами «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области» (р-485), «Главное управление экономического развития и торговли Челябинской области» (р-804) «Инспектура народнохозяйственного учёта Челябинского городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся» (р-1055) нам удалось проследить динамику численности населения города Кургана, получить сведения о жилом фонде.

Важным письменным источником настоящего исследования являются публикации газеты «Красный Курган» - единственной курганской газеты межвоенного периода. Несмотря на то, что главное место в этом издании отводилось общероссийским (общесоюзным) материалам с известной долей политизированности, а также уездным новостям, газетные сведения о жизни города представляют значительный исторический интерес. Кургану посвящены весьма разнообразные публикации: от официальных постановлений и данных статистики до репортажей с места событий и острых фельетонов на «злобу дня». Обращает на себя внимание некоторая «прямолинейность» и «наивность»

материалов местных корреспондентов 1920-х годов. В «Красном Кургане» без снисхождения критиковалась деятельность городских властей в целом, конкретных должностных лиц или простых обывателей. Печатались новости, переданные «с мест» энтузиастами с последующим отчетом о проверке по изложенным фактам. Десятилетие спустя «Красный Курган» утрачивает «живость» и «прямоту» изложения местных новостей, присущих материалам 1920-х годов, однако не прекращает публиковать официальные постановления и отчеты, фельетоны, заметки и письма горожан о состоянии городского коммунального хозяйства, общепита, досуговых практиках курганцев и многом другом. С другой стороны, «Красный Курган» содержит многочисленные агитационные и обличительные публикации: биографии отличившихся тружеников и тружениц; борьбу за «новый быт» и «культурный досуг». Важно понимать, что подобные материалы агитационно-пропагандистского характера почти не дают сведений о некоей «срединной» линии поведения обывателей.

Исследователи курганской повседневности вынуждены работать в условиях отсутствия источников личного происхождения этого периода. В государственных и частных архивах хранятся воспоминания жителей города Кургана, записанные в более позднее время. Как правило, это мемуары ветеранов какой-либо службы, решившихся описать свой жизненный путь в контексте общегосударственных и региональных событий. Теме повседневной жизни в этих источниках отведено второстепенное место, однако малая значимость бытовых сюжетов для автора мемуаров делает эти фрагменты источника более достоверными, лишая их излишней политизированности. Настоящее исследование существенно обогатило неопубликованные воспоминания В.С. Коржева (ГАСПИКО, фонд 6915), И.А. Ленского-Зыкова (КОКМ, фонд 2), М.С. Парфеновой (ГАКО, фонд р-2345), З.М. Носыревой (Терентьевой) (музей Кетовского ДЮЦ), Е.Г. Лагун-Неустроевой (ГАКО, фонд р-2275; музей Кетовского ДЮЦ), А.С. Севастьянова (личный архив Кладовой К.Ю.), а также опубликованные мемуары В.Е. Васильева, Л.Г. Подкорытовой, Н.В. Нассар.

Историческими источниками послужили и собранные автором устные воспоминания курганцев, детство и юность которых прошли в раннесоветский период. Возможности этого типа источников широко обсуждаются применительно к различным направлениям исторических исследований. Сейчас среди историков можно встретить различные мнения насчет перспектив устной истории: от неприятия до признания ценности устных источников и разработки приемов их анализа¹. В ходе настоящего исследования автор столкнулась с проблемой нехватки эго-источников для реконструкции жизни «рядовых» граждан провинциального города Кургана в 1920-1930-х гг. Решение собирать устные рассказы не подвергалось сомнению: напротив, мыслилось как уникальный шанс зафиксировать воспоминания немногих оставшихся в живых курганцев – современников исследуемой эпохи. Интерпретируя устные источники по истории курганской повседневности, мы очень осторожно отнеслись к оценкам прошлого, которые давали рассказчики. Нужно учитывать, что рассказчик говорит о событиях многолетней давности, на его память влияют разнообразные факторы: состояние здоровья, особенности личности, социальная и индивидуальная оценка описываемых явлений.

Устные рассказы современников эпохи обогащают наши знания о прошлом разнообразными «житейскими» подробностями. Воспоминаниями о своих детских и юношеских заботах, труде и досуге, повседневной жизни своих семей и города в целом ярко и эмоционально делились В.Е. Кунгуров 1925 г.р., Ф.И. Захарова 1924 г.р., А.П. Невзоров 1924 г.р., О.Н. Кряжевских 1926 г.р., А.М. Половинкина 1928 г.р. Три интервью были нами опубликованы путем дословного воспроизведения устной речи². Аудиозаписи всех интервью хранятся на

---

¹ Черепанова Р.С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории// Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13, № 1. С.80-85. Мазур Л.Н. Голоса сельской истории. Рец. на кн.: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история// Известия уральского университета. № 3 (65), 2009. Гуманитарные науки. С. 296-302. Черепанова Р.С. «Устная история как вызов историку»: теоретические проблемы и практический опыт на постсоветском пространстве// Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения. Тюмень, 2009. С. 207-211. Лаптева Е.В. Особенности устной истории как метода исторического познания// Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения. Тюмень, 2009. С.211-216.

² Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х гг. в устных источниках// Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Вып.13. Нижневартовск, 2014. С. 172-191. Кладова К.Ю. Мир детской повседневности Кургана 1930-х годов в воспоминаниях О.Н. Кряжевских// Сборник научных трудов аспирантов, соискателей и студентов, обучающихся в магистратуре Курганского государственного университета.

электронном носителе в личном архиве автора настоящего исследования, в тексте диссертации цитирование идет дословно.

Устные источники несут сильную эмоциональную нагрузку, заключают в себе оценочную информацию и сведения фактического характера. Эмоциональный компонент источника погружает исследователя в атмосферу эпохи через создание ярких, запоминающихся, проникающих в душу образов. Оценочная информация, содержащаяся в устных источниках, может охарактеризовать настоящие и прошлые взаимоотношения человека с окружающим миром и его отношение к самому себе, она помогает глубже понять и вернее интерпретировать источник. Устная история вводит историка в жизненное пространство конкретного человека, который, находясь с нами лицом к лицу, рассказывает о своем привычном бытии. Устные материалы содержат большой пласт фактической информации, необходимой историку для реконструкции отдельных сторон раннесоветской действительности. Рассказ человека о собственной жизни вписан в контекст семейной и городской повседневности.

Основным источником реконструкции внешнего вида курганцев в исследуемый период стали опубликованные и неопубликованные фотодокументы из фондов государственных архивов и частных коллекций. Фотодокументы являются необходимым источником для специалистов по истории костюма и моды. Однако в 1920-1930-х гг. в провинции фотография была делом редких специалистов, поэтому сугубо бытовые сюжеты на курганских снимках почти не встречаются. Среди фотокарточек этого периода присутствуют групповые снимки, сделанные на предприятиях, школах и т.п., а также портреты из фотоателье. Причем портрет, оставаясь, по словам И.В. Нарского, самым консервативным жанром фотографии, с момента широкого распространения фотосъемки вышел на первый план в реализации «функции документации и

верификации порядка, статуса и счастья»¹. Создавая некую иллюзорную реальность, салонный портрет отражает не столько реальную действительность, сколько желанную заказчиком видимость, в буквальном смысле этого слова. Однако в нашем случае основной массив курганских фотоисточников 1920-1930-х гг. составляли несалонные коллективные портреты рабочих, служащих, школьников. Имея в распоряжении довольно большой объем фотокарточек, исследователь получает возможность характеризовать внешний вид мужчин и женщин, представителей разных поколений горожан.

Комплексное использование письменных, изобразительных и устных исторических источников позволяет полнее реализовать историко-антропологический подход к изучению раннесоветской действительности. Учет источниковедческих особенностей каждого из этих типов источников: решение проблемы достоверности и полноты, преодоление трудностей интерпретации «языка» источника позволяет раскрыть их потенциал, тем самым обогатив историческое исследование привлечением нового информационного материала.

Теоретико-методологическая база.

В исторической науке интерес к человеческим поведению, жизненным мотивациям и представлениям - антропологический поворот - произошел в XX веке, когда представители школы «Анналов»² провозгласили историческую антропологию «новой исторической наукой», определив ее предметом устойчивые структуры повседневности на протяжении длительных временных периодов. Позднее немецкими историками А. Людке³ и Х. Медиком⁴, итальянцами К. Гинзбургом⁵ и Дж. Леви был предложен микроисторический подход к анализу прошлого с обращением к жизненному опыту «рядовых людей», в рамках так называемой «истории снизу».

¹ Нарский И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького)// Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 66.

² Анналы экономической и социальной истории. Избранное. М., 2007.

³ Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии// Социальная история. М., 1999. С. 78-80.

⁴ Медик Х. Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1994 Т. II. № 4 С. 193-194.

⁵ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996 С. 207-209.

В отечественной историографии советского периода к исторической антропологии обращались немногие специалисты, прежде всего по истории средневековой культуры - А.Я. Гуревич¹, М.М. Бахтин² и другие. Однако в 1990-х гг. отечественная историческая наука, не скованная традиционной советской методологической парадигмой, обратилась к поиску новых подходов и методов. Антропологический поворот произошел и в отечественных социогуманитарных исследованиях последних 30 лет: в поле зрения российских историков, социологов, культурологов, философов и представителей других научных направлений оказывается жизнь «рядового» человека. Научно-философское осмысление повседневной жизни привело к активной разработке данной проблематики, возникновению новых для отечественной науки исследовательских направлений, появлению множества публикаций, в том числе популярного характера, нашедших отклик среди широкой общественности. По мнению М.М. Крома, содержание таких популярных изданий далеко не всегда соответствует заявленной проблематике, поскольку главным для исследователя повседневности должно стать «постижение повседневных забот, тревог, надежд людей изучаемой эпохи. Нужно попытаться увидеть их мир «изнутри», понять смысл или смыслы, которыми они его наполняли»³.

Историко-антропологические исследования включают, по мнению К. Вульфа, историю повседневности, историческое исследование культуры, историческую демографию и исследование семьи, гендерные и феминистские исследования, исследование ментальности, культурную антропологию⁴. Приобретенный нами исследовательский опыт в рамках исторической антропологии показывает тесное переплетение вышеозначенных направлений в конкретной исторической работе.

Очерчивая круг вопросов настоящего исследования, его автор обращал внимание на те регулярно повторяемые практики, которые объединяют всех или

¹ Гуревич А.Я. Проблема средневековой народной культуры. М., 1981. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

³ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия)// История повседневности. Сб. науч. работ. Сер. «Источник. Историк. История». СПб, 2003. С. 7-14.

⁴ Вульф К. Антропология: история, культура, философия. СПб., 2007. С. 59-60.

значительную часть жителей города Кургана в исследуемый период с учетом половозрастной специфики социума. В этой связи, учитывая масштабы диссертационного исследования, мы сознательно избегали анализа производственной повседневности курганских рабочих и служащих, а также школьных будней детей и подростков. При изучении сферы досуга в центре нашего внимания оказались ежедневные (ежесезонные) практики проведения свободного времени, не связанные с праздничным времяпрепровождением. Процессы трансформации праздничной культуры раннесоветский период выходят за рамки настоящего исследования, во-первых, в связи с освещением этого вопроса применительно к г. Кургану 1930-х гг. в диссертационном исследовании М.С. Жулевой¹. Во-вторых, процесс создания новой, советской, праздничной культуры настолько интересен с точки зрения научного изучения механизмов идеологического воздействия на массы и ответного реагирования общества, что является предметом отдельных диссертационных исследований².

Методологической основой настоящей работы являются принципы историзма и научной объективности. Процессы, происходящие в жизни жителей города Кургана 1919-1941 гг., рассматриваются в развитии: от причин возникновения того или иного явления в данной социокультурной среде до изучения его итогов и последствий. К изучению раннесоветского периода автор подходит с позиций научной объективности, предполагающей политическую и идеологическую нейтральность в оценке событий и явлений раннесоветской действительности.

Микроисторический подход в настоящей работе подразумевает, прежде всего, обращение к судьбам рядовых курганцев: из каких ежедневных практик состояла их жизнь, как отдельные граждане и группы воспринимали меняющуюся действительность. Связать микроисторию с макроисторическим подходом позволяет обращение к общероссийскому контексту событий и явлений

---

¹ Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004.

² Барышева Е.В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества 1918-1941 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М, 2020. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917-1941 гг. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2005. Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX-начала XXI вв. Автореф. дис. ... канд. культурологи. Екатеринбург, 2011.

раннесоветской истории: через сопоставление региональных практик с ситуацией в государстве в целом.

Одним из ведущих методов нашего исследования стал метод источниковедения: источниковедческий анализ и синтез лег в основу работы с письменными, устными и изобразительными источниками. Учитывая источниковедческую специфику работы с этими типами исторических источников, обращая внимание на авторство, обстоятельства создания документа, критически анализируя его содержание, историк выявляет степень достоверности, полноты сведений - информационный потенциал памятника эпохи в целом.

Историко-типологический метод позволяет так или иначе классифицировать, упорядочивать материал на основе признаков, определяющих сферу повседневного и, соответственно, предмет исследования истории повседневности. Историко-сравнительный метод помогает раскрыть сущность предметов на основе их сопоставления, например, при выявлении общих и особенных черт в развитии отдельных сфер повседневной жизни страны, столиц, соседних с Курганом индустриальных центров и малых провинциальных городов. Историко-генетический метод, направленный на выявление причинно-следственных связей, позволяет проследить развитие исторического явления от возникновения и до его оценок в современном мире.

Настоящее исследование требовало обращения к методам смежных наук, прежде всего, культурологии (изучение внешнего вида курганцев на основе работы с фотодокументами), демографии (анализ численности и половозрастной структуры городского населения), социологии. Весомый результат и серьезный опыт принесла работа в области устной истории. Здесь сам поиск материала совершенно отличен от привычных историку путей отыскания информации. Кроме того, исследователь сам участвует в создании исторического источника: формулируя тему, задавая вопросы. Идет диалог двух субъектов: сначала непосредственно в момент интервью, а затем в процессе обработки материала.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении 1919-1941 гг. основными проблемами городского благоустройства, волновавшими курганцев, были неудовлетворительное состояние улиц, нехватка электричества, отсутствие центрального водопровода. Слабая благоустроенность была характерна не только для провинциального Кургана, но и других городов СССР.

2. Жилищный вопрос в Кургане развивался в русле общероссийских тенденций: нехватку жилой площади в условиях роста городского населения власти безуспешно пытались решить экономическими и административными мерами. Город Курган не стал новым индустриальным центром с массовым строительством ведомственного жилья. Политика коллективизации и раскулачивания привела к тому, что в Курган двинулось значительное количество сельских жителей, беднейшая часть которых селилась в землянках на городских окраинах. Обычным явлением было покомнатное распределение семей. В лучших условиях находились жители обширного частного сектора: здесь члены семьи могли занимать разные комнаты, однако практика жилищных «уплотнений» не обошла стороной и их. Повседневными реалиями большинства курганцев оставались теснота, отсутствие личного пространства и бытовых удобств.

3. В памяти курганцев надолго остался страх голода 1922 г., когда часть горожан пыталась выжить на малые зарплаты с опорой на личное подсобное хозяйство, остальные уезжали в более благополучные районы, обменивали ценные вещи на продукты, оформляли карточки в столовые или просили милостыню. Карточки в столовые в период голода стали объектом махинаций. Накалилась криминальная обстановка.

4. Наиболее благополучным для курганцев с точки зрения продовольственного обеспечения была середина 1920-х гг., когда снабжение населения шло по каналам государственной, кооперативной и частной торговли. С конца 1920-х гг. в Кургане, как и по стране в целом, происходило оформление системы нормированного снабжения. Малые продуктовые пайки, очереди критиковались населением, граждане искали способы приспособления к новым условиям. Государство предлагало экономические и административные варианты

преодоления кризиса. Система общественного питания не смогла вытеснить частную кухню из повседневной жизни граждан.

Животноводство – важная часть курганской повседневности раннесоветского периода. Уход за домашним скотом входил в круг ежедневных обязанностей большей части жителей Кургана. Несмотря на борьбу советской власти против суеверий путем пропаганды ветеринарных знаний, в практике содержания скота сохранялись традиционные народные верования. Хозяйствовать «по науке» в Кургане решались единицы жителей.

5. Одежда курганцев достаточно долго сохраняла дореволюционные черты. Нововведения в области внешнего вида активнее всего усваивала молодежь, представители старшего поколения курганцев оставались верны традиционной одежде и прическам.

6. Со второй половины 1920-х гг. товары легкой промышленности стали дефицитными. Приспосабливаясь, население практиковало пошив, ремонт и перелицовку одежды, использование «связей» в торговой среде. Нехватка готовых изделий легкой промышленности способствовала развитию по всей стране разнообразных пошивочных мастерских. В Кургане профессиональные портные, объединенные в артели, имели узкую специализацию. Отдельно работали мастерские по пошиву и ремонту обуви. На рубеже 1920-1930-х гг. курганские домохозяйки получили возможность осваивать швейное мастерство на курсах, а также приобрести швейные машины, ставшие уже тогда предметом особого спроса.

7. Выбор публичных и частных досуговых практик в Кургане был разнообразен и зависел от возраста горожан, уровня образования, материального достатка семьи. Публичный досуг горожан, взятый под идеологический контроль, включал такие практики, как посещение кинотеатров, оперы и драматических постановок, музея, библиотек, а также досуг под открытым небом в парках и на ипподроме. Дети и подростки посещали загородные пионерские лагеря. Частный досуг взрослых курганцев включал в себя различные практики: от охоты и рыбной ловли до настольных игр и слушания патефона. Выходцы из деревень

привносили в городской досуг традиции посиделок под окнами в сопровождении гармонии.

8. Основными формами девиантного досуга в Кургане были пьянство и хулиганство. Пьянство охватывало все слои городского населения и искоренению не поддавалось. Хулиганство преобладало в молодежной среде. Уровень культуры курганской молодежи в этот период был низким, а приток сельской молодежи, лишенной в городе сдерживающих механизмов в лице представителей старшего поколения, усугублял ситуацию.

9. Взаимоотношения мужчин и женщин в курганских семьях в раннесоветский период основывались на патриархальных традициях с постепенным проникновением новых отношений, диктуемых идеологией. На формирование этого симбиоза влияли жилищный кризис и затрудненность уединения, дисбаланс полов, растущая занятость женщин на производстве. Постепенно в курганскую повседневность проникают практики заключения гражданских браков. Многие женщины несли на своих плечах двойную нагрузку, сочетая домашнюю работу и воспитание детей с финансовым обеспечением семьи. Декларируемое равноправие полов на практике не всегда находило поддержку среди мужской части населения, однако меняющаяся социокультурная среда, смена поколений делала процесс женской эмансипации необратимым.

10. Детско-родительские отношения в Кургане в 1920-1930-х гг. находились под сильным влиянием патриархальных традиций: дети активно помогали взрослым по хозяйству, телесные наказания воспринимались значительной частью общества нормой семейной жизни. Часть курганцев уже в юном возрасте осознавали ценность образования в обеспечении собственного будущего, рационально подходили к выбору профессии, не оставляя без внимания свойственного детям игрового компонента повседневности.

Научная новизна настоящего исследования состоит в рассмотрении истории города Кургана в 1919-1941 гг. с позиции исторической антропологии на основе письменных, изобразительных и устных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Выявлена группа проблем

общегородского благоустройства, волновавших жителей города Кургана на протяжении 1920-1930-х гг. и факторы, обостряющие ситуацию в сфере коммунального хозяйства; рассмотрены тенденции развития жилищного вопроса в Кургане. Впервые реконструированы повседневные практики выживания курганцев в условиях голода 1922 г. На материалах города Кургана впервые проведено исследование продовольственного снабжения и связанных с ним бытовых практик и страхов граждан в середине 1920-1930-х гг. Кроме того, впервые были выявлены ежедневные и ежегодные обязанности горожан в сфере животноводства, проанализировано влияние советских нововведений в области ветеринарной пропаганды на развитие скотоводства в городе Кургане, рассмотрено отношение курганцев к своему домашнему скоту в рамках повседневной жизни. Итогом работы с обширным массивом фотодокументов из государственных архивов и частных коллекций стало первое подробное описание женского, мужского и детского костюма жителей города Кургана в 1920-1930-е гг. с анализом тенденций развития гардероба жителей провинциального города на всем протяжении исследуемого периода. Впервые рассмотрено зарождение советской системы снабжения городского населения провинции на примере Кургана, раскрыт вопрос об обеспеченности курганцев изделиями легкой промышленности. Описана городская досуговая инфраструктура, выявлены основные формы «культурного» и девиантного досуга. Выявлены основные практики распределения обязанностей между мужчиной и женщиной по материальному обеспечению семьи, проанализировано отношение мужской части населения к идее равноправия полов, дана характеристика детской повседневности с привлечением методов устной истории.

Практическая значимость: результаты настоящего исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий, обобщающих трудов по истории города Кургана, истории Урала и России. Кроме того, результаты исследования могут найти применение при разработке курсов для студентов и школьников по региональной истории и отечественной истории в целом, истории повседневности.

Апробация работы. Основные положения научно-исследовательской работы были обсуждены на кафедре «История и документоведение» Курганского государственного университета. Основные положения и выводы работы были изложены на международных, всероссийских, межрегиональных, региональных научных и научно-практических конференциях в Кургане, Пушкине. Результаты исследования были опубликованы в 22 научных трудах объемом 13,75 п.л., в том числе в 6 журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения.

1. ГОРОДСКАЯ СРЕДА

1.1 Городское благоустройство

Повседневная жизнь горожан протекает не только во времени, но и в определенном пространстве. Являясь рукотворной средой, это пространство развивается в соответствии с потребностями и возможностями общества и в то же время ограничивает повседневное существование горожан вполне конкретными рамками бытовых удобств.

Город Курган, на момент окончательного установления здесь советской власти в августе 1919 г., представлял собой слабоблагоустроенное поселение: большая часть дорог и тротуаров, даже в центре, оставалась немощеной; освещением была охвачена только часть центральных улиц, при этом электричество подавалось с перебоями ввиду перегруженности единственной городской электростанции; отсутствовали центральный водопровод и общественный транспорт. Городская жилая застройка состояла из одно-двухэтажных деревянных, полукаменных и каменных домов с приусадебными территориями, включающими огороды, сараи для скота и другие хозяйственные постройки. В межвоенные десятилетия XX в. город Курган рос численно и территориально, требуя повышенного внимания к вопросам коммунального хозяйства. Для исследования этого и последующих вопросов рассмотрим подробнее динамику численности населения Кургана в 1920-1930-х гг. Начало 1920-х гг. отмечено уменьшением численности населения города Кургана и округа в целом, обусловленное последствиями голода (высокой смертностью, отъездом в районы с достаточным урожаем), а также возвращением беженцев Первой мировой войны и переселенцев из европейской части России на прежнее место жительства¹. Население города Кургана сократилось с 27739 человек в 1920 г. до 22119 человек в 1924 г.². В целом на Урале происходили аналогичные процессы: В.Е. Корнилов приводит данные о сокращении всего населения в

---

¹ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34

² ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1

регионе на 15 %¹, В.А. Журавлева отмечает, что на протяжении 1920-1923 гг. городское население региона сократилось на 13,7 %, но более всего пострадали горожане Челябинской губернии, чья численность уменьшилась на 17,8 % вследствие неурожая 1921 г.²

Со второй половины 1920-х гг. на протяжении нескольких лет идет стабильное увеличение числа горожан на Урале. В 1924 г. в городе Кургане органы ЗАГС зарегистрировали 1007 родившихся и 549 умерших, что говорит об относительном снижении уровня смертности от голода и эпидемий³. В 1925 г. число жителей г. Кургана составляло 24896 человек⁴, в 1926 г. – 26 812⁵, в 1927 г. – 28352, в 1928 г. – 31455, в 1929 г. – 35608⁶. Таким образом, город Курган по численности населения достиг уровня 1913 г. (33197 жителей⁷) только в конце 1920-х гг.

Данные о численности населения города Кургана за период первой половины 1930-х гг. в источниках значительно отличаются. Курганская инспектура народно-хозяйственного учета на основании налогового учета направляла следующие сведения о количестве населения: 1931 г.– 42500 человек, 1932 – 45100 человек⁸, 1933 г. – 39185 человек⁹. Исследователь уральских демографических процессов В. А. Журавлева приводит данные о 40600 горожан в 1932 г., отмечая, что с 1926 по 1932 гг. численность населения города Кургана выросла в 1,5 раза...в то время как по Уралу число горожан возросло более чем в 2 раза¹⁰. Если при подсчете исходить из данных инспектуры НХУ, то прирост за указанный период будет более высоким – 1,7 раза – и, тем не менее, далеким от общеуральских показателей. Убыль населения города Кургана в период голода

¹ Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 50.

² Журавлева В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20-30-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7(47). С. 47-51. С. 47.

³ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. 542 с. С. 47.

⁴ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1.

⁵ Красный Курган. 1926. 1 апр. С. 4.

⁶ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1, об.

⁷ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34

⁸ ОГАЧО. Ф. 1055. Оп.1. Д. 64. Л. 4.

⁹ ОГАЧО. Ф. 1055. Оп.1. Д. 64. Л. 2.

¹⁰ Журавлева В.А. Население Кургана в 1920-1930-е годы // VII Зырянские чтения. Курган, 2009. С. 80.

1932-1933 гг. отражает региональные процессы этого времени: по данным исследователей, в 1933 г. на Урале была зафиксирована «самая низкая рождаемость и самая высокая смертность населения за весь рассматриваемый период»¹.

В официальных документах встречаются существенно завышенные данные о численности курганского населения. Так, в 1934 г. Курганский райисполком и горсовет сообщали о 58000 человек городского населения². Можно предположить, предположить, что завышение цифр преследовало цель получения финансирования на строительство важных городских объектов.

На 1 января 1935 г. население города Кургана насчитывало 42900 человек³, увеличившись к 1939 г. до 53253 человек⁴.

Таким образом, численность населения города Кургана в рассматриваемый период возросла вдвое с 27 739 человек в 1920 г.⁵ до 53253 человек в 1939 г.⁶. Для сравнения, по данным В.А. Журавлевой, численность горожан в Челябинской области выросла в 3,1 раза, в СССР в 2,1 раза; в РСФСР в 2,2 раза⁷. Двукратное увеличение численности населения города Кургана, оставшегося в стороне от грандиозных промышленных строек рассматриваемого периода, соответствовало общесоюзным процессам, значительно уступая темпам прироста населения в уральских индустриальных городах.

Для растущего курганского населения и местных властей тема городского благоустройства была чрезвычайно актуальной. Анализ исторических источников позволяет выделить несколько основных проблем общегородского благоустройства, волновавших горожан на протяжении 1920-1930-х гг. - это состояние улиц (проходимость дорог, чистота воздуха (запыленность), наличие

---

¹ Журавлева В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20-30-е годы XX века// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2006. № 17 (72). С. 34.

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 201. Л. 3.

³ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения 31.08.2019).

⁵ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года// URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения 31.08.2019).

⁷ Журавлева В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20-30-е годы XX века// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2005. № 7(47). С. 49-50.

или отсутствие тротуаров); электричество; центральный водопровод и городские бани.

Многие черты в облике Кургана межвоенных лет определялись массовым присутствием здесь домашнего скота: вслед за наводнением, по выражению корреспондента местной газеты, в городе наступало «навознение»¹. Автор другой газетной заметки прямо сравнивает курганские улицы, изобилующие навозом, со свалочными местами². Коммунальный отдел в отчете за 1922 г. подчеркивает наличие в городе ассенизационного обоза, предоставляющегося населению за плату: «вывозка навоза и разных нечистот производится в установленные Укоммуналделом места...Граждане, не выполняющие обязательных постановлений и производящие свалку нечистот в неустановленном месте, привлекаются к ответственности», - подчеркивалось в отчете³. В 1924 г. курганский ассенизационный обоз работает на 32 лошадях⁴. По данным М.С. Жулевой, в 1931 г. вывоз нечистот в Кургане осуществляли 43 лошади, однако в 1937 г. ассенизационный обоз насчитывал всего 9 лошадей⁵.

Городская антисанитария пагубно сказывалась на здоровье населения: как подчеркивали современники, «улицы города загрязнены...на заболеваемость населения влияет неблагоустройство ассенизационного вывозного обоза, помойных и выгребных ям и испорченности дренажных (проточных) канав, что влечет заболоченность почвы и увеличение заболеваемости»⁶.

Одной из причин загрязненности городских улиц была деятельность самих горожан. По словам исследователя эпидемиологической ситуации в Курганском уезде в годы Гражданской войны Д.В. Катанцева, «часто население вовсе бездействовало и даже не заботилось о производстве возле своего дома необходимой выгребной ямы для слива нечистот, выливая их где попало, усугубляя таким способом и без того критическую санитарную обстановку

---

¹ Красный Курган. 1924. 26 апр.

² Красный Курган. 1922. 5 апр.

³ Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, об.

⁴ Красный Курган. 1924. 27 сент.

⁵ Жулева М.С. Проблемы благоустройства г. Кургана в 1930-е гг. // IX Зырянские чтения. Курган, 2011. С. 93.

⁶ Красный Курган. 1926. 13 февр.

города»¹. В этой связи Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом постановила «привлекать к суду ревтрибунала лиц, уклонившихся от требования об очистке помещений отхожих мест, дворов от навоза и выгребных ям, какие бы посты эти люди ни занимали»².

Историк приводит доклад проверяющего от Здравоотдела в марте 1922 г., согласно которому «жители загрязняют территорию даже напротив собственных домов. На городском базаре отсутствуют уборные, отчего загрязнению подвергались торговые площади. Всюду стоит зловоние. Посетители рынка ввиду отсутствия отхожих помещений приспособили под свои нужды рядом стоящий заброшенный детский сад. Стоит упомянуть, что речь идет о самом центре. Отдаленные же районы города, по словам проверяющего и вовсе «представляют собой сплошную навозную массу»³.

В апреле 1927 г. газета «Красный Курган» сообщала об антисанитарном состоянии базарной площади, где более полугода прел навоз и разлагались трупы животных. То же самое, по свидетельству автора заметки, происходило на берегу реки Тобол у моста, напротив железнодорожной школы семилетки №2 и в некоторых других местах⁴. В 1935 году жильцы ЖАКТ №20 через газету «Красный Курган» призывали горожан следить за чистотой и порядком во дворах и на улицах у дома, отмечая, что «некоторые жильцы разливают помои и разбрасывают отбросы по двору куда-нибудь «в снежок»... В самом городе на улицах сваливают навоз (ул. Пичугина и Всевобуч)⁵. Уборка придомовых территорий и общественных мест, как и организация туалета для посетителей городского базара не требовали серьезных финансовых затрат ни от населения, ни от местных властей. Отсутствие работы в этом направлении свидетельствует о складывании определенных бытовых привычек у горожан.

---

¹ Катанцев Д.В. Повседневность города Кургана в ракурсе документов Чекатифа// Развитие научной, творческой и инновационной деятельности молодежи. Материалы VII Всероссийской научно-практической заочной конференции молодых ученых. Курган, 2015. С. 276.

² Там же.

³ Цит. по: там же.

⁴ Красный Курган. 1927. 22 апр.

⁵ Красный Курган. 1935. 26 марта

В конце 1920-х гг. местные власти заговорили об озеленении города: «Курган имеет очень значительную потребность в зеленых насаждениях, как в виде охранных зон от господствующих ветров, так и в целях борьбы с бичом населения летом – уличной пылью, окутывающей весь город», - подчеркивалось в отчете Горсовета¹. «Пыль, а если подует легкий ветерок, то глаз не откроешь, а после дождя непролазная грязь, - таковы улицы в Кургане летом», - отмечала местная газета в 1935 г.². Город Курган, по мнению властей, представлял собой «самое пыльное поселение из Челябинской области» вследствие песчаной почвы, обилия измельченных растительных и животных отходов и отсутствия зеленых насаждений³. Работы по озеленению городских улиц активно проводились в середине 1930-х гг.: в 1936 г. на центральных городских улицах шла посадка большого количества деревьев и кустарников⁴, в 1937 г. по улицам - 4000 растений, в садах и парках - 8000, устроено газонов 5000 кв. м⁵. В то же время курганцы отмечали незаинтересованность городских властей и самого населения в сохранности насаждений: «молодые растения забываются и уничтожаются, - отмечала газета. - Садят деревья наспех, в несколько дней и сразу на многих улицах... оставляют без ограждений...Если судить по горсоветским отчетам, то можно подумать, что Курган давно уже превращен в дремучий непроходимый лес из тополей, кленов, сирени, акации»⁶. Автор заметки справедливо отметил незаинтересованность в результативности озеленения как местных властей, так и самих горожан, ради комфорта и оздоровления которых проводилась посадка деревьев. Безразличное или в иных случаях вредительское отношение к молодым саженцам свидетельствует о равнодушии части населения к подобной инициативе.

Важным показателем городского благоустройства было и остается состояние улиц и тротуаров. В межвоенные десятилетия курганский бюджет не располагал средствами на масштабное капитальное строительство дорог и

¹ ГАКО. Ф. Р-712. Оп.1. Д. 524. Л. 27, об.

² Красный Курган. 1935. 1 апр.

³ ГАКО. Ф. Р-465. Оп 1. Д.212 Л. 73

⁴ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 213. Л. 47

⁵ Там же. Л. 17

⁶ Красный Курган. 1936. 8 июня

тротуаров, ограничиваясь текущим ремонтом городских мостов и мостиков, речных плотов, прокопкой каналов и др.. В то же время производилось частичное мощение городских дорог и обустройство тротуаров: в 1924 г. шло восстановление моста через Тобол, были отремонтированы пешеходные мостики на улицах города и выделены средства на мощение кирпичным щебнем и шлаком двух улиц, ведущих к вокзалу¹, в 1926-1927 хозяйственном году была замощена часть улицы Свободы от Винокуренного завода до ул. Рабочей, общей протяженностью 2449 пог.м², в 1929-1930 гг. появились шлако-глино-бетонные тротуары по центральным улицам Ленина и Советской³. В 1934-1935 гг. было построено уже 6500 пог. м дорог и 115 тыс. пог. м тротуаров⁴. Очевидно, что принимаемые меры не могли обеспечить жителям удобного проезда и прохода по всем городским улицам. Так, в 1935 г. на совещании председателей депутатских групп совместно с председателями ЖАКТов было отмечено, что после дождя город превращается в болото, и проход по тротуарам затруднен⁵. По словам уроженки города Кургана А.А. Половинкиной, «Курган до войны был грязным городом: не было ни тротуаров, ничего...Нигде не пройти, никакую обувь не надеть было»⁶. В 1935 г. Горсовет издает обязательное постановление об организации института дворников - не менее одного дворника на квартал, содержание которых возлагалось на население, предприятия и учреждения⁷.

Кроме дорожной грязи население волновало качество курганских мостов: «проезжая по городу Кургану, каждый гражданин беспокоится за свою лошадь и экипаж, - отмечала газета. - Плохие мосты при выезде с Первой заводской улицы на базарную площадь, то же на улице Пичугина. Можно привести и еще ряд примеров»⁸.

¹Красный Курган. 1924. 27 сент.

² ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л.16

³ГАКО. Ф. Р-712. Оп.1. Д. 524. Л. 26

⁴ГАКО. Ф. Р-465. Оп 1. Д.212. Л. 17

⁵Там же. Л. 64

⁶Воспоминания А.А. Половинкиной (Максимовой) Зап. К.Ю. Кладова 19.04. 2014 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁷Красный Курган. 1935. 2 апр.

⁸Красный Курган. 1936. 17 июня

Отдельного упоминания заслуживает появление в городе общественного транспорта осенью 1935 г., представленного единственным автобусом, курсирующим по маршруту «машзавод - станция Курган»¹.

В начале 1920-х гг. Курган обслуживала одна электростанция небольшой мощности, построенная еще до революции и обеспечивающая электрическое освещение центральной части города². В ноябре 1923 г. электричеством пользовались 110 учреждений и 1152 частных квартир, общее количество горящих лампочек составило 2000 штук³. В середине 1920-х гг. были освещены и некоторые центральные улицы города: так, в 1926-1927 гг. здесь было 59 точек горения, в 1927-1928 гг. - 74 точки горения, на освещение всех улиц мощности электростанции не хватало⁴. В 1927 г. сообщалось, что «освещаться электричеством в темные ночи будет только улицы Свободы, Советская и Телеграфный переулок до вокзала. Расширить уличное освещение пока невозможно вследствие перегруженности электростанции»⁵. Ограниченность освещения городских улиц вынуждала население использовать самодельные фонарики на всем протяжении межвоенного периода: по воспоминаниям жителя Кургана В.Е. Кунгурова во второй половине 1930-х гг. школьники для передвижения по улицам в темное время суток мастерили «из дерева коробочку с трех сторон, а с четвертой стороны делали канавки и вставляли стекло, а внутри свечку, шли и светили впереди себя»⁶.

В 1926-1927 хозяйственном году электричеством в Кургане пользовались 166 государственных и общественных учреждений, 2099 квартир рабочих, служащих, членов профсоюзов и пенсионеров и 667 квартир ремесленников и «нетрудового элемента», в 1927-1928 г. количество организаций, пользующихся электроэнергией выросло до 208, число электрифицированных квартир рабочих и служащих также увеличилось до 2431, в то время как количество квартир

---

¹ Красный Курган. 1935. 27 окт.

² ГАКО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, об.

³ Красный Курган. 1923. 20 нояб.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364 Л. 17, об.

⁵ Красный Курган. 1927. 2 авг.

⁶ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

ремесленников и «нетрудового элемента», использующих эту услугу, снизилось до 519¹. В этот период местные власти установили льготный тариф на электроэнергию для культурно-просветительских учреждений, детских домов и Дома крестьянина, а также снизили тариф для рабочих и служащих за счет некоторого повышения тарифа на «нетрудовой элемент»². Более того, с 1929-1930 хозяйственного года представители «нетрудового элемента» лишаются возможности пользоваться электричеством³.

На протяжении 1920-1930-х гг. Курган испытывал острый дефицит электроэнергии. Средств на строительство второй электростанции не было, поэтому местные власти периодически делали попытки модернизации имеющегося оборудования. Так, во второй половине 1920-х годов шли работы по расширению электростанции путем установки добавочного агрегата, состоящего из нефтяного двигателя Дизель в 150 лошадиных сил и генератора в 85 кВт⁴. В середине 1930-х гг. потребность города Кургана в электроэнергии составляла 1000 кВт, а мощность электростанции - 348 кВт, а после аварии в апреле 1935 года – 208 кВт⁵. Выход из строя оборудования электростанции был вызван длительным отсутствием капитального ремонта оборудования, Городской Совет, по данным отчета, «вынужден был принять исключительные меры» для ремонта агрегатов, подчеркивая, что «даже после их пуска, они не могут удовлетворить потребности населения в электроэнергии, но облегчают исключительно тяжелое положение»⁶.

Анализируя данные об электроснабжении города Кургана в 1930-х гг., М.С. Жулева отмечает, что «в основном для освещения своих квартир население использовало керосинки, только у небольшого количества рабочих был электрический свет»⁷. Отметим, что по состоянию на начало 1935 года в Кургане 96,5% жилой площади обобщественного жилфонда было оборудовано

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 20.

² Там же. Л. 20, об.

³ ГАКО. Ф. Р-712. Оп.1. Д. 524. Л. 33,об.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 21.

⁵ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 155. Л. 6.

⁶ ГАКО. Ф. Р-465. Оп 1. Д.212. Л. 75.

⁷ Жулева М.С. Проблемы благоустройства г. Кургана в 1930-е гг.// IX Зыряновские чтения. Курган, 2011. С. 92.

электроосвещением, которым пользовались 8490 человек¹ при численности городского населения 42900 человек². По электрификации частного сектора выявлены противоречивые данные: в 1941 г. в Курган насчитывал 3895 частных домов³, из которых были оборудованы электроосвещением 82 дома⁴ или 802 дома⁵.

Водоснабжение было еще одной важной проблемой города Кургана на всем протяжении межвоенного периода. В черте города имелись общественные и частные колодцы, но главным источником питьевой воды была река Тобол. В 1925 году местными властями отмечалась «совершенная непригодность для питья воды реки Тобола»⁶. Четыре года спустя пробы воды так же выявили загрязнение воды⁷.

На рубеже 1920-1930-х гг. в некоторых кварталах города у общественных колодцев наблюдались многочасовые очереди, за пользование частными колодцами собственники нередко взимали плату⁸. В некоторых районах Кургана во второй половине 1930-х гг. не было ни одного колодца. К примеру, в 1939 г. жители Ново-Северного и Старо-Северного городских поселков через газету «Красный Курган» просили «построить хотя бы один колодец, так как жители этих поселков совершенно не имеют питьевой воды»⁹. Отсутствие достаточных средств не позволяло провести работы по строительству городского водопровода в полном объеме, шло строительство отдельных линий. В середине 1930-х гг. в Кургане был проложен водопровод от Спиртзавода до Народного дома им. Ленина и ВКСХШ, шли работы по строительству водопровода от Горбольницы с постановкой водоразборной будки для населения¹⁰. Курганские власти

---

¹ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп.3. Д.61. Л. 35.

² ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

³ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп.19. Д.8. Л.63.

⁴ Там же. Л.63, об.

⁵ Там же. Л.127.

⁶ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 14., Л. 26.

⁷ Курганский округ. Сборник материалов по изучению и исследованию Курганского округа Уральской области. Вып. 1. Курган, 1930. С. 139.

⁸ Красный Курган. 1930. 4 авг.

⁹ Красный Курган. 1939. 3 апр.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-465. Оп 1. Д.212 Л. 17.

признавали острую необходимость строительства общегородского водопровода, периодически сообщая об этом в вышестоящие инстанции.

Еще одним вопросом благоустройства, чрезвычайно волновавшим часть курганского населения было состояние городских общественных бань - на протяжении межвоенных лет эта тема не сходила со страниц местной газеты. В источниках нам не встретились сведения о количестве бань в частном секторе Кургана. Можно предположить, что общественную баню посещали, прежде всего, жители многоквартирных домов и та часть населения частного сектора, которая по разным причинам не пользовалась собственными банями. В 1920-е гг. в Кургане работала одна общественная баня (бывшая Рябининская), располагавшаяся на берегу Тобола в западной части города. В 1922 г. ее пропускная способность составляла до 200 человек ежедневно¹. Два года спустя баня обслуживала до 600 человек в день: для членов профсоюзов посещение общих отделений (мужского и женского) обходилось в 5 коп. с человека, номера с ванной – 1 руб.; граждане, не состоявшие в профсоюзах, пользовались общими отделениями за 15 коп. с человека, номерами с ванной – за 2 руб.². В 1925 г. газета сообщала о ремонте городской бани, средняя посещаемость которой составляла в это время 300 человек ежедневно, однако наибольший наплыв посетителей приходился на пятницу и субботу: «для одежды каждого поставлен небольшой ящик. Новые тазы. Уже нет в бане прежней грязи. Цена недорогая – общая 10 коп для членов профсоюза, 25 коп с прочих. Номера с душем – 40 коп, без душа – 30 к для членов профсоюзов. Для прочих цена вдвойне повышена. Общие бани работают – со среды, номера – со вторника... Ремонт бань – большое достижение для трудящихся Кургана»³.

В 1926 г. курганцы жаловались на тесноту банных помещений, особенно по субботним дням, когда баня, рассчитанная на посещение до 750 человек ежедневно, пропускает до 1500 посетителей. «Баня не успевает нагревать воду и к концу дня вода становится холодной, - писал корреспондент «Красного Кургана».

---

¹ ГАКО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, об.

² Красный Курган. 1924. 27 сент.

³ Красный Курган. 1925. 17 окт.

- Кроме того, изношенное оборудование бани требует частых ремонтов, а чрезмерная нагрузка еще более изнашивает его»¹. В феврале 1927 г. курганцы вновь критиковали открывшуюся после ремонта общественную баню, отмечая высокую стоимость номеров и огромные очереди в них, тесноту, давку и грязь в общих отделениях, а также «невозможный холод в раздевальнях»². Ответом на критику стала заметка некоего Нечаева, приводившего конкретные цифры посещаемости курганской бани: «давка бывает, главным образом, по субботам... в четверг проходит через общие бани около 400 человек, в пятницу до 600-700 человек, в субботу же до 1500 человек... Опыт показал, что в бани в начале недели не ходит никто... Горбаня работает продуктивно, больших доходов нет, большой антисанитарности также нет. Требовать от горбани при ненормальной посещаемости ее жителями много нельзя, потому что баня на весь город одна и мала», - подчеркивает автор публикации³.

В таком режиме горбаня вынуждена была работать до второй половины 1927 г., когда в результате ремонта и переоборудования ее пропускная способность достигла 1860 человек ежедневно⁴.

В начале 1930 г. было утверждено место для строительства новой городской бани – на углу улиц Советской и Савельева⁵. Строительство затянулось на два года в связи с отсутствием сантехнического оборудования⁶. С января 1932 г. в Кургане функционируют уже две общественные бани – бывшая Рябининская и баня по улице Савельева. В середине 1930-х гг. был проведен ремонт обеих бань⁷.

Во второй половине 1930-х гг. состояние курганских общественных бань находилось под пристальным вниманием местной прессы. В фельетоне 1937 г. описаны холод и антисанитария общего отделения бани №1, а также состояние ее номеров, в которых «вместо дивана – хромая скамейка, душа совершенно нет,

---

¹ Красный Курган. 1926. 6 мая

² Красный Курган. 1927. 17 февр.

³ Красный Курган. 1927. 1 марта

⁴ Красный Курган. 1927 1 дек.

⁵ Красный Курган. 1930. 9 марта.

⁶ Красный Курган. 1932. 18 янв.

⁷ ГАКО. Ф. Р-465. Оп 1. Д.212. Л. 17.

вдобавок такое зловоние – хоть надевай противогаз»¹. Вскоре в газете появилась заметка о некачественном ремонте другой городской бани: «три месяца продолжается ремонт бани № 2. Но в бане по-прежнему грязно. Краны забиты, водопроводные трубы работают плохо, тазов нет. До ремонта было 2 котла для горячей воды, после ремонта оставили один. В результате часто ни горячей, ни холодной воды не бывает...Директор бани...ухитрилась вывесить такое объявление: «Баня за вещи не отвечает. Приносите свои замки». Эти факты – не что иное, как издевательство над посетителями»².

Год спустя героем газетного фельетона стал сам председатель Курганского Горсовета, отправившийся через весь город мыться в баню № 2, поскольку баня № 1 уже полгода была закрыта на ремонт. Герой фельетона до темноты простоял в очереди в бане. В гардеробе «банщик со спичками в руках метался от одного шкафчика к другому...[В банном отделении – К.К.] ощупью пришлось искать свободное место. Но тут, к счастью, один предусмотрительный гражданин пришел в баню с собственным фонарем «летучая мышь»...Не оказалось горячей воды»³. Весной 1939 г. современники писали о том, что «население города по месяцу не имеет возможности мыться в бане. Из двух имеющихся бань работает одна и та с большими перебоями»⁴.

Из устных воспоминаний мы узнаем, что жители многоквартирных домов имели во дворах бочки для сбора дождевой воды, которую использовали для мытья волос и стирки белья⁵. Юные курганцы были менее обеспокоены состоянием общественных бань: по словам В.Е. Кунгурова о детских годах, «дома голову можно было помыть, торс можно было помыть. А летом же мы купались, какая нам баня. Это в основном зимой, осенью ходили в баню»⁶.

По словам И.Б. Орлова, «качество жилья и коммунальных услуг резко ухудшалось по мере удаления от столицы. Даже в Москве в конце 1930-х гг.

¹ Красный Курган. 1937. 23 окт.

² Красный Курган. 1937. 20 нояб.

³ Красный Курган. 1938. 17 окт.

⁴ Красный Курган. 1939. 23 мая

⁵ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁶ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

большинство населения жило в домах без ванн и мылось раз в неделю в общественных банях. Но в подмосковных Люберцах при населении 65 тыс. человек не было ни одной бани... в городах Сибири без водопровода, канализации и центрального отопления обходилось подавляющее большинство населения»¹. Слабую благоустроенность городов Горного Алтая 1920-1930-х гг. подчеркивает Т.В. Захарова, так же отмечая, что в рассматриваемый период «большинство населения жило в домах без удобств и мылось раз в неделю в общественных банях»². Таким образом, по уровню развития сферы городского благоустройства Курган не выделялся на фоне городов Сибири. В Кургане отсутствовали городской водопровод, центральное отопление и канализация, до 1935 г. общественный транспорт. Электроосвещение в квартирах в 1930-х гг. было доступно едва ли третьей части городского населения. Горожане испытывали трудности с питьевой водой, с проездом и проходом по городским улицам в дождливую погоду. На протяжении 1920-1930-х гг. город обслуживали сначала одна общественная баня, а затем две, работающие с большими перебоями. Улицы, общественные бани и базары подвергались регулярной критике за антисанитарию. Проживание в условиях слабого благоустройства было для курганцев нормой повседневной жизни. Часть местной общественности выражала недовольство бесхозяйственностью как руководителей городских коммунальных служб, позволяющих затягивать сроки ремонтов и закрывать глаза на антисанитарное состояние общественных мест, так и рядовых горожан, способствующих загрязнению городских улиц. Однако призывы о содействии городскому благоустройству, не подкрепленные необходимой финансовой поддержкой, были малоэффективными в условиях сложившихся бытовых привычек горожан. Отсутствие средств не позволило властям решить острейшие вопросы городского электро-и водоснабжения, а скромное финансирование остальных хозяйственных нужд делало невозможным качественные изменения и в других отраслях курганского коммунального хозяйства 1920-1930-х гг.

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 122

² Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920-1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №1 (13). С. 55.

1.2 Жилищный вопрос

В начале 1920-х гг. молодое советское государство столкнулось с необходимостью преодоления жилищно-коммунальной разрухи, охватившей городское хозяйство страны в ходе революционных потрясений и Гражданской войны. Кроме того, власть провозгласила новый, классовый, подход к распределению жилья в городах. По словам Н.Б. Лебиной, «фундаментом реалий жилищной политики большевиков стала идея справедливого распределения материальных благ, в число которых входила и недвижимость»¹.

Под «жилищными условиями» историки повседневности понимают совокупность показателей, включающих жилую площадь на человека, состояние домов и уровень их благоустройства, обеспеченность коммунальными удобствами². Жилищные условия рассматриваются в неразрывной связи с благоустроенностью города в целом (уровнем развития коммунальной инфраструктуры, общественного транспорта, состоянием улиц и садов и др.). И.Б. Орлов отмечает характерное для 1920-1930-х гг. укоренение концепции жилой площади как квадратных метров (коммунального бытия) в противовес понятию комнаты или квартиры (индивидуального жилья)³.

Городские строения, оказавшись в распоряжении новой власти в связи с отменой частной собственности на недвижимость, заселяются согласно политическому курсу на улучшение жилищных условий трудящихся. В Кургане на 1 января 1922 г. числилось 521 «целых и обитаемых муниципализированных владений» и 42 необитаемых⁴. Однако денег на содержание полученного жилфонда и тем более на новое строительство у местных властей не было. Не удивительно, что через год количество «целых и обитаемых» муниципализированных домов сократилось до 438, необитаемых до 36⁵. Следует

---

¹ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 90.

² Чолахян В.А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920-1930-х годах// Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 64.

³ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 117.

⁴ ГАКО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

⁵ Там же.

учесть, что 1921-1922 гг. стал для жителей Кургана временем голода, следствием которого стало резкое сокращение численности населения и обесценивание жилья. Так, за мешок зерноотходов вынуждена была продать свой дом жительница Кургана, лишившаяся мужа-кормильца¹.

С началом нэпа в области жилищной политики власть обратилась к демунципализации жилфонда на условиях проведения владельцами необходимого ремонта (демунципализированных домов в 1922 г. в Кургane насчитывалось 140)², а также к поощрению индивидуального строительства. По словам Е.В. Тершуковой, «в курганский горкомхоз посыпались ходатайства бывших хозяев...И некоторым это удалось. А другим, сумевшим накопить более значительные жилищные капиталы, советская власть на вполне законных основаниях давала отказ. Жилищный передел коснулся почти каждого горожанина. Кто-то получил возможность улучшить свои жилищные условия, а кто-то, наоборот, оказался, в прямом смысле, на задворках родной усадьбы»³.

По закону «О праве застройки» в 1922 г. курганцы получили разрешение на постройку 14 деревянных одноэтажных домов⁴. Индивидуальное жилищное строительство, реализуемое по декрету ВЦИК и СНК РСФСР «О праве застройки земельных участков» от 10 августа 1922 г.⁵, развивалось на городских окраинах и в новых разбитых кварталах, и представляло собой постройку домов на 1-2 квартиры с небольшой жилой площадью: в 1925-1926 гг. построено 104 дома (4600 кв.м), в 1926-1927 гг. – 193 дома (8520 кв.м), в 1927-1928 гг. – 215 домов (6880 кв.м)⁶. Таким образом, в 1926-1928 гг. в Кургane наблюдается рост количества построенных индивидуальных домов при снижении средней жилой площади каждого с 44 до 32 кв. м., что можно объяснить, в том числе, ответом общества на политику принудительного «уплотнения» и «самоуплотнения»,

¹ Подкорытова Л.Г. Из воспоминаний матери// URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Podkorytova/> (дата обращения: 15.12.2020).

² ГАКО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

³ Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Масложенко. Курган, 2020. С. 17.

⁴ ГАКО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, об.

⁵ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О праве застройки земельных участков» от 10 августа 1922 г.// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. №51. Ст. 645.

⁶ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 13, об. – 14.

проводимой большевиками в периоды особой остроты жилищного кризиса. Так, в Кургане в 1926-1928 гг. в ходе практики отчисления 10% площади частновладельческих домов было отчислено в 51 домовладении 592,46 кв. м, на которые вселена 51 семья (10 рабочих, 6 инвалидов, 9 красноармейцев, 16 служащих, 10 безработных)¹.

Расширение городской черты с планированием новых кварталов и включением близлежащих деревень было официально закреплено в 1927 г. в новом плане города Кургана: были разбиты кварталы за полотном железной дороги (Северный поселок), на западе (современный район Дома быта и «Детского мира»), город расширялся на северо-восток, разрастались бывшее Тихановское и Шавринское предместья, в городскую черту была включена деревня Шевелева². По словам Е.В. Тершуковой, «деревянные пятистенники и крестовые дома под тесовыми, реже железными, крышами, иногда построенные без проектов, огороженные деревянными же заборами, в короткое время заполнили окраины города»³. Размер усадеб в новых районах варьировался от 600 кв. м до 800 кв. м, что было в три раза меньше площадей городских усадеб начала XIX в.⁴.

С середины 1920-х гг. идет увеличение численности городского населения, и Курган, как другие советские города, оказался в условиях жилищного голода. «Свободных квартир совершенно нет. Запись очереди превышает сотню», - сообщает газета⁵. Власть пытается смягчить остроту кризиса путем освобождения коммунальных домов от «нетрудового элемента», подчеркивает классовый подход к распределению жилья. «В данное время всех коммунальных домов состоит на учете 552, из коих сдано в аренду 280, а остальные 272 сданы по ордерам, - информирует «Красный Курган» в сентябре 1924 г. - Половина всех домов сдана в аренду рабочим, 35 процентов служащим, 10 процентов

---

¹ Там же. Л. 13, об.

² Тершукова Е. В. Новые улицы Кургана периода НЭПа // VIII Зыряновские чтения. Материалы всероссийской научной конференции (Курган 9-10 декабря 2010 г.). Курган, 2010. С. 136.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Красный Курган. 1924.13 сент.

ремесленникам и кустарям и лишь 5 процентов - нетрудовому элементу»¹. Однако на собрании делегатов ячейки ВКП(б) женщины спрашивали сотрудника Горкомхоза о том, «почему торговцы живут в домах Комхоза»².

Одним из экономических способов решения жилищной проблемы в советских городах стала жилищная кооперация. К концу августа 1925 г. в Кургане в жилищно-кооперативное товарищество записалось 103 человека «Вступительный взнос 1 рубль, паевой – 10 рублей, - сообщила газета. - Средств у товарищества вначале совершенно не было, но Комхоз пошел ему навстречу, сдав в аренду товариществу 5 домов. Из них 4 дома с 45 комнатами отремонтированы. Товариществом предполагается отремонтировать еще несколько домов. На днях жилтовариществом размещено в домах около 40 семей. В дальнейшем Комхоз обещает пойти навстречу товариществу и сдать ему еще несколько домов»³. Ремонт домов ЖАКТов обеспечивался членскими взносами и квартирной платой, что было выгодно Горкомхозу в ситуации катастрофической нехватки средств. По словам Н.Б. Лебиной, «государство, предоставляя возможности для реализации общественной инициативы, прежде всего преследовало цель переложить на новые объединения жильцов обязанности по ремонту и восстановлению разрушенных и запущенных зданий»⁴. В 1927 г. в ответ на массовые жалобы населения заведующий Курганским горкомхозом через газету сообщал, что в целях разрешения квартирного вопроса «все дома жилищного фонда могут быть переданы в аренду жилищной кооперации или коллективам жильцов. За счет членских взносов и квартирной платы дома ремонтируются и занимаются на все время. Распоряжаться квартирами будут сами рабочие, поэтому некого будет укорять в их недостатке...»⁵.

Аналогичные процессы развития жилищной кооперации и частного строительства происходили и в других советских городах. Так, небольшой город Верхнеудинск (Бурят-Монгольская АССР) в начале 1920-х гг. не имел средств на

---

¹ Там же.

² ГАСПИКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 72. Л. 4.

³ Красный Курган. 1925. 27 авг.

⁴ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 96-97.

⁵ Красный Курган. 1927. 1 марта.

строительство и ремонт зданий – в этих условиях в годы нэпа стимулом к улучшению жилищных условий также становилось поощрение частного жилстроительства и жилищной кооперации¹. Значительный рост частного жилищного строительства и ЖАКТов в годы нэпа шел в городах Нижнего Поволжья, где, по данным В.А. Чолахян, «объемы частного строительства значительно превышали возможности всех остальных застройщиков»².

В период, когда жилищная кооперация делала свои первые шаги, а городское коммунальное хозяйство находилось в бедственном положении, на страницах газеты «Красный Курган» разгорелась дискуссия о путях решения жилищного вопроса, а конкретно – о методах взаимодействия с частными домовладельцами. «Квартирный вопрос в городе Кургане стоит во всей своей отвратительной остроте. Квартир комхоза дожидаются по целым месяцам. На квартиры создалась большая очередь, - писал некто А.Д. Романов - сторонник «рыночного» взаимодействия с частником. - В это же время квартиры частных домовладельцев стоят пустые... такса комхоза их не удовлетворяет... они не оправдывают арендной платой даже самых незначительных ремонтов. Сдавать же квартиры в аренду выше таксы комхоза, значит, рисковать попасть под суд, и уже очень многие извели строгость пролетарского суда... До тех пор, пока комхоз не накопит своих средств на ремонт разрушенных домов и пока не справится жилищная кооперация, необходимо налоговый пресс на домохозяев ослабить и таксу для частных домохозяев пересмотреть. Необходимо заинтересовать домохозяев сдачей имеющихся квартир в аренду... таксу на квартиры частных домохозяев повысить до более приемлемого уровня»³. Вскоре последовала ответная публикация некоего инвалида, обличающего домовладельцев, устанавливающих на квартиры «бешеные цены». По словам автора заметки, «хозяева не считаются с постановлением Окрисполкома и не думают ни о каких наказаниях. Плата в домах Горхоза очень мала. А плата, назначаемая хозяевами,

---

¹ Кириченко С.В., Иминохоев А.М. Жилищные условия горожан и благоустроенность г. Верхнеудинск// Байкальские встречи – Х. Улан-Удэ, 2018. С. 186.

² Чолахян В.А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920-1930-х годах// Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2009. Т.9. Вып. 2. С. 65.

³ Красный Курган. 1925. 15 окт.

чересчур велика и обременительна для служащих, получающих ограниченное жалование. Надо срочно пересмотреть вопрос о квартирной плате и установить ограниченную плату за квартиру, как в домах Горхоза, так и в домах частновладельцев, сообразаясь с помещениями, а также и средствами квартирантов»¹. Однако в середине 1920-х гг., в разгар нэпа возможность сдавать жилплощадь по свободным ценам вопреки обязательного постановления Окрисполкома о квартирной плате в городе у граждан сохранялась. По мнению современников, «трудящиеся зачастую не хотят использовать своих законных прав. Не желая портить «добрососедских» отношений с квартирохозяином, они на него не жалуются»². Более того, наряду с «частниками» сдавать жилье по высоким ценам стали и обитатели коммунальных домов. Летом 1927 г. зафиксирован конкретный случай, когда арендатор коммунальной квартиры, уплачивая за нее Горкомхозу 4 рубля, сдавал одну из комнат приезжим гражданам по 34 рубля³. Указанные факты свидетельствуют о возрождении в городе Кургане практики частного найма жилья, как и в целом по стране в годы нэпа⁴.

Острота жилищного кризиса обуславливала высокие цены и на покупку жилья. Сохранившиеся воспоминания курганского краеведа И.А. Ленского-Зыкова описывают факт покупки вскладчину в 1928 г. двухэтажного крестового дома с надворными постройками за 1600 рублей по адресу Куйбышева, 84. Чтобы купить дом в центре, И.А. Ленский-Зыков объединил имеющиеся накопления со средствами матери и сестры своей супруги, которые появились у последних в результате продажи добротной усадьбы в центре ближайшего пригорода - деревне Рябковой. Второй этаж дома № 84 по улице Куйбышева занимал сам Иван Афанасьевич с женой и четырьмя детьми, а на первом поселились мать, сестра и две племянницы его супруги (в общей сложности 10 человек)⁵. Возвращаясь к стоимости дома в 1600 рублей, отметим для сравнения, что в 1928 г. оклады

¹ Красный Курган. 1925. 24 окт.

² Красный Курган. 1925. 19 нояб.

³ Красный Курган. 1927. 26 июля.

⁴ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 97.

⁵ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 166.

рабочих электростанции составляли 32 рубля, которых едва хватало на пропитание¹.

В 1926-1928 гг. на одного курганца приходилось чуть больше 5,5 кв. м жилой площади, из поступивших 1200 заявлений на жилье лишь треть была удовлетворена, причем приоритет отдавался семьям красноармейцев, инвалидам и перебрасываемым работникам². Курганские власти, подчеркивая остроту квартирного вопроса, ссылались на полнейшее отсутствие средств: «несмотря на ряд ходатайств Горсовета и Окрисполкома в течение ряда лет об отпуске ссуды на новое жилстроительство, город не получил таковой...Обязательное и более широкое строительство жилых домов предприятиями и учреждениями для своих рабочих и служащих до сего времени не производилось»³. Наряду с выселением из домов Горкомхоза нетрудового элемента и отчуждением площадей частных владельцев городские власти для решения жилищного вопроса производили ремонт коммунальных домов и новое строительство. Отсутствие необходимых средств не делало эту работу масштабной: годовой план ремонта на 1925-1926 г. был выполнен на 85 процентов (отремонтированы 4 дома на 29 квартир общей жилой площадью 1563 кв. м, красные казармы и бывшее духовное училище)⁴. В порядке «новой постройки и восстановления», согласно отчету Курганского Горсовета, в 1926-1928 гг. было получено 1289,3 кв. м жилой площади на 52 квартиры⁵. Газета «Красный Курган» в октябре 1927 г. приводила цифру в 1660 кв. м отремонтированной Горкомхозом площади «мертвых домов» за истекший год⁶.

В 1927-1928 гг. в Кургане впервые со времени установления советской власти горкомхозом были построены четыре кирпичных двухэтажных коммунальных дома на 8 квартир⁷. Темпы коммунального строительства были

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1020. Л. 183.

² ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 12-13.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Красный Курган. 1927. 13 янв.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 13, об.

⁶ Красный Курган. 1927. 11 окт.

⁷ Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2020. С. 27.

весьма скромными и не могли смягчить остроты жилищного кризиса. В отчете Курганского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1926-1927 и 1927-1928 гг. помимо отсутствия необходимых средств на ремонт и жилищное строительство были отмечены также такие трудности, как недостаток квалифицированной рабочей силы (строительных десятников), повлекший за собой недостаточный контроль за рабочими, отсутствие в должном количестве строительных материалов (сухого строевого круглого леса, пиломатериалов, алебастра, цемента, извести, олифы), плохое качество большинства строительных материалов, печей, окон и дверей, появление внеплановых работ¹. Сохранившиеся до наших дней три коммунальных дома по улице Куйбышева, построенные во второй половине 1920-х годов по типовому проекту, рассчитаны на четыре 3-комнатные и четыре 2-комнатные квартиры, оборудованные русской печью с плитой, люфт-клозетом и раздевальней, на кухне первого этажа имелись голбцы².

Дома Горкомхоза требовали ремонта не только по причине ветхости и последствий Гражданской войны, но и из-за небрежного и даже «хищнического» отношения самих жильцов, что побудило Окрисполком к изданию обязательного постановления, предусматривавшего особую ответственность за таковое³.

На начало 1927 г. Курган с населением 28076 человек насчитывал 2836 частных (129710 кв.м) и 439 коммунальных (52789 кв.м) жилых домов, на каждого жителя приходилось 6,5 кв. м жилой площади при санитарной норме 9 кв. м⁴. Кроме того, санитарная норма жилой площади 9 кв.м предусматривала 28,8 куб.м воздуха (высоту внутри помещения 3,2 м), в то время как в Кургане преобладала высота потолков 2,5 м, соответственно кубатура воздуха на 9 кв. м площади здесь была меньше санитарной нормы⁵.

С 1 июля 1928 г., согласно постановлению Горсовета, принятому на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14.05.1928 "Об оплате жилых

¹ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 15, об.

² Козельчук Т. В. Документы органов ЖКХ в изучении повседневности Кургана периода нэпа (по материалам ГАКО) // VI Емельяновские чтения. Курган, 2012. С. 234.

³ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364. Л. 12, об.

⁴ Красный Курган. 1927. 1 марта.

⁵ Там же.

помещений в городах и рабочих поселках"¹, в Кургане устанавливаются новые ставки квартирной платы. Квартиры были разбиты по признакам удобств на пять категорий, предусматривающих скидку от основного тарифа (44 коп. за кв.м) от 3 до 50%, жильцы также подразделялись на категории в зависимости от заработка и числа иждивенцев. «Так, имеющий нормальную квартиру с электрическим освещением, но получающий зарплату от 21 до 30 рублей, получает скидку наполовину (22 коп. за метр) даже тогда, когда он не имеет ни одного человека на своем иждивении, - разъяснялось в газете «Красный Курган». - При зарплате от 124 до 145 руб. скидок по числу иждивенцев никаких не делается, за исключением тех скидок, которые делаются по категориям квартирных удобств»². Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР "Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках" допускалось понижение квартирной платы (но не ниже 30 коп. за кв.м) в городах с населением менее 40 тыс. человек³, однако курганские власти эту возможность не использовали. Налог со строений в Кургане и прилегающих к нему поселках, установленный Курганским Окрисполкомом в 1926 г., также предусматривал существенные скидки для некоторых категорий граждан, но только при условии, что «льготники» не сдают свои помещения в аренду⁴.

В 1930 г., по данным исследователей, в Кургане насчитывалось 3173 частных и 500 коммунальных жилых домов⁵. Однако рост городского населения намного опережал темпы жилищного строительства этого времени. Согласно подсчетам Е.В. Тершуковой, за период 1927-1930 гг. число домов в Кургане увеличилось на 12%, а население города выросло на 152%⁶. В этой связи размер средней жилой площади на одного курганца продолжал снижаться, составив, по

¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г.// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 53. Ст. 402.

² Красный Курган. 1928. 5 июля.

³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г.// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 53. Ст. 402.

⁴ Красный Курган. 1926. 30 янв.

⁵ Тершукова Е.В. Несостоявшийся прорыв: городская застройка в 1920-1930-х гг.// Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 23. Курган. Тобольск, 2014. С. 130.

⁶ Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2020. С. 13.

официальным данным, 4,7 кв.м в 1934 г.¹, М.С. Жулева пишет о ее сокращении до 2,5 кв. м в 1927-1940 гг.². Основными причинами растущего жилищного кризиса в Кургане местные власти называли быстрый прирост городского населения, отсутствие необходимых средств и дефицитность строительных материалов для развития жилищного строительства как Горкомхозом, ЖАКТаами, предприятиями, так и самим населением³. В первой половине 1930-х гг. к вышеизложенному прибавилась необходимость использования жилых помещений под учебные и другие учреждения⁴.

По данным экономико-географического очерка Курганского района, на 1 января 1935 г. жилой фонд города Кургана составлял 139908 кв.м, из которых 79150 кв. м приходилось на частный сектор⁵. При численности городского населения 42900 человек⁶ средняя жилая площадь на одного человека в это время составляла 3,26 кв. м.

Областные ведомости регистрации обобщественного жилого фонда содержат подробные сведения о жилфонде, принадлежащем курганским организациям и арендованном ими для рабочих и служащих. Отметим, что в ведомость записывались «все обитаемые строения – жилые дома и бараки, больничные, школьные, торговые, административные и т.п. строения, если в них постоянно проживает хоть один человек»⁷. Кухни, кладовые, прихожие, даже занятые под жилье, в жилую площадь этих ведомостей не включались⁸. Итак, на 1 января 1935 г. Курган располагал 45037,41 кв.м. жилой площади обобщественного жилфонда (43458,48 кв.м оборудованы электроосвещением), и в которой постоянно проживало 8490 человек (5,3 кв.м средняя площадь). В арендуемых помещениях жилая площадь составляла 31705,71 кв.м., на которых

---

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 155. Л. 8.

² Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. С. 92.

³ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 25.

⁴ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 155. Л. 8.

⁵ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 11. Д. 30. Л. 14.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д.61. Л. 87.

⁸ Там же. Л. 83.

проживали 4478 курганца (7 кв.м средняя площадь)¹. Располагая конкретными данными об обобщественной жилплощади, рассмотрим их на примерах Курганского машиностроительного завода, железнодорожного узла и городских ЖАКТ. На 1 января 1935 г. машиностроительный завод располагал 1084 кв.м. жилой площади, оборудованной электроосвещением, но лишенной водопровода, канализации и центрального отопления, на которой проживало 185 человек, и еще 102 человека жили в арендованных помещениях площадью 446 кв.м.². Курганский железнодорожный узел располагал 3150 кв.м. жилплощади со 100 % оснащением электричеством, 50% водопроводом, канализации и центрального отопления не было. На этой площади постоянно проживали 831 человек, и 512 железнодорожников обитали в арендованных помещениях площадью 1832 кв.м.³. Городские ЖАКТы располагали площадью 30255 кв.м. с электроосвещением, но без водопровода, канализации и центрального отопления с 5642 жильцами и 3056 человек проживали на арендованной площади 15327 кв.м.⁴. Таким образом, на начало 1935 г. средняя жилая площадь на одного человека в обобщественном жилфонде машиностроительного завода колебалась от 4,4 до 5,9 кв.м, в ЖАКТах от 5 до 5,4 кв. м. В худших условиях находились железнодорожники – от 3,6 до 3,8 кв. м жилплощади. В 1938 г. средняя площадь на одного курганца в обобщественном жилфонде составляла 5,1 кв. м, в 1939 и 1940 гг. – 4,7 кв.м⁵. Для сравнения, в Москве в 1930 г. средняя норма жилой площади составляла 5,5 кв.м на человека, снизившись до 4 кв.м к 1940 г., в Магнитогорске и Иркутске - 4 кв.м, в Красноярске в 1933 г. – 3,4 кв. м⁶.

Не располагая данными о среднедушевой жилплощади в частном секторе города Кургана, отметим, что количество домов здесь выросло с 2836 в 1927 г.⁷ до 3910 домов в 1941 г.⁸, однако жилая площадь в них уменьшилась,

---

¹ Там же. Л. 35.

² Там же. Л. 83.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же Л.11,15.

⁶ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С.58-59.

⁷ Красный Курган. 1927. 1 марта.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 19. Д. 8. Л. 2.

соответственно, с 129710 кв.м.¹ до 86682 кв.м; свыше 90 % частной застройки составляли деревянные рубленые дома².

Приводимые данные в цифрах иллюстрируют состояние жилого фонда г. Кургана, степень остроты квартирного кризиса и хозяйственно-административные меры, предпринимаемые для его разрешения. Далее обратимся к характеристике бытовых условий проживания горожан, описанных в архивных и опубликованных воспоминаниях, устных источниках, а также в материалах периодической печати межвоенных лет. Интересна газетная публикация 1928 г. о санитарном состоянии 136 квартир сотрудников уголовного розыска. Осмотр квартир, проведенный одним из курганских врачей, показал, что «89 квартир можно с большой натяжкой признать годными, принимая во внимание квартирный кризис. 49 квартир совершенно непригодны: одни из них сырые, холодные, другие полуразрушенные и требуют капитального ремонта»³. Возвращаясь к цифрам, отметим, что из этих 136 квартир только в двух была отчасти соблюдена норма жилой площади - больше 8 кв.м на человека, в 50 квартирах площадь на человека составила 5-6 кв.м, еще в 50 - 3-4 кв. м на 1 человека, и 40 квартир имели площадь 2 кв. метра на 1 человека. Кроме того, врач подсчитала, что в 75 % квартир имеются клопы и тараканы, 67 % жилищ содержатся без уборки. Итогом публикации стали санитарные рекомендации «сделать в каждой квартире форточку...Часто мыть пол, вытирать пыль влажной тряпкой, не оставлять в помещении мусор, помой, невытую посуду и вести упорную борьбу с насекомыми»⁴.

В этом же году в газете появляются обличительные публикации, направленные в адрес граждан, располагающих большой жилплощадью. Так, внимание общественности привлек дом площадью более ста квадратных метров, арендуемый горбольницей для заведующего с женой и прислугой, в то время как «рабочие с низшим окладом и служащие ютятся в 2-4 квадратных метрах, а некоторые и в подвальных помещениях»⁵. Острой критике подверглись аппетиты

---

¹ Красный Курган. 1927. 1 марта.

² ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 19. Д. 8. Л. 63, об.

³ Красный Курган. 1928. 15 дек.

⁴ Там же.

⁵ Красный Курган. 1928. 21 авг.

тещи одного из курганских ответственных работников, в прошлом купчихи, занимающей с семьей из 7 человек весь нижний этаж дома № 135 по улице Советской. «По выезде из верхнего этажа одного квартиранта освободилось две больших комнаты, теща тут как тут...В этом же домовладении живут рабочие с семьями в 5-6 человек, которым приходится ютиться в бывшей сыроварке»¹. Очевидно, что местных ответственных работников и их родственников могли не коснуться практики «уплотнения» и «самоуплотнения», периодически проводившиеся советской властью с целью ослабления квартирного кризиса. В то же время нам неизвестны последствия этих публикаций, имеющих явно обличительный характер.

Тесное соседство чужих людей в условиях крайнего недостатка жилой площади порождали конфликты между жильцами коммунальных домов. Сохранившиеся в архивных фондах жалобы на соседей демонстрируют напряженную атмосферу совместного проживания. Е.В. Тершукова приводит пример историю трех соседей, один из которых – семейный гражданин, занимающий проходные комнаты, - написал заявление на соседку, обвиняя ее в неряшливости и неуживчивости. В ответ на это две его соседки пожаловались на оскорбления со стороны заявителя².

Тесноты и бытовой неустроенности не могли избежать и студенты открывавшихся в Кургане учебных заведений. По воспоминаниям краеведа М.С. Парфеновой о времени своей учебы в Курганском педагогическом техникуме в начале 1930-х гг., «мест в общежитиях не хватало. В каждой комнатке, рассчитанной на 4 человека, размещались 5-6 человек. Матрацы и подушки были из сена и соломы, простыней и пододеяльников, конечно, не было...Немногие счастливчики, имея мала-мальски состоятельных родителей, жили на частных квартирах в более нормальных условиях»³.

---

¹ Там же.

² Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2020. С. 19-20.

³ ГАКО. Ф. Р-2345. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, об.

Проживание в общежитии становилось испытанием не только для студентов. На заседании первичной парторганизации ВКП(б) Курганского машиностроительного завода отмечалось, что «общежитие [для рабочих машзавода – К.К.] находится в антисанитарном состоянии, грязно совершенно не оборудованное стульями, кроватями, постельными принадлежностями, вешалкой, посудой, тумбочками. Культурно-массовая работа в общежитии среди рабочих не ведется и как результат этому в общежитии молодежь занимается пьянством, картежной [игрой – К.К.] и т.д.»¹.

Зауральский журналист А. С. Севастьянов посвятил значительную часть своих воспоминаний довоенному времени. В 1934 г. пятнадцатилетним юношей он приезжает в Курган и поступает в педагогический техникум. Первые месяцы студент пробыл у двоюродного брата, который и сам с семьей жил у родственников: «в квартире, занимавшей лишь половину небольшого дома, было тесно, спал я на палатках, уроки готовил на берегу Чигирима, под кустом...Я понимал, что стесняю...надо уходить, но места в общежитии не было», - напишет впоследствии Анатолий Севастьянов. Другой его двоюродный брат, отказавшийся принять к себе студента, имел свой дом в Ново-Северном поселке. А.С. Севастьянов вспоминает еще об одном курганском доме по улице Сибирской, где совместно проживали два поколения горожан: родители, их дочь с мужем (занимавшие отдельную комнату) и еще одна дочь-студентка².

Отдельные граждане пытались жаловаться на плохие санитарные условия своего проживания. К примеру, в 1938 г. курганец, проживающий в доме № 91 по улице Советской, отмечал, что его квартира «совершенно непригодна для жилья», а сотрудники горжилуправления в течение полугода на просьбы о ремонте или предоставлении нового жилья «только обещают, а квартиры не дают»; другая жалоба отмечала факт продолжительного проживания в проходной комнате женщины, больной туберкулезом³. В ситуации крайней тесноты, скученности оказались в 1930-х гг. миллионы советских граждан, жилой фонд

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 3876. Оп. 1 Д. 1. Л. 13.

² Севастьянов А. С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись] // из личного архива К.Ю. Кладовой.

³ Красный Курган. 1938. 16 июня.

городов, по словам И.Б. Орлова, «находился в состоянии, близком к критическому»¹.

Опубликованные воспоминания курганца В.Е. Васильева свидетельствуют об условиях жизни семей, решившихся на переезд в город из сельской местности. Прибыв в Курган в 1936 г., Васильевы, ожидая очереди на квартиру, некоторое время жили в деревне Смолино на втором этаже двухэтажного частного дома. «Отец работал на откормочном пункте треста «Скототкорм», который находился на левом берегу Тобола, напротив деревни Смолино, в качестве обозника на бычьем транспорте, - пишет В.Е. Васильев о времени своего детства. - Когда дали жилье, переехали из Смолино на откормочный на левый берег. Квартиру предоставили в бараке – комнатуха три на четыре. Я спал всегда на полу, если рано не встал, оттопчут ноги, собираясь на работу... В 1938 г. отец купил в Копае землянку, и семья туда переехала»². Поселок Копай стихийно разрастался на северо-восточной окраине Кургана и состоял из землянок, которые люди строили в ямах, предназначенных для свалки городских нечистот. «Сюда шли те, кто отчаивался найти себе квартиру в черте города, - писал корреспондент местной газеты в марте 1937 г. - Лачуги, зарывшиеся в землю, выдают себя только трубами печей, собачьим лаем и той же свалкой нечистот города, выбрасываемых возле поселка. Ни улиц, ни переулков. Номера домов перепутаны... Дороги нет... В поселке до трехсот «домов» и около тысячи жителей»³. В.Е. Васильев в своих воспоминаниях подробно описывает это, по его словам, «уникальное поселение»: «строились землянки, трех- или двухстенки, крыша была земляная заподлицо с почвой или дорогой, и если бы не дымовая труба, такое сооружение трудно заметить с дороги... Поселение было довольно обширное, население многочисленное, многонациональное, бедное. Люди работали на птицекомбинате, на мясокомбинате, беконной фабрике, элеваторе, на железной дороге... Наша землянка... упиралась длинной стеной в северную сторону ямы, крыша была вровень с проходившей рядом дорогой. Землянка имела две комнаты – кухню и

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 124.

² Васильев В.Е. Моя советская биография // XVI Зырянские чтения. Курган, 2018. С. 92.

³ Красный Курган. 1937. 26 марта.

горницу. В южную сторону ямы упирались сарай и хлев для скота. Туалет стоял в восточной части ямы, западная сторона была открыта»¹. В этой землянке, состоявшей из кухни и горницы, Васильевы жили сначала шестером, а затем и в количестве восьми человек.

В подвалах и землянках на городских окраинах, по словам И.Б. Орлова, на долгое время поселялись те, кто переехал в города в период форсированной индустриализации. Историк приводит в пример рабочих сложнейшего и современного по тем временам химического завода в г. Ефремов Тульской области, в конце 1930-х гг., вынужденных жить в землянках на склоне оврага². В другой ситуации оказалась семья Кошелевых, переехав в 1930-х гг. в Курган из деревни. Родители с дочерью поселились у старшего сына, который к тому времени жил со своей семьей в центре города по улице Гоголя и работал на железной дороге. Квартира железнодорожника представляла собой комнату в «ЖАКТовском доме» с общей кухней и отдельными комнатами для семей³.

Историю другой курганской семьи нам рассказала О.Н. Кряжевских (Штинова), ребенком бывавшая в гостях у своей крестной матери в семье Макаровых, занимавших комнату в центре Кургана в доме близ Троицкой церкви. Крестная мать Оли Штиновой в 1930-х гг. похоронила мужа и двоих детей. Работая на мясокомбинате, она одна содержала свою небольшую семью: себя и сына. Хозяйства и огорода у Макаровых не было. Жили скромно: «одна комната была, в этой комнате две кровати было. И общий коридор большой. Большой коридор был. И вот там еще рядом соседи жили, - вспоминает О.Н. Кряжевских. - Не было общей кухни, просто дома на плитке готовили они...печку топили»⁴.

Еще одна семья – Кунгуровы – переехала в Курган из сельской местности в 1936 г. В двухэтажном доме № 74 по улице Пушкинской в 1930-х гг. проживало около десяти семей, каждая из которых занимала по одной комнате: «мы

---

¹ Васильев В.Е. Моя советская биография // XVI Зыряновские чтения. Курган, 2018. С. 93.

² Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самоокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. Том 8. 2014. № 2. С. 83.

³ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁴ Воспоминания О.Н. Кряжевских (Штиновой) [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 13.10. 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

занимали внизу комнату, - рассказывает Вениамин Кунгуров...- Жили мы там пять человек...Здесь у нас стояла кровать, здесь у нас трельяж стоял, здесь стол стоял, здесь еще кровать стояла, здесь вот был камин...а здесь сундук с вещами, а тут вешалка еще была... И уроки здесь же готовили...Еду готовили...у нас плитка-то была, вот на этой плитке»¹. В бывшем кухонном помещении этого двухэтажного дома после революции так же поселилась семья.

Коммунальные квартиры, где в каждой комнате проживала отдельная семья, стали обычным явлением для советских городов 1930-х гг.². Исследователь ленинградской повседневности Н.Б. Лебина пишет о формировании в коммунальных квартирах на почве всеобщей нужды «особого социалистического конформизма»³. В то же время курганские коммунальные квартиры разительно отличались от ленинградских уровнем благоустройства, этажностью и планировкой. В курганских домах теплые туалеты были большой редкостью, не говоря уже о ваннных комнатах. Возможно, отсутствие общих удобств, а в некоторых случаях и общей кухни, вело к большей изолированности горожан при условии проживания в отдельных комнатах. Отметим также, что в небольшом провинциальном городе преобладала частная застройка. Так, в 1930 г. площадь коммунального жилья в Кургане составляла 50,4 тыс. кв. м, то есть в два с половиной раза меньше общей площади частных жилых домов - 125,3 тыс. кв. м⁴.

Жилищный вопрос в г. Кургане развивался в русле общероссийских тенденций. После установления советской власти началась реализация классового подхода к распределению жилья. Однако, в условиях роста городского населения и отсутствия у государства средств на строительство и ремонт жилья, власть принимает экономические меры для ослабления квартирного кризиса: в Кургане, как и в других советских городах, идет развитие индивидуального строительства, жилищной кооперации и частного найма жилплощади. В то же время государство

¹ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: 2008. С. 60.

³ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: 2015. С. 109.

⁴ Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города// Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2020. С. 13.

регулировало квартплату не только по признакам удобств, но и по платежеспособности населения, а также ужесточало меры воздействия на «нетрудовой элемент».

Город Курган лишь отчасти коснулась волна форсированной индустриализации, он не стал новым индустриальным центром с массовым строительством ведомственного жилья, подобно соседнему Магнитогорску. Однако политика коллективизации и раскулачивания привела к тому, что в Курган двинулось значительное количество сельских жителей, беднейшая часть которых селилась в землянках на городских окраинах. Обычным явлением стало покомнатное распределение семей, когда в пределах одной комнаты жили представители двух-трех поколений одной семьи. В лучших условиях находились жители обширного частного сектора: здесь члены семьи могли занимать разные комнаты, однако практика жилищных «уплотнений» не обошла стороной и их. Теснота, отсутствие личного пространства и бытовых удобств на протяжении всего рассматриваемого периода оставались повседневными реалиями большинства советских граждан. Не стал исключением и город Курган.

2. ХОЗЯЙСТВО И ПИТАНИЕ ГОРОЖАН

2.1 Курганцы в условиях голода начала 1920-х гг.

Голод начала 1920-х гг. охватил значительную территорию страны, в том числе и Челябинскую губернию. На жителей Курганского уезда (одного из самых урожайных в губернии и признанного голодающим только в 1922 г.) в 1921 г. легла вся тяжесть продналога, уплатив который, люди могли рассчитывать лишь на 5-6 месяцев относительной сытости¹. К весне 1922 г. Курганский уезд был охвачен голодом. По официальным данным, в 1922 г. из 361 384 его жителей 171 431 голодало, 13 868 болело на почве голода и 1 642 человек от голода умерло². Исследователи выделяют несколько причин голода начала 1920-х гг.: частичный неурожай 1920 г. и полный неурожай 1921 г.; последствия Первой мировой и Гражданской войн; сокращение крестьянских хозяйств, вызванное продразверсткой; отсталые способы ведения сельхозработ; хозяйственный урон, нанесенный в ходе крестьянских выступлений 1920-1921 гг. и их подавления; государственные просчеты, в результате которых хлебные запасы от урожая 1920 г. были быстро израсходованы³.

В начале 1920-х Курган оставался небольшим провинциальным городом - центром земледельческого уезда - с населением чуть менее 28 тысяч человек⁴. Курганская промышленность была ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья. В условиях разрухи в 1921 г. оставались работающими консервный завод, обеспечивающий нужды армии; машиностроительный (турбинный) завод, в тяжелое время вместо производства сельскохозяйственного оборудования занимавшийся «мелким ремонтом

¹ Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии// Земля Курганская: прошлое и настоящее). Вып. 5. Курган, 1993. С. 99.

² Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 12.

³ Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии// Земля Курганская: прошлое и настоящее). Вып. 5. Курган, 1993. С. 98-99.

⁴ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34.

кустарного характера»; кожевенный завод; мельницы; жестяно-лудильный завод по выработке молочной посуды¹.

Курганцы проживали как в многоквартирных домах и общежитиях, так и в частных домах, расположенных в центре и на городских окраинах. Большая часть курганцев имела огороды и домашний скот. Размеры хозяйств по городу значительно различались: семьям из многоквартирных домов придомовая территория не позволяла иметь больше одной коровы и двух-трех гряд огородной земли, в то время как жители частного сектора располагали большими возможностями для ведения хозяйства. Встречались и семьи, целиком занятые на службе или производстве, совсем не имеющие домашнего скота². В то же время Курган, как и любой город, был зависим от поставок сельхозпродуктов, и бедственное продовольственное положение в зауральских деревнях вело к немедленному удорожанию продуктов на городских рынках.

В течение 1921 г. жители Курганского уезда съели заготовленные ими запасы хлеба, овощей, а также мясной, молочный и рабочий скот, после чего вынуждены были переходить на суррогаты. Голод в Кургане и уезде достиг своего пика весной 1922 г. По словам председателя Окружного Исполнительного Комитета А.Д. Попова, «питание значительной части населения в это тяжелое время состояло исключительно из разных суррогатов, в числе которых на первом месте стояли «просянка» (семена мышея) и «мочка» (корни рогоза)»³. В числе употребляемых суррогатов были также лебеда, мох, мучка от камыша, древесные опилки, белая глина, мякина соломы, кожсырье. В пищу шли также падаль птиц и животных, в том числе кошек и собак⁴.

Горожане, так же как и деревенские жители, массово умирали от голода. Заведующий городским похоронным бюро в период пика голода весной 1922 года сообщал, что «за май месяц смертность была ужасающая, цифра похороненных за

---

¹ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 226-269.

² Воспоминания О.Н. Кряжевских (Штиновой) [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 13.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

³ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 12

⁴ Красный Курган, 1922, 14 мая.

сутки превышала 100, а иногда доходила до 200. Ежедневно снимается мертвых с поездов от 20 до 30 человек, собираем также и вообще по линии выбрасываемых из проходящих поездов...Находим мертвых на чердаках пустых домов...в подвалах...Едем за трупами по требованию учреждений, кварткомов коммуналдела и т.д....по объезде учреждений возчик направляется просто по улицам города...подбирает от 10 до 15 трупов ежедневно...Но с 8 июня количество смертей резко идет на убыль»¹.

Описаны случаи, когда доведенные до отчаяния люди решались на самоубийство и убийство своих детей². Подобное было исключением из повседневной практики. В условиях недоедания именно на женщину - мать и хозяйку - ложилась забота о выживании семьи. Так, в 1921 г. за мешок зерноотходов продала свой дом жительница Кургана, лишившаяся мужа-кормильца. Этот мешок мать семейства отдала машинисту паровоза, чтобы увезти детей из голодающего Кургана к родственникам в Барнаул³.

Горожане выменивали имеющиеся у них ценности на продукты по чрезвычайно высоким ценам. Для многих этот обмен был единственным способом выживания в голодное время. Так, шестидесятилетняя жительница деревни Плотниковой Курганского уезда, спасаясь от голода, временно переехала в Курган, где продержалась до мая 1922 г. за счет продажи своих вещей⁴. По воспоминанием жителя города Кургана В.С. Коржева, подростком пережившего голод, «особенно тяжело досталось бедноте, которая, не имея возможности произвести обмен на хлеб или картошку что-нибудь из вещей, умирала от голода...»⁵. Торговцы-перекупщики, называемые советской печатью спекулянтами, закупали у крестьян продукты оптом с целью перепродажи. В январе 1922 г. Челябинский Губисполком издал обязательное постановление, запрещающее перекупщикам на рынках закупать продукты до 12 часов дня, чтобы дать возможность городским рабочим и служащим купить товары

¹ Красный Курган. 1922. 18 июня.

² Красный Курган. 1922. 14 мая.

³Подкорытова Л.Г. Из воспоминаний матери. URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Podkorytova/>, свободный (дата обращения 05.06. 2019).

⁴ ГАКО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 6915 Оп 1. Д 2. Л. 29-30.

«непосредственно из рук крестьянина-производителя по более доступным ценам»¹. Со страниц местной газеты звучали разоблачительные фельетоны в адрес спекулянтов, воров из числа государственных служащих и тех милиционеров, которые их покрывали:

«Посмотрите у нас на базаре
Продают Межрабкомовский рис
Сухой и в разваре.
По субботам бывает зерно,
Но продают украдкой,
Дорого стоит оно:
Пахнет судом и взяткой.
Но обходится мирным путем
Торговать умеют
При милиции с каждым днем
Спекулянты балдеют»².

В декабре 1921 г. в Кургане среднерыночная цена за пуд (16,4 кг) муки составляла 110000 руб, пуд крупы стоил 380000 руб, фунт (0,4 кг) мяса - 8000 руб, фунт рыбы - 10000 руб, четверть молока - 23500 руб, вилок капусты - 17500 руб, десяток яиц - 26500 руб, фунт кофе -12500, пуд соли - 52500, фунт сахара - 42500 руб³. Есть сведения о тарифных ставках ответственных работников профессиональных, партийных и советских организаций Курганского уезда в декабре 1921 г. - от 1 080 000 рублей до 1 512 000 рублей в зависимости от разряда. В этом же месяце норма продовольственного снабжения ответственных работников составляла 50 фунтов муки, 7,5 фунтов крупы, 15 фунтов мяса, 2 фунта жиров, 2 фунта сахара, 0,25 фунта кофе, 4 фунта соли и 1 фунт мыла. На членов семьи (не более трех человек) отпускалось дополнительно по 13 фунтов муки на каждого. Стоимость продовольственного пайка засчитывалась в счет заработной платы по твердым ценам, опубликованным в «Советской правде» №

---

¹ Красный Курган. 1922. 27 янв.

² Красный Курган. 1922. 25 мая.

³ Красный Курган. 1922. 13 янв.

617¹. Таким образом, в декабре 1921 г. зарплаты партийного работника хватало на относительно нормальное питание семьи из 4-5 человек.

Граждане, занятые в других сферах, нередко балансировали на грани выживания, несмотря на получение заработной платы. Так, в заявлении сотрудника типографии № 7 в адрес Горюездной комиссии по борьбе с голодом от 7 декабря 1921 г. отмечалось, что он и его семья из пяти человек на протяжении последних дней голодает: «нет не только кусочка хлеба, но и суррогатов никаких»². С просьбой о помощи в декабре 1921 г. в Курганский горком ВКП (б) обратился член партии, служащий горхоза, третью неделю питающийся отрубями, брюшиной и травой. По дороге из Москвы в Курган у его семьи украли большую часть вещей и продукты. «Горхоз очень слабо снабжает своих сотрудников за неимением средств... Служу около месяца, получил только сто тысяч денег»³. Этой суммы хватало на покупку только 7 фунтов муки.

В тяжелой ситуации находились безработные горожане, учащаяся молодежь и дети. В поисках пропитания многие из них по утрам осаждали столовые, просили милостыню под окнами⁴. Некоторые граждане обращались в комиссию помощи голодающим за содействием в получении любой работы⁵, соглашаясь «работать хоть круглые сутки, лишь бы кормиться»⁶. Попавший под сокращение штатов переселенец из Тамбовской губернии с семьей из восьми человек, распродав последние вещи, обращался с последней надеждой в курганский отдел социального обеспечения, обреченно замечая, что «выхода из этого положения, кроме голодной смерти, нет никакого»⁷. Зачастую безработные обращались в комиссию по борьбе с голодом с просьбой о выдаче карточек в столовую. Так, сокращенный служащий Губсоюза после трех месяцев недоедания просил карточку на пропитание четырех детей⁸. Получившие карточку на питание, в столовой могли рассчитывать на небольшой паек, которого едва

---

¹ Там же.

² ГАКО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

³ Там же.

⁴ Красный Курган. 1922. 25 июня.

⁵ ГАКО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 56-56, об.

⁸ Там же. Л. 40.

хватало, чтобы не умереть от голода. М.Н. Тайболина приводит нормы дневного «голодного пайка» на одного человека в день в Кургане весной 1922 г. (1 фунт = 0,41 кг, 1 золотник = 4,27 г): $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, 12 золотников крупы, 32 золотника мяса, 4 золотника жиров, 3 золотника соли, 1 золотник яиц¹.

Весной 1922 г. за счет средств Уездного комитета помощи голодающим и организации Международная рабочая помощь в городе работали несколько столовых, снабжающих голодающее население. Первая из них была рассчитана на 100 человек, но к маю 1922 г. здесь питались уже 900 горожан. Вторая столовая на 500 человек в это время обслуживала от 700 до 900 голодающих. На станции Курган была открыта столовая на 200 детей, но ее пропускная способность достигала 500 ребят. Столовую № 3, пропускная способность которой неизвестна, планировали расширить на 300 человек. Столовая № 4 весной 1922 г. обслуживала 650 голодающих горожан. Предполагалось открыть еще одну столовую на 500 человек на средства Уездного комитета помощи голодающим, кофейную на 2000 человек на средства международной «Миссии Нансена». Местные власти предполагали, что эти меры удовлетворят потребности в пропитании 4 770 человек или 50 % от голодающего населения города². Если учесть, что в 1920 г. Курган насчитывал 27739 жителей³, то в разгар этого страшного бедствия голодал каждый третий горожанин. По словам современников, «по приезду в Курган Межрабкома...снабжение голодающих через столовые было расширено, так как им производились отпуска риса, фасоли и молока в сгущенном виде. С приездом в Курган Миссии Нансена признанные центром голодающими волости сразу же начали регулярно снабжаться продовольствием в достаточной мере»⁴.

В это время детям от 3 до 12 лет государство предоставляло обеды по карточкам. Причем взрослым не разрешалось сопровождать детей в столовой, а на дом обед ребенку отпускался только по справке от врача. Рацион по норме на

¹ Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии// Земля Курганская: прошлое и настоящее). Вып. 5. Курган, 1993. С. 101

² Красный Курган. 1922. 14 мая.

³ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 34.

⁴ ГАКО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

одного ребенка в день в столовых был более чем скромным: в столовой № 7 ежедневно давали рис по 12 золотников. В дополнение к рису могло быть сладкое молоко (1 банка на 8 детей) или сушеные сливы (6 золотников), или 6 золотников масла и 2 золотника сахара. В остальных городских столовых в июне 1922 г. было запланировано два дня в неделю кормить детей мясом (32 золотника) с фасолью (4 золотника), рисом (8 золотников), маслом (6 золотников), в остальные пять дней основным блюдом был рис (12 золотников)¹.

К началу августа 1922 г. в детских домах города находилось 1651 ребят. Летом дети получили дополнительное питание от Межкрабпома: рис, масло, сгущенное молоко, фрукты. «Дети поправились, стали живей. Смертность уменьшилась», - отмечали очевидцы².

Возвращаясь к теме пайкового распределения обедов, подчеркнем, что карточки в столовые как предмет особой ценности в голодные годы немедленно стали объектом махинаций. Для получения карточек необходимы были документы. «В последнее время свирепствует новая эпидемия, – сообщали современники, - массовая потеря документов. Заявления об утере поступают почти исключительно от лиц, имеющих конечную цель – получить карточку в столовую»³. Те граждане, которые продав или потеряв свои документы, не имели средств опубликовать объявление об утере, оставались без продовольственной карточки и без работы. Последним приютом голодающих нищих был «дом смерти», располагавшийся сначала в подвале одного из зданий в ближайшем пригороде, а затем у Троицкого кладбища. Посетивший это место корреспондент газеты отметил, что «помещение страшно загажено. В некоторых комнатах полно испражнений. Вьются мириады мух. Всюду разбросаны рублища...»⁴.

Разруха и антисанитария царили не только в городских ночлежках, зараза была повсюду. Вскоре Курган охватили эпидемии. Брюшной, сыпной, возвратный тиф, холера были неизменными спутниками голода. Источниками холеры были объявлены река Тобол и городские колодцы. У исполком города распорядился во

¹ Красный Курган. 1922. 11 июня.

² Красный Курган. 1922. 18 сент.

³ Красный Курган. 1922. 2 июля.

⁴ Там же.

всех общественных местах поставить баки с кипяченой водой, а граждан предостерегали пить сырую воду. Власти занялись очисткой города, жалуясь на наводнение, плохую погоду и отсутствие гужевого транспорта для ассенизационного обоза¹.

В голодные зимние месяцы голодающие с надеждой ждали наступления тепла, чтобы перейти на подножный корм. Уже весной 1922 г. многие жители голодающей Рябковой - одной из ближайших пригородных деревень, через некоторое время вошедшей в состав городской территории - кормились только тем, что ловили в реке мелкую рыбешку². В марте 1922 г. здесь голодало 225 детей и 442 взрослых жителя³. Подростки из ремесленного училища, по воспоминаниям одного из них, в разгар голода весной 1922 г. «вспоминали только о еде...кто и что раньше любил кушать. У кого мать или сестренка готовила сытные щи с капустой или пирожки с ливером... Чтобы продержаться до лета, многие ребята покинули училище и ушли на заработки туда, где давали мизерный паек хлеба. Оставшиеся в школе (сначала скрытно) а затем и в открытую приступили к изготовлению всех систем и видов зажигалок, которые на рынке и в деревне обменивались на продукты питания... При школе внизу была открыта общественная столовая, где один раз в сутки мы получили горячую пищу, суп-баланду и какую-нибудь кашу. Лето 1922 г. принесло огромное облегчение...Ягоды, рыбная ловля, грибы заполнили наши желудки. Значительно улучшилось положение с продовольствием в городе...»⁴.

Действительно, к лету 1922 г. пик голода для горожан был пройден, но ситуация все еще оставалась тяжелой. В июне средняя зарплата рабочих и служащих составляла от 1438 до 1850 рублей. В это же время цены на продукты были следующими (за фунт): мука – 9 руб, мясо 7 руб 75 коп, жиры 27 руб, сахар 37 руб 50 коп, соль 75 коп. Оставался в продаже и суррогат по цене 2 руб 25 коп за фунт⁵. Два месяца спустя зарплаты курганских рабочих и служащих по-

---

¹ Красный Курган. 1922. 18 июня.

² Красный Курган. 1922. 1 июня.

³ ГАКО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 6915 Оп 1. Д 2. Л. 29-30.

⁵ Красный Курган. 1922. 7 июля.

прежнему оставались низкими. «Цифра далека от прожиточного минимума, - отмечали современники, - но рабочие, учитывая разрушенное хозяйство и истощенные ресурсы страны, этим удовлетворены...»¹. Низкие зарплаты работающих во многом объясняют причины массового стремления горожан уклониться от уплаты гражданского налога в пользу голодающих. Люди разными уловками записывались в безработные, так как по городу прошел слух, что безработных от уплаты налога освобождают². Советская печать высмеивала и осуждала подобное поведение. Пресса явно противопоставляла голодающих нищих и спекулянтов «в чьих карманах и в холщовых мешках крепко зажато горло голодного человека»³, однако между этими полюсами находилась масса рабочих и служащих, а также горожан, занятых личным подсобным хозяйством. Эти люди балансировали на грани нормы и выживания, подавали милостыню голодающим или прогоняли из под своих окон нищих со словами: «Не прогневайся, сами голодны»⁴.

В летнее время город продолжал нуждаться в бесплатной ночлежке для голодающих⁵. В августе 1922 г. в четырех городских столовых питались 2300 человек⁶, то есть, в разгар огородного сезона недоедал, ориентировочно, каждый десятый житель города Кургана. Об этом же свидетельствуют и частые кражи овощей с городских огородов. Большинство расхитителей гряд были нуждающимися подростками⁷. Воровство в голодные годы среди населения приобретает особый размах. Не стал исключением и Курган, где орудовали не только воры-рецидивисты, связанные с главарями воров, занимавшиеся крупными кражами в столовых⁸, но и рядовые граждане, в иное время не решившиеся бы взять чужое⁹. В январе 1922 г. начальник Курганского подотдела Уголовного розыска, отмечая возросшее число краж в городе, грабежей и убийств,

---

¹ Красный Курган. 1922. 18 авг.

² Красный Курган. 1922. 5 июля.

³ Красный Курган. 1922. 25 июня.

⁴ Там же.

⁵ Красный Курган. 1922. 2 июля.

⁶ Красный Курган. 1922. 4 авг.

⁷ Красный Курган. 1922. 18 авг.

⁸ Красный Курган. 1922. 4 авг.

⁹ Красный Курган. 1922. 1 июня.

подчеркивает, что «при задержании того или иного преступника выясняется, что на преступление заставил идти голод»¹. Наряду с кражами и разбоем в голодные годы получает распространение и каннибализм. К счастью, в Курганском уезде голод не был столь жестоким и продолжительным, как в других частях страны, поэтому случаи людоедства здесь были единичными. Летом 1922 г. в местной газете вышла статья под названием «Небывалый случай людоедства»: курганским уголовным розыском были пойманы с поличным две женщины из пригорода, признавшие свою вину в убийстве и съедении двадцати человек, в том числе и своих детей².

В экстремальных условиях поведение человека часто связано с переходом некой психологической границы дозволенного. Теме разрушения общественных и личных запретов под влиянием голода, порабощения человека и общества пищевым инстинктом посвящена весьма интересная работа П.А. Сорокина³. Социолог убедительно показывает, как «голод лобовой атакой аннулирует все защитные рефлексы, подавляет волю к жизни»⁴: половые, болевые рефлексы и инстинкт групповой самозащиты, а также моральные, правовые и религиозные основы поведения. Говоря о советской действительности, П.А. Сорокин, будучи современником революционных лет, отмечал, что «в наши годы мы в бесконечном изобилии наблюдаем случаи подавления «рефлексов свободы» у массы лиц...которые из-за продовольственного пайка отказывались от свойственных им форм поведения и образа мыслей, надевали на себя маску покорности...»⁵. Так, в ходе преодоления последствий голода и разрухи курганские рабочие и служащие соглашались жить на зарплаты, которых с трудом хватало на пропитание семей.

Подводя итоги, отметим, что суровый 1922 г. курганцы пережили по-разному. Весной голодала третья часть городского населения. Остальные находились в относительно лучших условиях благодаря заработной плате и

¹ ГАКО Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, об.

² Красный Курган. 1922. 7 июля.

³ Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 198.

личному подсобному хозяйству. Заработок рядовых курганских рабочих и служащих в условиях голода был крайне мал, однако лишение работы ставило горожан на край гибели. Не случайно, часть обращений трудоспособных граждан в комитет помощи голодающим содержит именно просьбы о содействии в трудоустройстве. Существенным подспорьем для значительной части горожан оказались не только огороды и домашний скот, но и прочие ценные вещи, которые продавались или обменивались на продукты.

Экстремальные условия вынуждали население менять привычный образ жизни. Часть курганцев, спасаясь от голода, уезжала в более благополучные районы страны. Оставшиеся граждане пытались выжить на малые зарплаты и скудные пайки, постепенно распродавали имущество, пытались оформить карточки в столовые, просили милостыню. Накалилась и криминальная обстановка: мелкие и крупные кражи, разбои, мошенничество и убийства на почве голода приобрели широкий размах. Голод обнажил также человеческие качества граждан: как положительные – стремление помочь нуждающимся, так и отрицательные – жажду наживы в условиях народного бедствия. На протяжении всего межвоенного периода в памяти курганских обывателей сохранялся страх голода 1921-1922 гг. Частые перебои в продовольственном снабжении сопровождались тревожными слухами и стремлением запастись. Нормированное – пайковое – распределение благ, многочасовые очереди постепенно вошли в повседневную жизнь советских граждан.

2.2 Продовольственное обеспечение жителей г. Кургана в сер. 1920-1930-х гг.

Питание, являясь базовой биологической потребностью человека, составляет одну из важнейших сфер его повседневной жизни. Приобретение, приготовление и потребление пищи нередко ритуализируются, а недоедание немедленно сказывается на поведении и образе жизни людей.

В первые советские десятилетия большая часть курганских семей располагала личным подсобным хозяйством, при этом огороды и сараи для скота имели не только жители частного сектора, но и жильцы кооперативных (многоквартирных) домов. Размеры личных подсобных хозяйств в городе различались существенно: жильцы многоквартирных домов ввиду малой придомовой площади ограничивались одной коровой и несколькими грядами огорода, жители частного сектора располагали большей территорией для огородничества и разведения скота. Часть жителей многоквартирных домов имели также загородные участки для выращивания картофеля¹.

В первые послереволюционные годы курганцы, наряду с жителями других регионов, оказались в водовороте борьбы «красных» и «белых», а также пережили тяжелейший период голода 1921-1922 гг. Даже в августе 1923 г. в деревнях ближайшего пригорода, через некоторое время вошедших в состав городской черты, оставалось голодающее население. Так, в деревне Смолина в этот период голодало 39 детей и 77 взрослых, в Мало Чаусово – 14 детей и 12 взрослых, в деревне Курганской – 37 детей и 18 взрослых².

Продовольственная ситуация по стране в целом в конце 1922 г. также оставалась сложной. Д.В. Ильющенко относит период окончательной стабилизации процесса восстановления народного хозяйства и начало нового периода в развитии советской экономики только к концу 1925 г., отмечая, что к концу 1922 г. «питание рабочих хотя и значительно улучшилось по сравнению с

---

¹ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² ГАКО. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 128. Л. 45.

1918–1921 гг., но все еще носило отпечаток труднейшего продовольственного кризиса времен военного коммунизма. К тому времени недостаток хлеба в основном уже был ликвидирован, но многих продуктов не доставало. Хлеб, картофель, овощи, растительное масло, будучи наиболее доступными, занимали основное место в питании»¹.

Новая экономическая политика советского государства, призванная улучшить снабжение городского населения и преодолеть продовольственный кризис первых послереволюционных лет, оживила традиционную частную торговлю. Также в 1920-е гг. в сфере продаж и снабжения наряду с государственной торговлей получает развитие система потребительской кооперации. Члены (пайщики) потребительского кооператива, имея на руках книжки, в которых записывались паевые взносы, могли приобрести товары в магазине своего кооператива. В условиях дефицита кооперативный магазин отпускал товары только своим пайщикам, в другом случае (если продукции хватало) услугами магазина мог воспользоваться любой гражданин.

Рабочее снабжение через кооперацию не удовлетворяло потребностей населения. В конце апреля 1925 г. рабочие Курганского кожевенного завода получили заборные книжки и обратились в лавку Центрального рабочего кооператива, «но в ней не оказалось ни мяса, ни масла, ни яиц и других нужных рабочим предметов первой необходимости»². Купить недостающие продукты и предметы первой необходимости можно было у частных торговцев, продающих товары на рынках, в лавках и вразнос. Период середины 1920-х гг. для современников стал контрастным воспоминанием между голодными 1921–1922 гг. и дефицитом первой пятилетки. «Хорошо помню годы нэпа, – отмечает в своих воспоминаниях житель Кургана Н. В. Нассар, – как по волшебству все

---

¹ Ильющенко Д.В. Потребление населения и общественное питание в Советской России в условиях военного коммунизма, НЭПа и индустриализации. Вестник РУДН, серия Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 22

² Красный Курган. 1925. 21 мая

переменилось. Появилось изобилие продуктов.... На всю жизнь запомнила то время»¹.

В то же время высоки были затраты на питание, особенно в семьях, не имевших подсобного хозяйства. Невысокие зарплаты курганских рабочих и служащих, а затем и небольшие нормы снабжения (в сравнении с рабочими крупных городов и особо значимых промышленных предприятий) были характерны для всего исследуемого периода. В 1923 г. современники отмечали, что зарплаты рабочего хватало «только на пропитание семьи»². В декабре 1923 г. на курганском базаре были в продаже пшеница, рожь, мясо, масло коровье топленое, крупа пшеничная, гречневая, капуста, свекла, картофель, но за неделю все перечисленные продукты поднялись в цене на 30-50 процентов³.

В 1926 г. газета «Красный Курган» сообщала, что на железной дороге «рабочие получают жалование от 20 до 100 рублей. Но 100 р. получают очень немногие. Из этой получки рабочему нужно содержать семью в 5–6 чел., надо купить хлеба, дров, обувь, одежду, заплатить за квартиру...»⁴. В то же время в 1926 г. рыночные цены с января по апрель возросли значительно: пшеница с 1,1–1,2 руб. до 1,15–1,25 руб., мука пшеничная 1,2 руб.–1,4 руб. до 1,8 руб., масло сливочное 0,55–0,6 руб. до 1,34 руб., сахар-песок с 0,27 до 0,66 руб., сахар 0,33 до 0,81 руб., корова с 35–60 руб. до 45–85 руб.⁵.

На собрании коллектива Курганской электростанции по поводу займа индустриализации в 1928 году звучали выкрики: «при таком мизерном окладе в 32 рубля, какой мы получаем, кое-как только кормимся!»⁶. В 1928 году 1 кг мяса стоил от 38 до 44 копеек (частник продавал по 38)⁷ один кг белого печеного хлеба – 25 коп., десяток яиц – 35 коп., четверть молока – 23 коп., один кг пшеничной

---

¹ Из воспоминаний Надежды Васильевны Нассар // URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Nassar%20memory/> (дата обращения: 21. 03. 2019).

² Красный Курган. 1923. 11 окт.

³ Красный Курган. 1923. 4 дек.

⁴ Красный Курган. 1926. 19 февр. 25 апр.

⁵ Красный Курган. 1926. № 13

⁶ ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1020. Л. 183.

⁷ Красный Курган. 1928. 22 февр.

муки простого размола – 11,5 коп., 400 г. сливочного масла – 68 коп., один пуд картофеля – 45 коп.¹.

К концу 1920-х гг. под влиянием государственных ограничительных мер доля частного торгового оборота в Курганском округе сократилась с 48,4 % в 1922–1923 гг. до 5,8 % в 1927–1928 гг., в то время как доля кооперативной торговли в это время возросла с 34,3 % до 65,3 %, а государственный торговый оборот возрос с 17,3 % до 28,9 % за указанный период². В октябре 1927 г. частные торговцы города получили 32 патента на торговлю бакалейными товарами, 6 – хлебными, 32 – мясными, 18 рыбными, 51 съестными припасами. Всего за 9 месяцев 1927 г. они получили 359 патентов на торговлю различными товарами³. Для сравнения – за 5 месяцев 1921 г. жителям Кургана было выдано более 600 разрешений на торговлю (популярна была мелкая торговля со стола на базаре или вразнос, а также открытие на дому небольших чайных-столовых или номеров с буфетом⁴). Частные торговцы предлагали в деревне за хлеб более высокие цены, чем организации кооперативного снабжения, и крестьяне искали сотрудничества с частником⁵. В то же время частная торговля оставалась конкурентоспособной на городских рынках. Так, в 1928 г. в лавке Курганского центрального рабочего кооператива мясо стоило 42–44 коп. за килограмм, в то время как частник продавал мясо всего по 38 коп.⁶.

Таким образом, недостатки системы государственного снабжения в годы нэпа рядовым гражданам активно компенсировал относительно свободный рынок мелкой частной торговли. Последующие репрессивные меры по отношению к крестьянству и частной торговле пагубно отразились на продовольственной ситуации в городах, вызывая тем самым недовольство всех слоев городского населения.

Советская система нормированного иерархического снабжения была официально оформлена 14 февраля 1929 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б)

¹ Красный Курган. 1928. 20 сент.

² ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1024. Л. 4.

³ Там же. Л. 2.

⁴ ГАКО. Ф. Р-635. Оп. 5. Д. 9. Л. 1–36, об.

⁵ Красный Курган. 1925. 4 июля

⁶ Красный Курган. 1928. 22 февр.

утвердило порядок отпуска продовольственных хлебопродуктов населению по специальным заборным книжкам в соответствии с нормами, установленными для разных категорий работающих граждан, но фактически хлебные нормы в регионах существовали уже в 1928 г.¹.

По сообщению Курганского окружного отдела ОГПУ, в апреле 1928 г. среди рабочих электростанции были разговоры о том, что «советская власть душит частную торговлю, а сама руководить торговлей не может»². Рабочие были недовольны недостаточным снабжением мукой со стороны кооперации. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в ситуации острого продовольственного кризиса кооперативные заборные книжки стали аналогом карточек, по которым работающее население могло получить нормированный паек. Норма выдачи муки по 30 фунтов на рабочего и 15 фунтов на члена семьи была недостаточной, а длительное стояние в очередях еще более усугубляло ситуацию. Были случаи панического настроения: «мол, наступает 1921 год голодный... мы изволь сидеть без хлеба, а если и дадут, так по норме, за которой изволь стоять по целым дням»³.

В октябре 1929 г. в Кургане был отмечен случай женской забастовки на почве недовольства нормами снабжения. На мельнице № 30 Союзхлеба смена временных работниц по починке мешков выступила с требованием о выдаче им октябрьского пайка муки по нормам, установленным для постоянных промышленных рабочих, то есть 16 кг на рабочего и по 8 кг на члена семьи, а не по 8 кг на рабочего и 6 кг на члена семьи, как установлено ЦРК с 1 октября для сезонных рабочих. Тридцать работниц смены потребовали у заведующего мельницей выдачи пайка по нормам постоянных рабочих, в чем им было отказано. Последовала ругань и угрозы срыва работ со стороны женщин⁴.

Слабая организация выдачи товаров и оповещения населения об их поступлении со стороны кооперации порождала недовольство ее работой у рядовых граждан. Обыватели шептались о том, что «рабкоп ничего не делает», –

---

¹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999. С. 65-66.

² ГАСПИКО. Ф. 7. Оп.1. Д. 1024. Л. 68.

³ Там же. Л. 124, 186.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 12.

подмечала газета¹. Нерегулярность выдачи товаров порождала ажиотаж и очереди. Жены пайщиков сотнями ежедневно обходили лавки с целью узнать: «А что сегодня и где выдают?»².

В целях обеспечения населения питанием власть брала на себя разные, порой экзотические для современников, инициативы: если пропаганда соевых культур не коснулась курганских обывателей, то материалы о преимуществах кролиководства местная печать публиковала регулярно на протяжении первой пятилетки. Кроме того, из центра не раз говорилось о необходимости развивать на предприятиях подсобное хозяйство для дополнительного снабжения рабочих. «Каждый завод, предприятие должны иметь свои сельхозпредприятия – огород, свинарник, крольчатник, молочную ферму и т. д. и отсюда черпать дополнительные ресурсы»³. В начале 1930-х гг. в городе Кургане эта инициатива не всегда получала поддержку со стороны руководства предприятий. К тому же не все предприятия исполняли предписание по созданию продовольственной базы, а также не всегда животным был обеспечен необходимый уход. Если на машиностроительном заводе имелось 47 голов КРС, 185 овец и 108 кроликов, а отдел связи завел 25 кроликов и свинью с двумя поросятами, то кожевенный завод держал только 10 свиней⁴. Нужно сказать, что это не первые опыты коллективного подсобного хозяйствования на курганских предприятиях. В 1923 г. рабочие кожзавода собрали на общественном огороде по 27 пудов картофеля на каждого члена коллектива⁵.

В период острого продовольственного кризиса начала 1930-х гг. власть пошла навстречу интересам городского и сельского населения. В 1932 г. колхозникам и крестьянам-единоличникам было разрешено продавать излишки произведенной продукции. 30 июня 1932 г. в Кургане прошел первый организованный колхозный базар, на который съехались до шестисот подвод колхозников и единоличников. «Колхозники своей продукцией вытеснили

---

¹ Красный Курган, 1928, 22 февр.

² Красный Курган, 1930, 12 марта

³ Красный Курган, 1933, 10 янв.

⁴ Красный Курган, 1933 10 янв.

⁵ Красный Курган, 1923, 11 окт.

городского продавца: столы, где обычно можно было видеть с молоком, маслом, яйцами горожанина-продавца, были пусты», – подчеркивали очевидцы¹. Современники начала 1930-х гг. отмечали высокие цены курганского рынка на фоне низких зарплат части городского населения: «А рынок в то время – особенно для низкооплачиваемых ... был недоступно дорог», – писала краевед М. С. Парфенова в своих воспоминаниях о Курганском педучилище начала 1930-х гг.²

В 1932 г. в Кургане на колхозном базаре продукты располагались как на столах, так и прямо на земле. Отсутствовал санитарный контроль, покупатели трогали мясо руками³, крышки фляг со сливками не закрывались, а некоторые продавцы сами пили из ковшей, которыми наливали покупателю сливки⁴. Подобная ситуация была характерна не только для провинциальных базаров. Даже в Ленинграде в 1932 г. рыночные площадки не были приспособлены к стационарной торговле продовольствием (отсутствовали водопровод и канализация, места для хранения сельхозпродуктов)⁵. Во второй половине 1930-х гг. курганский рынок был оборудован павильоном, у некоторых колхозов и городского пищекомбината появились собственные ларьки для торговли овощами⁶.

Газета «Красный Курган» хранит описание атмосферы городского рынка середины 1930-х гг.: проходы между молочными, овощными рядами и скотским базаром «заполнены песельниками, гармонистами, гадальщиками и прочими жуликами и проходимцами... в одном месте поют старинную царскую песенку..., тут есть и контрреволюционные песни. И все это перемешивается с криками «погадать, погадать»...»⁷.

В 1938 г. курганским санитарным врачом было отмечено, что «имеющийся на Ленинской площади новый базар не оборудован для торговли. Столов

---

¹ Красный Курган. 1932. 2 июля

² ГАКО. Ф. Р-2345. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

³ Красный Курган, 1932. 11 авг

⁴ Красный Курган, 1932. 2 июля

⁵ Твердюкова Е. Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С 126.

⁶ Красный Курган. 1941. 2 сент.

⁷ Красный Курган. 1935. 26 авг.

недостаточно, продуктами питания торгуют на земле..., продавцы медосмотру не подвергаются, справок о состоянии здоровья животных никто не имеет»¹.

Еще одной возможностью купить дефицитные товары было обращение в магазины Торгсина – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами, где граждане в обмен на драгоценности могли получить дефицитные товары. В эти магазины обращались представители бывших привилегированных слоев – дворянства и купечества, сохранившие золотые и серебряные изделия, драгоценные камни и предметы искусства. В Кургане магазин Торгсина был открыт в конце 1932 г.² по улице Свободы, 73. Сдатчикам золота предлагались «всевозможные товары в неограниченном количестве..., как то: муку, сахар, крупы, вино, бакалейные товары, мануфактуру, галантерейные товары, обувь, готовое платье и прочее»³. В Кургане услугами Торгсина пользовалась, например, дочь одного из местных купцов, унаследовавшая от отца золотые вещи⁴. В октябре 1935 г. объявлялось о закрытии магазина Торгсина в Кургане⁵. По словам Н. Б. Лебиной, Торгсин явился одной из практик выживания, инициированной самой властью⁶.

Отмена карточной системы на хлеб в январе 1935 г. вызвала противоречивые оценки современников. Исследователь Е. Осокина отмечает, что «в районах, хорошо подготовившихся к свободной торговле, преобладали положительные отзывы населения. Там же, где местное руководство не обеспечило нормального хода торговли, население требовало восстановления карточной системы»⁷. Курган, очевидно, не был готов к отмене хлебных норм. Докладные записки НКВД свидетельствовали, что «выпечка хлеба производится совершенно недостаточно, в силу этого имеют место перебои последнего в

¹ Красный Курган. 1938. 17 сент.

² Красный Курган. 1932. 10 дек

³ Красный Курган. 1932. 10 дек

⁴ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁵ Красный Курган, 1935, 18 окт.

⁶ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 47.

⁷ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999. С. 180.

магазинах, хлебом торгуют по 2–3 часа в день, около магазинов создаются очереди»¹.

В мае 1935 г. газета «Красный Курган» описывала гнетущую атмосферу ежедневных очередей у хлебных магазинов города: люди становились в очередь за хлебом в 2–3 часа ночи и мелом на одежде записывали номер. Многочасовое стояние у хлебных магазинов и ларьков сопровождалось руганью, появлением «обманщиков» (не стоящих в очереди) и др.². Осенью 1935 г. местная печать отмечала, что «за 9 месяцев торговли хлебом не изжито позорнейшее явление – очереди за хлебом. Торговые часы не соблюдаются: магазины открывают поздно, иногда рано закрывают»³.

Жители неиндустриального города оказались неготовыми к высоким ценам на хлеб: «По таким расценкам хлеб покупать нам все равно легче не будет, потому что если заработаешь 70–75 руб. в месяц, то два пуда муки не купишь, вот и улучшение для нашего брата», – замечали рабочие кожевенного завода, а некоторые рабочие прямо говорили о преимуществах пайкового распределения перед дефицитом и дороговизной «свободной» торговли: «каждый день нужно быть в очереди за хлебом, нужно специально иметь человека, который бы стоял в очереди, то ли дело получил паек, жена выпечет и кушай, а то сколько ни стой в очереди, а все равно будешь голодом...»⁴.

В 1935 г. «инвалид–красный партизан» выражал недовольство высокими ценами на муку: «Государство у колхозов берет хлеб по 8 руб. за центнер, а продает муку 40 р., 41-60 руб. и 54 р. 40 коп пуд, наложено в 50 раз дороже против покупной, вот это не спекуляция, а прямо обдираловка и издевательство. В газетах пишут о прибавке пенсии и зарплаты, на что нам прибавка, пускай еще сбавят, но чтобы люди могли существовать, а получающие пенсию от 10 до 20 рублей в месяц как голодовали, так и будут голодовать до самой смерти»⁵.

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 4. Л. 10.

² Красный Курган, 1935, 14 мая

³ Красный Курган. 1935. 6 окт.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 4. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 11.

В октябре 1935 г., в начале реализации постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О снижении цен на хлеб и отмене карточек на другие товары», курганские работники торговли оказались в растерянности: не знали цен на хлеб, не имели необходимого ассортимента продукции, на вопросы граждан иногда отвечали грубостью¹. Магазины зачастую не придерживались установленной государством нормы отпуска хлеба в 2 кг, продавая в одни руки до 4–5 кг².

Советская идея о постепенном отмирании частной кухни и обобществлении трапезы не смогла достичь качественного воплощения, а потому не нашла поддержки в массах. Тема общественного питания не сходила со страниц местной газеты на протяжении 1930-х гг. Сотрудники курганского общепита не раз становились героями фельетонов, а работа столовых в целом регулярно характеризовалась одним словом – «безобразиие». Свое недовольство курганскими столовыми выражали даже самые неизбалованные категории населения – студенты и одинокие граждане. При низком качестве пищи и однообразии меню стоимость обедов была высока. Так, в 1935 г. месячное пропитание в курганской столовой № 3 стоило 90 рублей, в то время как студенческая стипендия в одном из учебных заведений города была всего 66 рублей³, а зарплата рабочего – 70–75 рублей⁴.

В 1935 г. в городе работали 27 столовых, ресторан и железнодорожный буфет, которые ежедневно обслуживали около 11 тысяч граждан⁵. В столовых обедали рабочие, служащие и учащаяся молодежь. Студенты, не имея иной возможности, находились на полном столовании, рабочие питались в столовых в перерывах производственного процесса. Общественное питание на дому не стало популярным в силу высокой стоимости и низкого качества блюд. К примеру, в 1930 г. курганцы покупали на дом в столовых всего 40–50 обедов в день – ничтожное количество при тридцатитысячном населении города⁶.

---

¹ Красный Курган. 1935. 3 окт.

² Красный Курган. 1935. 6 окт.

³ Красный Курган, 1935. 9 сент.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 4. Л. 10.

⁵ Красный Курган. 1935. 6 апр.

⁶ Красный Курган. 1930. 15 марта

Обычным явлением для курганского общепита наряду с низким качеством обедов было медленное обслуживание и антисанитария. В очереди столовой людям приходилось иногда стоять около часа и более¹. «В столовой № 2 творятся безобразия, – в очередной раз отмечала курганская газета, – овощи, которыми заправляют суп, не крошатся и не моются, на столах грязь. Не хватает ложек, столовые приборы не моются...»². В единственном городском ресторане, напоминающем, по словам современников, «старый грязный дореволюционный кабачок... не найти пепельниц и окурки бросают прямо на пол... Скатерти грязные, дырявые...»³.

Нередки были случаи подачи откровенно испорченных блюд. К примеру, в 1932 г. рабочие кожевенного завода получили на обед протухшие котлеты и блюдо с червями, привезенные из столовой № 3⁴. Три года спустя сообщалось, что в этой же столовой в блюдах можно найти волосы и червей⁵. Даже в единственном курганском ресторане в 1936 г. неоднократно подавались недоброкачественные пельмени, о чем открыто говорили сотрудники заведения⁶.

Снабжение столовых принципиально не отличалось от снабжения рядовых граждан – дефицит царил везде. Откровенно смешным выглядело отсутствие продуктов в так называемых ресторанах и кафе. Так, в 1939 г. в открывшейся на месте ресторана кафе-столовой отсутствовали не только заявленные в меню щи, баранина, оладьи и блины, но также какао, кофе и чай. В наличии оказались только спиртные напитки: пиво и водка. «Кафе-столовая прямо на кабак похожа... Можно напиться пива до одурения, но стакана чаю не дождешься, – отмечали современники»⁷. Дефицит продуктов лишал смысла посещения подобных заведений.

В силу существенных недостатков система советского общепита не смогла вытеснить частную кухню из повседневной жизни городских обывателей. В

---

¹ Красный Курган. 1938. 23 марта

² Красный Курган. 1933. 26 авг

³ Красный Курган. 1936. 15 июля

⁴ Красный Курган. 1932. 11 окт.

⁵ Красный Курган. 1935. 1 июня.

⁶ Красный Курган. 1936. 15 июля

⁷ Красный Курган. 1939. 3 марта

Кургане этому способствовало также сохранение личного подсобного хозяйства у большинства горожан. Жильцы многоквартирных домов пользовались общей кухней, оборудованной русской печью. В комнатах, как правило, дополнительно стояли примусы, представлявшие собой горелку, в которую из резервуара подавался керосин. В частном доме хозяйка могла единолично использовать русскую печь, поэтому здесь возможности для приготовления пищи и особенно выпечки были шире. Так, в воспоминаниях А. С. Севастьянова «вкусная домашняя стряпня» выступает главным летним угощением для гостей в «культурной, городской» семье. Летом 1935 г. в Кургане на праздничном столе, кроме разнообразных пирогов, были яйца «вкрутую» и свежая малина. «Я не знал, что это означает «вкрутую» и как еще варят яйца, и покорно соглашался», — отмечает уроженец деревни Байдары Анатолий Сергеевич Севастьянов¹.

В межвоенный период в Кургане сохранились традиции выпечки хлеба на домашней закваске². В 1930-е гг. в рацион курганцев активно входит заводской хлеб, приготовленный с использованием пекарских дрожжей. Городские пекарни не справлялись с возросшей потребностью населения. В 1937 году в трех городских пекарнях в три смены трудились 75 пекарей, ежедневно выпекая 25 тонн хлеба³. Курганцы неоднократно жаловались на плохое качество хлеба и кондитерских изделий⁴. В 1938 г. газета «Красный Курган» отмечала, что «хлеб выпекается недоброкачественный, в большинстве бывает сырым или кислым... Руководители пекарен ссылаются на отсутствие лаборантов и проверяют качество хлеба «на палец». Ни в одном из магазинов города вы не найдете доброкачественных кондитерских изделий, как то: хороших пирожных, тортов и т. п.⁵ Но даже кислый и сырой хлеб, завозимый по утрам в городские магазины, полностью раскупался уже к обеду⁶. Кроме того, курганцы были недовольны неравномерностью распределения хлебобулочных изделий по районам: «В лавки,

¹ Севастьянов А. С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись] // Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Васильева Т. В. Социально-экономическое развитие города Кургана в 1930-е годы // Зыряновские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Курган, 14–15 декабря 2004 г.). Курган, 2004. С. 109.

³ Красный Курган. 1937. 30 сент.

⁴ Красный Курган. 1939. 9 мая

⁵ Красный Курган. 1938. 5 янв.

⁶ Красный Курган. 1938. 5 янв.

находящиеся в рабочих районах, забрасывается почти один белый хлеб, а ржаной и пшеничный бывает очень редко», – отмечал один из жителей города¹.

К продовольственным затруднениям, испытываемым горожанами с разной степенью остроты на протяжении 1920–1930-х гг., в повседневной жизни добавлялись сложности с питьевой водой. На протяжении всего рассматриваемого периода курганские врачи били тревогу по поводу плохого качества воды. В городе были общественные и частные колодцы, но основным источником воды оставалась река Тобол. Существовали специально отведенные места для забора питьевой воды, полоскания белья и водопоя скота. На заседании Курганского горсовета в апреле 1925 г. отмечалась «совершенная непригодность для питья воды реки Тобола»². Причиной этого были плотина у станции Курганка и запруда около железнодорожной водокачки. «Имеющиеся в городе колодцы общественного пользования не все исправны, многие из них требуют ремонта, а действующие покрывают лишь незначительную потребность в воде населения», – подчеркивали городские медики³. В 1926 г. в Кургане было 10 колодцев Горкомхоза, планировалось строительство еще трех⁴.

Пробы воды 1929 г. также свидетельствовали о загрязнении воды продуктами разложения органических веществ животного происхождения⁵. На реке Тобол горсоветом устанавливались места для забора питьевой воды, полоскания белья, купания лошадей и людей⁶. Зимой горсовет сдавал проруби на реке арендаторам, что зачастую вызывало возмущение курганцев. Во второй половине 1920-х гг. жители города выражали недовольство по поводу высоких цен за пользование прорубями на реке Тобол: «Принесла баба ведро воды, плати 30 коп. ..., пошла полоскать белье – плати гривенник. Есть корова – и за нее 30 копеек подай. ... За квартиру ведь дешевле платим, чем за Тобол, – отмечал корреспондент местной газеты, – Арендатору дано монопольное право на

¹ Красный Курган. 1935. 1 марта

² ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Красный Курган. 1926. 25 апр

⁵ Курганский округ. Сборник материалов по изучению и исследованию Курганского округа Уральской области. – Курган: Общество краеведения, 1930. Вып. 1. С. 139.

⁶ Красный Курган. 1927. 18 янв.

весь Тобол, и житель города не имеет уже права помимо арендаторских прорубей сделать свою и брать из нее воду»¹.

На рубеже 1920–1930-х гг. в ряде кварталов города у колодцев Горкомхоза имели место многочасовые очереди за водой, практиковалось пользование частными колодцами, за что собственники иногда брали плату². Зимой некоторые граждане пользовались талой снеговой водой³. Местные власти писали в вышестоящие инстанции о необходимости строительства централизованного водопровода для предприятий и населения города, подчеркивая, что 6 малых водопроводов не удовлетворяют даже 10–15 % собственной потребности предприятий, которым они принадлежат⁴.

В Кургане далеко не все имеющиеся колодцы становились источниками питьевой воды. В некоторых колодцах города, по воспоминаниям жителей, вода имела соленый привкус. Такую воду использовали для полива и других хозяйственных нужд⁵. Курганец В. Е. Кунгуров, семья которого во второй половине 1930-х гг. проживала в районе современной центральной площади, рассказал, что во дворе их многоквартирного дома был колодец, но «пить из него нельзя было, вода такой болотной была, технической. Для уборки, для помывки дома пола можно было использовать. А воду мы носили из колонки. Колонка находилась в горсаду... Покупали талоны и по два ведра носили оттуда...»⁶.

В отдельных районах Кургана во второй половине 1930-х гг. не было ни одного колодца. Так, в 1939 г. жители Ново-Северного и Старо-Северного поселков через газету просили Горсовет «построить хотя бы один колодец, так как жители этих поселков совершенно не имеют питьевой воды»⁷.

В 1920–1930-х гг. курганцы остро нуждались в качественной питьевой воде. Зачастую горожанами для питьевых целей использовалась вода из ближайших водоемов и, прежде всего, из реки Тобол, при этом единственным способом

¹ Красный Курган. 1927. 18 янв.

² Красный Курган. 1930. 4 авг.

³ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 201. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 13 об.

⁵ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁶ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁷ Красный Курган. 1939. 3 апр.

обеззараживания воды оставалось кипячение. Курганские колодцы не всегда отвечали вкусовым потребностям горожан, поэтому те жители, которые не могли носить воду из Тобола, вынуждены были искать другие источники питьевой воды (колодцы с хорошей водой в соседнем районе, платные колодцы и колонки). Местные власти признавали необходимость скорейшего строительства городского водопровода, неоднократно сообщая об этом в вышестоящие инстанции.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении исследуемого периода в Кургане ситуация в сфере продовольственного обеспечения горожан оставалась напряженной. На заре новой экономической политики значительную часть территории страны, в том числе и город Курган, охватил голод. Продовольственная ситуация в Кургане оставалась неблагоприятной вплоть до конца 1923 г., когда в деревнях, соседствующих с городской чертой, оставалось голодающее население. В годы нэпа продовольственное снабжение населения шло по каналам государственной, кооперативной и частной торговли. Устные источники фиксируют изобилие продуктов, появившихся на курганских прилавках в середине 1920-х годов благодаря частнику, удерживающему конкурентное преимущество не только в отношении ассортимента, но и цен. Говоря о благополучном периоде нэпа, следует подчеркнуть, что он был, во-первых, кратковременным, длительностью менее пяти лет, а, во-вторых, на всем протяжении 1920-х гг. зарплаты курганских рабочих и служащих были низкими, заработка едва хватало на пропитание семей. Складывающаяся система кооперативного снабжения не могла удовлетворить потребностей горожан. Политика репрессивных мер по отношению к частной торговле и крестьянству рубежа 1920–1930-х годов вызвала негативную реакцию граждан, нередко обостряя панические настроения, обусловленные страхом повторения голода.

В конце 1920-х гг. в Кургане, как и по всей стране, идет оформление системы нормированного снабжения. Скудость продовольственного пайка, длительные очереди вызвали резкое осуждение со стороны граждан. В 1929 г. в Кургане был зафиксирован случай забастовки на почве недовольства продовольственными нормами. Случаи открытых протестных выступлений были

редки, граждане искали способы выживания в суровых условиях нормированного продовольственного распределения. В числе незаконных способов выживания рядовых граждан было получение пайков «мертвых душ», когда работники не выписывали из членских книжек бывших иждивенцев или умерших родственников, получая на них товары¹.

В среде работников, ответственных за снабжение населения и распределение товаров, также имели место злоупотребления и мошенничество. Так, в одной из потребкоопераций заведующий паевым столом снабжал паевыми карточками вора-рецидивиста, который вместе с подельниками по продовольственным карточкам получали муку и продавали ее на рынке². Также в Курганском рабкоопе были случаи самовольного увеличения пайков для некоторых граждан, а также самоснабжения работников складов, прилавка и даже возчиков «в неограниченных размерах»³.

Еще одна практика выживания населения была связана с перепродажей товаров, получившей в СССР название спекуляции. Рядовые граждане занимались этим в мелких масштабах. Например, помощник пекаря в одной из курганских пекарен с женой-домохозяйкой увозили в город Петропавловск на продажу лук, а на вырученные деньги покупали там 10 пудов муки по 18 руб. за пуд для перепродажи в Кургане по цене в два раза выше⁴. В это же время за спекуляцию мукой была задержаны работники железной дороги станции Петропавловск, провозившие для перепродажи в Кургане от 9 до 15 пудов муки каждый⁵.

Пытаясь решить продовольственный кризис начала 1930-х годов, власть выступала, среди прочего, с инициативой ведения подсобного хозяйства на предприятиях как источника дополнительного снабжения. На практике эти идеи далеко не всегда находили должную реализацию, поскольку животные требовали

---

¹ Красный Курган. 1932. 9 июля

² Красный Курган. 1932. 8 авг.

³ Красный Курган. 1932. 2 нояб.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 4. Л. 159.

⁵ Там же.

ухода. В то же время эти инициативы были не новы – у курганских предприятий уже был опыт коллективного хозяйствования в период голода начала 1920-х гг.

Еще одним способом решения острого продовольственного кризиса начала 1930-х гг. стало открытие колхозных рынков и магазинов Торгсина. В Кургане колхозный базар и отделение Торгсина начали работу в 1932 г. Санитарное состояние курганского базара было неудовлетворительным, однако даже в Ленинграде в этот период рынки оставались непригодными для постоянной торговли продовольствием. Устные источники отмечают, что жители города Кургана (из бывших привилегированных слоев) обращались в магазины Торгсина за товарами.

В 1935 г. Курган оказался неготовым к отмене карточек на хлеб: выпечка его была недостаточной, что провоцировало ажиотажный спрос и очереди. Многочасовые ночные очереди за хлебом оставались повседневным явлением на протяжении всего 1935 г. Горожане были недовольны не только изнурительными очередями, но и высокими ценами на хлеб и муку.

Общественное питание, активно пропагандируемое советскими идеологами, не встретило поддержки среди курганского населения. На всем протяжении 1930-х гг. рабочие, служащие и учащая молодежь, вынужденные питаться в столовых, жаловались на плохое качество блюд, долгое время ожидания, высокие цены, отсутствие ассортимента и антисанитарию. Эти недостатки не позволили общественному питанию вытеснить частную кухню из повседневной жизни курганцев.

2.3 Животноводство в жизни горожан

В межвоенные десятилетия XX в. город Курган был окружным, а затем районным центром. Приезжим из крупных промышленных центров он напоминал, скорее, сельское поселение, нежели город. Внешний облик Кургана и, главное, жизненный ритм его жителей свидетельствовали о близости деревенского быта. Свое подсобное хозяйство имели не только жители обширного частного сектора. Небольшие придомовые огороды и сараи для скота были и у жителей кооперативных (многоквартирных) домов¹. Сельскохозяйственных животных держали все слои городского населения: рабочие, служащие, интеллигенция. В 1926 г. в Кургане проживали 26812 человек², в 1927 г. в городе насчитывалось 2620 голов скота³. Предположительно, речь идет о численности именно крупного рогатого скота и лошадей, поскольку в указанной заметке обсуждаются пастбища для городских стад, а свиньи, козы и даже телята организовано в стадах не паслись. Согласно данным экономического паспорта Курганского района, поголовье крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах рабочих и служащих составляло 1147 голов в 1932 г., 7350 в 1937 году и 5496 в 1939 г.; количество овец в собственности рабочих и служащих района возросло с 1190 голов в 1937 г. до 2340 в 1939 г.⁴

Корова была настоящей кормилицей семьи. О значимости молочного скота для горожан может свидетельствовать факт премирования коровой лучшего стахановца Курганского машзавода в 1935 г.⁵. Многие черты в облике города Кургана определялись именно массовым присутствием в городе домашнего скота. В городских скверах паслись телята, козы, гуляли свиньи, о чем периодически писали в газету некоторые возмущенные жители, но ситуация не менялась. Кроме того, летом о массовом присутствии домашнего скота в городе свидетельствовал специфический запах: вслед за наводнением, по выражению корреспондента

¹ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Красный Курган. 1927. 24 февр.

³ Красный Курган. 1927. 2 авг.

⁴ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 11. Д. 95. Л. 35.

⁵ Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.)/ Под ред. И.Е. Плотникова. Курган, 1997. С. 111.

местной газеты, в Кургане наступало «навознение»¹. В пастбищный сезон курганцы ежедневно гоняли своих коров за реку Тобол: провожали скот через центр города по улице Ленина, у моста перед Тоболом коров доверяли пастухам, которые и уводили животных пастись². Стада, традиционно, паслись у городских окраин.

Первые послереволюционные годы были тяжелейшим периодом для жителей всей страны. В 1923-1924 гг. крестьянские хозяйства Курганского округа были настолько истощены, что людям казалась непосильной уборка хорошего урожая этого года. Примерно с 1922 г. начинается активная пропаганда ветеринарных знаний среди населения округа через газету «Красный Курган». Практически в каждом номере печатались материалы по сельскому хозяйству, касающиеся вопросов кормления, разведения и лечения животных. Эта рубрика служила, как отмечалось в газете, цели просвещения жителей округа и была дополнительным источником информации для ветеринарных специалистов, отдаленных от окружного центра. Думается, что пропаганда ветеринарных знаний среди населения в этот период не имела большого успеха в силу малограмотности крестьян и господства в их сознании традиционных методов содержания и лечения скота.

Уход за животными был важной составляющей повседневной жизни курганцев на протяжении всего межвоенного периода. Каждое лето горожане запасали корм для животных на зиму. Хозяйствование «по науке», рекомендуемое ветеринарами на страницах «Красного Кургана», было делом затратным и хлопотным. Большая часть населения (как городского, так и сельского) не имела такой возможности. Курганский агроном Я. Лешин в 1922 г. приводит нормы зимнего кормления скота в условиях Зауралья, выделяя в рационе животных корм поддерживающий и производительный. Он отмечает, что «продолжительность зимнего кормления у нас равняется около 7,5 месяцам, в среднем 220 дням»³. Поддерживающего корма (сена, соломы, мякины) нужно на 1 голову крупного

---

¹ Красный Курган. 1924. 26 апр.

² Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

³ Красный Курган. 1922. 12 июля

рогатого скота около 140 пудов на всю зиму, «на теленка и овцу требуется 30 пудов. На лошадь (взрослую) идет сена до 200 пудов в год»¹. Производительный корм «должен состоять из сильных кормов: овса, отрубей, жмыхов и др.»². Агроном говорит о «крайней трудности заготовки в наши дни этих последних кормов в достаточном количестве»³ и советует заготавливать грубых кормов на 30 % больше приведенных норм. Эти трудности в обеспечении «сильными» кормами скота были характерны не только для голодных послереволюционных лет, но и в целом для периода 1920-х гг. Все десять лет местные ветеринары со страниц газеты призывали население кормить животных «сильными» кормами. Так, в этом же 1922 г., агроном А. Шаблов писал об урожае пшеницы, при обработке которой получатся отруби, ценные для кормления животных. Отходы от производства масла – жмых – агроном рекомендовал жителям округа «не тащить...на рынок (базар) и не продавать за бесценок, а использовать его при кормлении коров. Жмых увеличивает удои молока. Кормите коров сильными кормами – жмыхами и отрубями!» - таким восклицанием закончил заметку А. Шаблов⁴. Через 8 лет, в 1930 г., зоотехник Буслаев в своей статье «Внимание корове» указывает на те же причины убыточности молочного скотоводства – неправильное кормление коров: недостаток «сильных» кормов, дача их без учета веса животного и т.п.. Буслаев отмечал, что «обычно стельных коров кормят весьма плохо, считая, что раз она не доится, то ей можно дать и похуже корма, тогда как, наоборот, такую корову следует подкармливать»⁵. О том, что курганцы и жители округа не кормили коров «сильными» кормами, ограничиваясь соломой и сеном, свидетельствует еще одна газетная статья, в которой «от имени всего крупного рогатого скота курганских стад» высказывались жалобы на хозяев, которые «не дают сильных и питательных кормов, кормят по старинке, соломой или в лучшем случае сеном»⁶.

Большинство горожан держали скот для обеспечения собственных нужд, поэтому семье вполне хватало одной коровы. В 1923 г. курганская семья из пяти

¹ Красный Курган. 1922. 12 июля

² Красный Курган. 1922. 12 июля

³ Красный Курган. 1922. 12 июля

⁴ Красный Курган. 1922. 18 авг.

⁵ Красный Курган. 1928. 23 окт.

⁶ Красный Курган. 1927. 29 марта.

человек, проживающая в частном доме, имеющая одну лошадь, две коровы и свинью, считалась зажиточной¹. Но встречались и горожане, которые занимались именно сельским хозяйством. Газета «Красный Курган» периодически рассказывала об образцовых хозяевах, так называемых «крестьянах-культурниках», работающих «по науке». Таким был крестьянин Тимофей Мартынов, живущий на окраине города, на хуторе Черняк. Он профессионально занялся молочным скотоводством с 1925 г. и через год держал уже десять коров. Молоко он сдавал городской больнице и продавал на рынке. По совету специалистов, Мартынов для увеличения удоя молока от коров посеял вику, турнепс и скармливал их в сыром виде. Вот что пишет сам Мартынов о кормлении своих коров: «Придавая огромное значение правильному переходу скота от летнего содержания к зимнему, я кормлю весь крупный рогатый скот турнепсом. Кроме турнепса дойным коровам даю барду и солодовые ростки, которые получаю с пивзавода. Хочу всех дойных коров кормить жмыхами и отрубями, добавляя в рацион брюкву и картофель. Сейчас я занят выявлением результатов по учету кормов, себестоимости одного пуда молока, разницы в расходе при кормлении одним сеном без дачи концентрированных (сильных) кормов»². Однако Тимофей Мартынов был редчайшим примером образцового хозяина, уделяющего много времени и сил хозяйству, стремясь к его улучшению.

В качестве дополнительного корма для своего скота горожане использовали барду. Госвинзавод, молочный завод ЦРК в 1929-1930 гг. помещали объявления в газете об отпуске барды населению³. Продавал барду также пивоваренный завод⁴. Молочный завод ЦРК предлагал услуги по подвозу барды⁵. Кормление бардой было распространено настолько, что в газете появилась заметка ветеринара о болезни, связанной с избыточным кормлением бардой крупного рогатого скота - «бардяном мокреце»; ветеринарный врач Петров рекомендовал населению города не превышать норму в 3-4 ведра барды на одну дойную

---

¹ Красный Курган. 1923. 15 нояб

² Красный Курган. 1926. 30 нояб.

³ Красный Курган. 1928. 25 окт.

⁴ Красный Курган. 1926. 30 нояб.

⁵ Красный Курган. 1930. 10 окт.

корову¹. Подкормка скота бардой была распространена в Кургане весь межвоенный период².

Каждый год горожане должны были готовиться к зимнему кормлению своего скота. Сено можно было купить на базаре или заготовить самостоятельно. Сенокосные угодья, как и пастбища, находились за южной окраиной города, за рекой Тобол. Их распределением занимался Курганский окружной коммунальный отдел. В газете размещались объявления о торгах на продажу сенокосных угодий за Тоболом с указанием того, что, «все частные лица могут получать с торгов сенокосные угодья по окончании распределения лугов между учреждениями, рабочими и служащими»³. Однако трудности зимнего кормления в полной мере ощущались к весне, к концу периода стойлового содержания, когда у многих хозяев заканчивались заготовленные корма. В таком случае привычным выходом из положения была продажа животных или их убой на мясо. Чтобы сохранить скот, агроном И. Синягин со страниц газеты дает следующие советы: «кормить так, чтобы ни один клочок сена не пропал бы даром, и на вторую половину зимы оставлять корм получше. У нас же обыкновенно делается наоборот: с осени стравят лучшие корма, а к весне остаются плохие, вплоть до соломы с крыши. Полезно поить коров и лошадей не из проруби на речке, а водой тепловатой, постоявшей ночь в избе»⁴.

Отдельно можно сказать о кормлении коз и телят. Они были предоставлены сами себе и паслись, где придется. Часто на страницах газеты встречаются заметки с жалобами на пасущихся в черте города без присмотра коз и телят: их можно было встретить в городском садике у Казарменного переулка⁵, в саду у Александровской церкви⁶, на пришкольных участках⁷ или просто на улицах, где они вместо листвы съедали афиши с витрин⁸. В 1922 г. ветеринарный специалист на страницах газеты, отмечая недоразвитость телят, прямо указал на причину – «с

---

¹ Красный Курган. 1926. 28 февр.

² Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

³ Красный Курган. 1925. 11 июля.

⁴ Красный Курган. 1926. 14 янв.

⁵ Красный Курган. 1924. 21 июня.

⁶ Красный Курган. 1927. 13 авг.

⁷ Красный Курган. 1930. 14 нояб.

⁸ Красный Курган. 1927. 20 сент.

весны до осени гуляют без присмотра, кормятся сами»¹. Такое отношение к телятам и козам было распространено не только в тяжелые неурожайные годы, но было, очевидно, характерным взглядом на выращивания молодняка вообще. К примеру, в 1926 г. зоотехник Гептнер отмечал: «молодняк у нас в округе находится в ужасных условиях. Плохо кормленный с рождения, он оброс длинной шерстью...корм должен находить на очень плохом пастбище, а нередко даже просто на улице...Подкармливайте молодняк летом...Не покрывайте рано молодых маток»². Взрослый скот летом питался на выпасе. Телят, как и коз, вероятно, не брали в стадо пастухи, или же сами курганцы не отдавали молодняк пастись, чтобы сэкономить. Искать корм мелкому рогатому скоту и телятам летом приходилось в городе: на улицах, в садах и скверах.

Еще одной ежегодной заботой горожан было получение приплода от своего скота. Материалов о разведении сельскохозяйственных животных на страницах газеты «Красный Курган» гораздо меньше, чем статей, касающихся кормления или лечения скота. Горожане держали коров, адаптированных к местным условиям – «чернух», - так называли их в народе³. О высоких удоях некоторых курганских коров писал в 1927 г. П. Каминский, отмечая необходимость отбора лучших молочных коров и телят для распространения их по району⁴. Десятилетие спустя курганские коровы, которых насчитывалось в городе 3600, давали в сутки около 6,7 литра молока каждая, а у гражданина Федотова, проживающего по улице К. Маркса, 134, корова породы Шотгорн давала ежесуточно 30 литров молока⁵. В середине 1935 г. в Кургане был организован бычий случной пункт, где улучшению качеств курганских коров служили 16 быков породы Шотгорн методами естественного и искусственного осеменения⁶. До появления бычьего случного пункта в городе более десяти лет работал

---

¹ Красный Курган. 1922. 4 нояб.

² Красный Курган. 1926. 20 июля.

³ Красный Курган. 1927. 29 марта.

⁴ Красный Курган. 1927. 17 мая.

⁵ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 212. Л. 19.

⁶ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 155. Л. 25. ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 212. Л. 19.

аналогичный конный пункт, где население уже в середине 1920-х гг. могло ознакомиться с техникой искусственного оплодотворения скота¹.

Основную долю внимания зоотехники уделяли разведению не коров, а лошадей. В 1920-1930 гг. лошадь оставалась главным средством передвижения людей в их повседневной городской и деревенской жизни. Государство с начала 1920-х гг. уделяло внимание проблеме восполнения убыли лошадей. С этой целью курганцам и крестьянам округа, имеющим лошадей, для их оплодотворения предоставлялись породистые жеребцы-производители². Более того, весной 1924 г. газета сообщала, что «матки, покрытые одобренными казенными жеребцами-производителями, на основании распоряжения Совета Труда и Оборона, освобождаются от налогов наравне с производителями»³. Через несколько лет курганские ветеринары стали применять технику искусственного оплодотворения лошадей. Местные жители, очевидно, с недоверием отнеслись к этой процедуре, о чем свидетельствует заметка под названием «В искусственное оплодотворение я верю», в которой речь идет о том, что в 1926 г. ветврач Лучинский сделал впрыскивание лошади крестьянина Чечулина, лошадь оказалась жереба, но после пробежки, у нее случился выкидыш. Чечулин осмотрел плод и решил, что он похож на жеребца-производителя. «Я теперь верю в искусственное оплодотворение и знаю, что оно может быть удачным», - заключает Чечулин⁴. Через год «Красный Курган» сообщает, что жители стали приводить своих кобыл на конный случной пункт при скотолечебнице, где производилось искусственное осеменение лошадей. Поток маток за месяц случной кампании увеличился с 2-3 до 15-25 в день. Причем для курганцев посещение случного пункта было интересно еще и тем, что каждый мог через микроскоп посмотреть на семя жеребца «Забоя» и узнать, из чего оно состоит⁵.

---

¹ Красный Курган. 1927. 16 окт.

² Красный Курган. 1923. 16 янв.

³ Красный Курган. 1924. 3 марта.

⁴ Красный Курган. 1927. 24 февр.

⁵ Красный Курган. 1927. 16 апр.

В середине 1930-х гг. город насчитывал 1500 лошадей, 600 из которых находились в индивидуальном владении¹. В отчете Горсовета подчеркивалось, что «лошади в городе играют пока основную роль по обслуживанию хозяйственных организаций, однако со стороны этих организаций отношение к лошади самое варварское»². Примером такого бесхозяйственного отношения к рабочему скоту служил Комтрест, где «все поголовно лошади заражены чесоткой»³.

Курганские ветеринары много писали о лечении сельскохозяйственного скота, разъясняя через газету, как нужно лечить и чего делать нельзя, критиковали привычные практики содержания и самостоятельного лечения животных, а также говорили о том, какой вред наносят скоту коновалы и знахари.

На протяжении послереволюционного десятилетия в Кургане не раз случались вспышки заболеваний скота. Самой серьезной была эпидемия сапа – смертельной болезни, передающейся человеку, и в 1920–х гг. не поддающейся лечению. Борьба с сапом стала важной государственной задачей. В 1923 г. в Кургане вводится обязательный поголовный ветеринарный осмотр лошадей города и уезда. Осмотр был платным, часть денег шла на компенсацию хозяину лошади в случае обнаружения болезни и ликвидации животного⁴. Не все граждане соглашались показать своих лошадей ветеринарам, чем навлекали на себя критику со страниц «Красного Кургана»⁵. Причиной отказа от ветосмотра могла быть его стоимость – 100 рублей в знаках 1922 г. В Кургане в рассматриваемый период встречалась еще одна серьезная болезнь – повальное воспаление легких у скота или «повалка», в случае угрозы эпидемии, городские ветеринары объявляли карантин⁶. В середине 1930-х гг. курганские ветеринары с целью предупреждения заболевания рогатого скота провели поголовное исследование животных на туберкулез и обработку против личинок овода⁷.

---

¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 212. Л.18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Красный Курган. 1922. 26 дек.

⁵ Красный Курган. 1923. 26 янв.

⁶ Красный Курган. 1927. 14 июля.

⁷ ГАКО. Ф. Р-465. О.1. Д. 212. Л. 19.

Со страниц «Красного Кургана» ветеринары призывали отказаться от самостоятельного лечения скота и помощи коновалов, но эту практику в 1920-е гг. искоренить не удалось. В 1923 г. газета размещает заметку А. Дмитриева из деревни Курганской с советом «всем гражданам бросить домашние способы лечения, а обращаться сразу же к ветпомощи». По словам Дмитриева, он безрезультатно лечил свою лошадь от чесотки домашними средствами. Лошадь вылечили ветеринары Курганской скотолечебницы¹.

В среде городского и сельского населения всегда практиковалось самостоятельное лечение несерьезных болезней скота. Методы народной медицинской помощи животным передавались от родителей к детям, от соседа к соседу. Курганский ветеринарный врач Петров на страницах «Красного Кургана» описывает наиболее опасные способы лечения домашних животных. На протяжении своей ветеринарной практики Петров наблюдал, что хозяева «заливали» лекарства в нос животному, лечили лошадь от «надсады» и потощения перепаренной мочой или растворенными в воде мелко нарубленными куриными кишками. В народе долгое время существовало поверье, что падеж лошадей прекратится, особенно при эпидемии сибирской язвы, если павшую лошадь зарыть под порогом конюшни или под воротами. Опухоли и нарывы у скота могли прокалывать и вставлять туда волосяные и другие заволоки. Кишечные колики у лошадей в народе называли «чемером» или «мышками» и лечили разными способами: кололи, давили или грызли зубами «мышки» (раздувшиеся шейные вены); резали уши и хвост; растирали волосами в носу у лошади до крови; давали разные «клады», в том числе с «белкой» (сулемой). Если у животного заболели глаза, хозяева бросали ему в глаза табак или соль. При высыхании лопатки надували кожу через гусиное перо. При хромоте перевязывали ноги животных². Такое распространенное заболевание как мастит у коров хозяева лечили самостоятельно различными припарками или компрессом, привязывая горячий кирпич к вымени³.

---

¹ Красный Курган. 1923. 16 янв.

² Красный Курган. 1924. 8 апр.

³ Красный Курган. 1924. 16 сент.

В первое советское десятилетие курганцы и крестьяне округа продолжали обращаться за помощью к коновалам и знахарям, несмотря на стремление властей и ветеринарного надзора искоренить знахарство как пережиток ушедшей эпохи. Причем за помощью к коновалам обращались не только жители отдаленных деревень, но и горожане, и жители граничащих с Курганом поселков. Активная пропаганда борьбы со знахарством велась через газету «Красный Курган», где время от времени печатались заметки о вреде, приносимом знахарством с конкретными примерами неправильного лечения скота. Так, в 1923 г. в газете выходит статья с говорящим названием «Коновальство – бич животноводства», где приводятся два примера неумелых действий одного из курганских коновалов: в первом случае от неправильно произведенной коновалом кастрации у горожанина умер боров, в другом имело место нарушение закона – коновал безрезультатно лечил сапную лошадь, которая впоследствии была убита ветнадзором. Корреспондент газеты отмечает, что это – не единичные случаи, коновальство в городе и округе имеет широкое распространение¹. В 1924 г. газета публикует материал под названием «Почему бычки, а не телки?»: «два года в деревне Рябковой...коровы телятся в большинстве случаев бычками...Знахари говорят, что это – «нечистое поветрие», окуривают коров, обрызгивают наговорной водой и, конечно, за хорошую награду». Жители Рябковой на актуальный для них вопрос получают ответ зоотехника, а к действиям знахарей автор статьи высказывает явное недоверие². Остается неизвестным, удовлетворил ли ответ специалиста жителей Рябковой, однако подорвать авторитет знахарей оказалось непросто. В том же году газета рассказывает, как гражданин деревни Смолиной «доверил лечение «худобы» коновалу, заплатил ему 1р. 50 коп., а последний так вылечил ему животинку, что на ямы пришлось отвезти»³.

Заболевания животных в большинстве случаев обусловлены их содержанием. Курганцы и жители округа не соблюдали условий содержания скота, предписываемых ветеринарами. Повседневная жизнь устанавливала свои

---

¹ Красный Курган. 1923. 22 нояб.

² Красный Курган. 1924. 23 марта.

³ Красный Курган. 1924. 31 мая.

нормы содержания домашних животных. В 1927 г. в газете появилась статья, название которой говорит об условиях содержания городского скота - «Требуем сильных кормов, правильной дачи, теплого поила, хороших быков, удобного, теплого и светлого помещения. Заявление коровы», где отмечалось, что «курганские крестьяне – хозяева коров мало обращают внимания на содержание своего скота, держат на морозе, не дают сильных и питательных кормов, а кормят по старинке, соломой или в лучшем случае сеном»¹. О необходимости утеплять скотные дворы курганские ветеринары писали на протяжении всего рассматриваемого периода, отмечая, что большинство хозяев держат свой скот зимой в неутепленных хлевах, а, порой, и просто под навесом. Ветеринары призывали «замазать щели, пригнать поплотнее двери, сделать небольшое окно с рамой (свет в хлеву необходим), покрыть потолще крышу соломой, сделать...вытяжную трубу с закрышкой, чтобы можно было утром проветривать хлев»². Ветеринары предупреждали через газету, что заразные болезни появляются там, где хозяева не следят за свежестью корма и воды, не чистят хлев, кормушки и водопойные корыта, сразу же ставят купленных на базаре животных в хлев между своими, поят лошадей во время поездок из общих корыт, и не заботятся о дезинфекции после больных животных³. Распространению эпидемий способствовали общие кормление и водопой лошадей на постоянных дворах, поэтому ветеринары через газету призывали людей иметь свои ведра для воды и кормить лошадь у своей телеги⁴. Чистота - одна из важнейших составляющих правильного ухода за животными. Но в повседневной жизни зачастую требования чистоты хозяевами не соблюдались, даже когда речь шла о молоке, употребляемом в пищу в сыром виде. В одной из заметок курганский зоотехник призывал хозяев изменить дойку коров, потому что «молоко получается грязное, коровы часто портятся и не раздаиваются...езде должна быть чистота. На скотном дворе перед доением должен быть убран навоз и подстелена свежая солома. Во время самой дойки никаких работ на скотном дворе не должно

---

¹ Красный Курган. 1927. 29 марта.

² Красный Курган. 1926. 30 нояб.

³ Красный Курган. 1924. 19 июня.

⁴ Красный Курган. 1925. 26 нояб.

происходить, чтобы не тревожить животных. Перед дойкой нужно тщательно вымыть руки с мылом, а также вымя у коровы и вытереть насухо чистым полотенцем. Доить следует только в специально для этого предназначенную и чисто вымытую горячей водой посуду. Обходись с коровой ласково...Выдаивать молоко начисто...»¹. Всем эти правилам старался следовать образцовый хозяин Тимофей Мартынов, занимающийся животноводством на окраине Кургана и поставляющий молоко городской больнице². Мартынов построил для коров теплый скотный двор, освещаемый электричеством и оборудованный умывальником. Лучшую корову по кличке Синька он купил в Кургане. У прежних хозяев, по словам Мартынова, «корове жилось плохо. Она была грязна, вечно недокормлена...»³. В хозяйстве Тимофея Мартынова в 1920-е гг. стремление «хозяйствовать по науке» соединялось с традиционными крестьянскими верованиями: к примеру, его мать доила корову с соломинкой во рту, чтобы спасти животное от дурного глаза⁴. Среди курганцев и населения окрестных деревень бытовал еще один обычай – «подкуривание» вымени отелившейся коровы «богородской травой» перед употреблением молока в пищу для его очищения от «погани»⁵.

Животноводство было одной из важнейших составляющих повседневной жизни жителей города Кургана в 1920-е годы. Горожане держали скот для удовлетворения собственных нужд. Уход за скотом (кормление, доение, пастьба и др.) входил в круг ежедневных обязанностей горожан. В годовом цикле жизнедеятельности курганцев заботы о животных также занимали важное место и включали заготовку кормов, заботу о разведении скота, подготовку помещения, лечение и др.

В исследуемый период, несмотря на борьбу советской власти против религии и суеверий, в повседневной практике содержания скота сохранялись традиционные народные верования в «дурной глаз», «очищение от погани» и т.д.

---

¹ Красный Курган. 1926. 29 июня.

² Красный Курган. 1926. 30 нояб.

³ Красный Курган. 1927. 5 марта.

⁴ Красный Курган. 1927. 5 марта.

⁵ Красный Курган. 1924. 29 марта.

На протяжении первого послевоенного десятилетия курганцы, следуя традиционной практике, кормили скот сеном и соломой, не включая в рацион «сильные» корма, сколько бы зоотехники ни призывали их к этому со страниц газеты.

В повседневной жизни предписываемые ветеринарами нормы гигиены в большинстве дворов не соблюдались в силу приверженности людей привычной практике содержания скота.

Традиции кормления, содержания и разведения сельскохозяйственных животных сохранялись в течение многих поколений. Хозяйствовать «по науке» в Кургане решались единицы жителей. Думается, что главной причиной нежелания большинства граждан следовать рекомендациям ветеринарных специалистов было не отсутствие средств, а особое восприятие людьми сельскохозяйственных животных. Домашний скот был частью повседневного мира курганцев, уход за животными входил в круг тех повседневных практик человека, изменить которые в одночасье было не под силу даже государству.

Межвоенные десятилетия стали для жителей Кургана временем серьезных продовольственных затруднений, сопровождавшимся обострениями панических настроений – страха повторения голода начала 1920-х гг. В этих условиях власть и общество ищут пути решения насущных вопросов. Население прибегало к законным и незаконным способам выживания в условиях продовольственного кризиса. Власть так же предлагала варианты решения проблемы, маневрируя между линией политического курса и настроениями общества.

3 ВНЕШНОСТЬ И ОДЕЖДА КУРГАНЦЕВ

3.1 Внешний вид горожан

Во всем многообразии повседневных практик человечества забота о внешнем виде занимает особое место в жизни мужчин и женщин. Одежда и сопутствующие ей предметы гардероба представляют собой нечто большее, чем просто средства защиты человеческого тела. Костюм как совокупность предметов одежды, дополненных аксессуарами, прической и макияжем, стал неотъемлемой частью повседневной жизни людей. По словам историка моды Н.М. Каминской, «именно костюм является выразителем социальной и индивидуальной характеристики человека...Безраздельно сливаясь с физическим обликом человека, костюм формирует его в соответствии с общественным эстетическим и нравственным идеалом»¹. Изменения, происходящие в обществе, в скором времени находят свое выражение и во внешнем облике той или иной социальной группы. Демократизация, эмансипация, феминизм – все эти общественные тенденции, столь ярко проявившие себя в XX в., немедленно отразились и в костюмах их приверженцев.

Революция 1917 г. в России привела к радикальным изменениям во всех сферах общественной жизни страны: политике, экономике, культуре и искусстве. Оправившись от последствий гражданской войны, работники легкой промышленности и первые советские модельеры приступили к воплощению идей социализма в одежде.

В силу понятных причин новаторские идеи первых советских модельеров не могли быть востребованными жителями маленького провинциального городка. Все столичные нововведения в области одежды и причесок приходили в Курган с тем опозданием, которое мода не прощает. В то же время, как подчеркивают историки костюма, в первые советские годы стремление граждан красиво и броско одеваться подвергалось бескомпромиссной критике: считалось, что этот

---

¹ Каминская Н.М. История костюма. М., 1977. С. 3.

человеческий порыв являет собой «приукрашивание действительности и устанавливает приоритет видимости над сущностью»¹. «Для костюма того времени, - пишет Н.М. Каминская, - было характерно полное отсутствие «декоративных излишеств» - галстуков, кружевных отделок, оборок, брошек, колец и т.п. Даже шляпы, сумки, яркий цвет в одежде воспринимались как буржуазные элементы, враждебные духу нового коммунистического быта»². Николай Островский в своем автобиографическом романе «Как закалялась сталь» разворачивает сцены встреч «старого» (буржуазного) и «нового» (советского) образа жизни, зачастую, акцентируя внимание именно на одежде героев³.

Однако насколько реальной была возможность отказаться от старого, «буржуазного» платья в провинциальном Кургане в условиях послевоенной разрухи? Готовы ли были горожане в одночасье изменить устоявшееся представление о женском и мужском костюмах? Обратимся к фотоисточникам. Весьма интересна фотокарточка 1923 г., на которой запечатлена группа горожан в количестве пяти молодых женщин и пятнадцати мужчин разного возраста - служащих Курганского управления государственных предприятий Челябинского губсовнархоза⁴. Две женщины в первом ряду одеты в темные платья длиной до щиколотки с закрытыми рукавами. Одно из платьев застегивалось спереди на шее мелкими пуговицами, ворот другого был несколько шире, и слегка открывал нижнюю часть шеи. Еще одна женщина из первого ряда одета в длинную темную юбку и белую блузку с длинными рукавами и воротником, отогнутым на плечи. Одежду остальных женщин рассмотреть труднее, но ясно видно, что верх их костюмов также составляют белые блузки с длинными рукавами, украшением для которых служит форма горловины. В одном случае – это широкий белый воротник, уходящий через плечи за спину и украшенный спереди темным крупным бантом, в другом – строгий, по современным меркам, треугольный вырез, опускающийся чуть ниже ключицы, который, на общем фоне смотрится

---

¹Шепель О.Н. Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества// Ярославский педагогический вестник – 2011-№ 4 – Том I (Гуманитарные науки). С. 294.

² Каминская Н.М. История костюма. М., 1977. С. 114

³ Островский Н.А. Как закалялась сталь. Свердловск, 1950. С. 190.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

несколько откровенно. Каждая из женщин постаралась так или иначе украсить свой костюм цветами, бантом, кулоном, брошью или кольцом, а также аккуратно убранными назад волосами (слегка завитыми или заплетенными в косу, обернутую вокруг макушки головы). Наличие ювелирных украшений во время массового голода в Курганском округе говорит о материальном благополучии членов этого коллектива. Очевидно, что в 1923 г. в Кургане в среде государственных служащих не были восприняты советские идеологические выпады против «буржуазной» моды, и женщины-служащие, готовясь к съемке, использовали все доступные им средства для того, чтобы выглядеть привлекательно.

В XX в. западная мода шла по пути укорачивания юбок. Не стали исключением и советские журналы мод, формировавшие вкусы заинтересованной публики во второй половине 1920-х гг. «В 1926 и 1927 гг. вошли в моду длинные прозрачные блузы с широкими рукавами, с напуском на бедрах и очень узкие, более чем короткие юбки. Это была будничная, ходовая одежда, - пишет историк моды Р.В. Захаржевская, - рабочая молодежь была одета с аскетической простотой. У девушек коротенькие юбочки из бумажной ткани и белые блузки, полосатые футболки-майки с длинными рукавами и застежками на блоках... В майках ходили на работу, в школу, в институт, на прогулки... Рядом с модной короткой юбкой могла существовать и длинная, до лодыжки, юбка пожилой женщины или женщины средних лет»¹. Естественно, что и в Кургане непривычно короткие юбки вызывали интерес, главным образом, у молодых девушек. В 1925-1927 гг., как свидетельствуют фотоисточники, курганские девушки-подростки носили юбки до колен и ниже². Женщины в возрасте предпочитали привычную длину юбок до щиколотки³. То же самое можно сказать и о прическах: многие

¹ Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. М., 2006. С. 214-215.

² Фото «Ученики и учителя одной из школ г. Кургана». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015); Фото «Ученики 4-й группы в 1925-26 годах обучения». // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015).

³ Фото «Работники машзавода». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015); Фото «Мороз Онуфрий Васильевич и Евгения Максимовна». 1920-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015); Фото «Художник-иконописец Александр Павлович Решетников с супругой» 1920-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015).

молодые горожанки уже в середине 1920-х гг., вслед за модой, решаются на короткую стрижку, другие заплетают косы, но дамы постарше предпочитают убирать волосы назад, а женщины преклонного возраста гладко счесывают волосы в тугий пучок на затылке.

В это время становятся популярными крупные треугольные воротники, опускающиеся широкими клиньями на плечи женских платьев. Воротники могли быть в тон платью или, напротив, резко контрастировать с ним¹. В конце 1920-х гг. некоторые курганские девушки, вслед за модными тенденциями, пополняют свой гардероб плиссированными юбками, увидеть которые они могли на киноактрисах того времени². Как свидетельствуют фотокарточки, к началу 1930 гг. в гардеробе девушек-подростков и молодых женщин прочно закрепились юбки длиной до колена, а курганские женщины средних лет уже могли позволить себе открыть значительную часть голени³.

Весьма интересна женская модельная обувь 1920-1930-х гг. Горожанки носили изящные кожаные туфли-«лодочки» на невысоком каблуке и с тонким ремешком вокруг голеностопного сустава⁴. Можно предположить, что такие туфли считались «выходными», поскольку состояние дорог в городе Кургане не позволяло женщинам носить модельные туфли ежедневно в любую погоду. Кроме того, в гардеробе курганских женщин были кожаные ботинки со шнуровкой на невысоком каблуке⁵.

¹ Фото «Ученики и учителя одной из школ г. Кургана». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015); Фото «Ученики школы 2-й ступени. Курган». 1925-1926 гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015); Фото «Ученики 4-й группы в 1925-26 годах обучения». // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015).

² ГАКО. Ф. Р-2486. Оп.1 Д. 1464. Л. 1; Фото «Неизвестные. Курган». 1929 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Сотрудники мясокомбината». 1931 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).

³ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1; Фото «Неизвестные. Курган». 1929 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Сотрудники мясокомбината». 1931 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).

⁴ Фото «Неизвестные. Курган». 1929 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Сотрудники мясокомбината». 1931 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Мужчина и женщина у зеркала». 1930-е гг. // Личный фонд А. Д. Кузьмина; Фото «Три девушки». 1930-е гг. // Личный фонд А. Д. Кузьмина; Фото «Выпускники медицинского училища. Курган». 1934 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).

⁵ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1; Фото «Неизвестные. Курган». 1929 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Сотрудники мясокомбината». 1931 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015); Фото «Конец семилетки. Курган». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).

К концу 1930-х гг. провинциальный костюм во многом утрачивает дореволюционные черты. Обновляется ассортимент тканей, цветов и фактур текстиля. Появляются мужские и женские вязаные трикотажные кофты¹. Еще раз подчеркнем, что цветовая гамма тканей для женской одежды становится весьма разнообразной: крупная и мелкая клетка, горошек, горизонтальные полосы, цветочные мотивы и абстрактный орнамент – такова палитра цветов женского провинциального костюма накануне Великой Отечественной войны. В гардеробе курганских девушек появляются светлые прилегающего силуэта платья с английским воротником и поясом, украшенные четырьмя пуговицами на груди².

Одежда мужской половины горожан, по свидетельству фотоисточников, отличалась меньшим разнообразием и не претерпела в 1920-1930-е гг. таких серьезных изменений, как дамский костюм. В первые послереволюционные годы в нашей стране символом новой эпохи стала кожанка, превратившись из спецодежды шоферов в куртку красных командиров. Р.В. Захаржевская называет кожанку «почти легендарной» частью костюма этого периода, отсылая читателей к не менее легендарным полотнам Дейнеки и Петрова-Водкина³. Однако на курганских фотокарточках 1920-х гг, доступных для исследователей, встречаются всего два человека в кожаных куртках. Один из них запечатлен в группе борцов за освобождение Забайкалья в 1921 г.⁴, другой был членом бюро Курганского окружкома ВКП(б) в 1924 г.⁵. В то же время в повседневную жизнь мужчин по всей стране входит гимнастерка – удлиненная подпоясанная рубашка с накладными карманами или без них. Провинциальный Курган не стал исключением: здесь на протяжении рассматриваемых десятилетий гимнастерка была частью повседневного костюма мужчин из числа бывших красноармейцев, сотрудников исполкома и партийных работников. Чрезвычайно распространенной

¹ Фото «Городецкие Елена и Леонид». 1938 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015); Фото «Гайтанова А.В. и Городецкая Е.Н.». 1930-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015); Фото «Утковы, Уфимцевы». 1938 г. // Личный фонд Ф. И. Захаровой.

² Фото «Ученики школы № 14 г. Кургана». 1940 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова; Фото «Студенты Курганского педагогического училища». 1937–1940 гг. // Личный фонд К. Ю. Кладовой.

³ Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. М., 2006. С. 207.

⁴ Фото «Группа борцов за освобождение Забайкалья». 1921 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

⁵ ГАСПИКО. Ф. 6915. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.

в Кургане оставалась косоворотка, вышедшая из массового обихода только в конце 1930-х гг. Значительно реже на фотокарточках встречаются мужчины в двубортных пиджаках с английским воротником, надетых поверх белых рубашек современного вида, украшенных галстуком. В Кургане так одевались представители интеллигенции: служащие¹, преподаватели², а в конце 1930-х гг. еще и учащая молодежь³. Классикой мужского гардероба стали темные прямые брюки. Курганцы могли носить их поверх ботинок или заправлять внутрь высоких хромовых сапог. Для изготовления этих блестящих выходных сапог использовали тонкую овечью кожу. По свидетельству устных источников, изготовлением такой обуви в городе занимались сапожники. Для повседневных хозяйственных работ курганцы заказывали яловые сапоги (из коровьей кожи)⁴. Кроме хромовых и яловых сапог летом и осенью мужчины носили кожаные ботинки на шнуровке, а также сандалии. Всесезонной обувью мужчин и женщин в провинции оставались калоши. Зимой представители обоих полов носили теплые и удобные валенки.

Фотодокументы содержат весьма интересную информацию о детской и подростковой одежде этого периода. В первую очередь, обращает на себя внимание резкий контраст в одежде юных курганцев: встречаются фотокарточки детей, одетых «с иголочки» и также присутствуют снимки ребят, одежда которых довольно проста. В подобных вопросах главную роль играет семейный достаток, а потому, очевидно, что многие горожане своих детей одевали скромно, перешивая из старого и передавая одежду от ребенка к ребенку. Те же курганцы, которые пользовались услугами фотоателье, к съемке готовились заранее, имея при этом возможность надеть лучшие костюмы. Так, на фотокарточке 1928 г. двухлетняя девочка предстает перед зрителями аккуратно подстриженной, с белым бантом на макушке, в коротком белом платье с ажурными оборками и кружевными рукавами. На ногах девочки темные ботинки на шнуровке и, предположительно,

¹ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

² Фото «Выпускники и преподаватели зоотехникума. Курган». 1937 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

³ Фото «Студенты Курганского педагогического училища». 1937–1940 гг. // Личный фонд К. Ю. Кладовой; Фото «Ученики 8 класса школы № 14 г. Кургана». 1939 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова.

⁴ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

белые гольфы¹. В то же время необходимо помнить, что этот салонный снимок ребенка, как и многие ему подобные, по замечанию И.В. Нарского, «отражает не реальность, а некие ожидания и надежды, фиксирует желательный, идеальный порядок вещей, запечатлевает счастливый момент жизни»².

Еще один фотодокумент содержит информацию о курортных нарядах курганской семьи Колтанюк, глава которой работал бухгалтером на железнодорожной станции. В 1936 г. он с женой и дочерью сфотографировался в городе Ессентуки. В день съемки мужчина был одет в классический темный костюм в сочетании со светлыми рубашкой и туфлями. Главу семьи украшал светлый галстук в горизонтальную полоску. Его супруга запечатлена на фотокарточке в длинном светлом платье с английским воротником и манжетами, туфлях на каблуке (с ремешком). Их дочь – девочка лет шести – одета очень хорошо. На ней красивое темное платье с длинными рукавами и крупным белым воротником, лежащим по обе стороны плеч. Обувью ребенку служили сандалии с ремешком, одетые поверх белых носок. Волосы девочки были коротко подстрижены, и часть их забрана на макушке под бант, дополнительным украшением юного лица служила густая аккуратная челка³.

Описанные выше портретные снимки, безусловно, можно назвать парадными: одиночные и сделанные профессиональными фотографами – такие фотокарточки оставляли или дарили «на память», заранее готовясь к съемке. С другой стороны, нам доступен весьма интересный снимок 1926 года, на котором запечатлена сцена из будней курганского детского сада. Перед зрителями предстают тринадцать детей в возрасте шести-семи лет и воспитатель – молодая девушка с грустным взглядом. Кадр сделан летом, на площадке, окруженной деревьями, цветами и кустарниками, очевидно, у стен детского сада. Ребята, расположившиеся за двумя деревянными столами, в кадр не смотрят. Многие из них рисуют, мастерят поделки, строгают поленья, другие внимательно следят за своими товарищами, занятыми делом. Все дети выглядят серьезными и

¹ Фото «Девочка». 1928 г. // Зауральская генеалогия.: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

² Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (авто-историко-графический роман). Челябинск, 2008. 516 с. С. 35

³ ГАСПИКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 3405. Л. 33 а.

озадаченными. Мальчики одеты в простые светло-серые рубашки с закатанными до локтя рукавами и шорты. Девочки - в платьях разного фасона длиной до колен. Некоторые ребята сфотографированы босиком. Многие девочки очень коротко подстрижены, одна из них побрита наголо¹.

Отдельно следует сказать об одежде школьников. Сохранилось немало групповых фотокарточек курганских учеников и педагогов, сделанные в разные годы межвоенных десятилетий XX в. На снимке 1924 г. запечатлена группа девушек - учениц школы второй ступени. Школьницы одеты в длинные темные платья с небольшими белыми воротниками, поверх которых, вероятно, надеты черные фартуки, закрывающие плечи просторной драпировкой. Учительница одета в простое свободного кроя светлое платье с отложным воротником².

Еще один снимок хранит лица учеников четвертой группы 1925-1926 учебного года. Ребятам на фотокарточке около двенадцати лет. На мальчиках длинные подпоясанные рубашки и косоворотки. Девочки одеты в строгие темные платья. Одна из них предстает в темном фартуке с пышной драпировкой на плечах, и две девочки - в фартуках другого вида с узкими (до плеч) бретелями³. На другом школьном снимке этого года нет ни одной ученицы в фартуке⁴.

Фотокарточка 1927 г. представляет нам выпускников и учителей «семилетки». Большинство юношей фотографировались в повседневном костюме: классической рубашке или косоворотке, но некоторые из них постарались украсить свой костюм вертикальным галстуком и даже галстуком-«бабочкой». Ученицы одеты по-разному. Большинство из них – в платьях разного фасона, некоторые - в наглухо закрытых платьях с белым отложным воротником, и две девушки сфотографированы в темных фартуках дореволюционного образца с просторной драпировкой в зоне плеч⁵.

---

¹ Фото «В детском саду». Курган. 1926 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

² Фото «Ученицы». 1924 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

³ Фото «Ученики 4-й группы в 1925-26 годах обучения». // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015).

⁴ Фото «Ученики школы 2-й ступени. Курган». 1925-1926 гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015).

⁵ Фото «Конец семилетки. Курган». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).

Десятилетие спустя курганские школьницы имели возможность носить платья разных цветов и фасонов, а также трикотажные кофты, в то время как среди юношей получили широкое распространение темные костюмы современного вида. Одежду курганских школьников конца 1930-х гг. можно увидеть на снимке 1939 г., хранящемся в личном архиве В.Е. Кунгурова¹. На снимке девятнадцать учеников восьмого класса школы № 14 города Кургана. Мальчики одеты в темные костюмы, трое из них носили их в сочетании с современными сорочками и пионерскими галстуками, и один юноша сфотографирован в пиджаке поверх светлой косоворотки. Обувью им служат темные кожаные ботинки на шнуровке. Волосы мальчиков коротко подстрижены, но прическа одного из них выделяется длинной зачесанной вправо кудрявой прядью надо лбом. Одежда девочек отличается формой, цветом, отделкой, но в целом они одеты довольно скромно. На многих из них темные теплые кофты с английскими воротниками, рубашки, сшитые по типу мужских. Несколько девочек одеты наряднее, верх их костюмов украшен небольшими бантиками или просто оригинальной отделкой. Волосы всех пятнадцати девочек разделены косым или прямым проборами. Многие школьницы имели короткую стрижку, другие заплетали косы. Три школьницы украсили свои лица редкими и короткими челками.

Учеников девятого класса и учителей курганской школы № 14 мы видим на фотоснимке 1940 г., принадлежащем В.Е. Кунгурову². Почти все мужчины (учителя и ученики) одеты в темные костюмы, пиджаки которых имеют английский воротник, и лишь один из преподавателей одет в темный пиджак с отложным воротником и блестящими пуговицами, заканчивающимися у самой шеи. Пиджаки мужчин надеты поверх рубашек с отложным воротником, украшением становятся галстуки разных цветов. Один из преподавателей предстает перед зрителем в костюме в сочетании с темной косовороткой. Мужские прически весьма разнообразны. Некоторые учителя подстрижены наголо, другие постарались убрать свои пышные волосы назад, третьи плотно

¹ Фото «Ученики 8 класса школы № 14 г. Кургана». 1939 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова.

² Фото «Ученики школы № 14 г. Кургана». 1940 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова.

счесывали волосы набок на косой пробор. Девушки одеты по-разному. Три ученицы поверх светлых кофт надели темные пиджаки с английскими воротниками. Три девушки в центре снимка одеты в платья с декоративной отделкой: у одной из учениц платье украшено крупными темными пуговицами, накладными карманами на груди и воротничком, платье другой девушки темного цвета с мелкими светлыми вкраплениями на ткани, аккуратным вырезом под горлом и светлой вертикальной отделкой на груди. Платье еще одной ученицы украшено на груди двумя вертикальными рюшами из сукна. Его рукава, достигающие до локтя, у плеч слегка присборены и приподняты. Остальные девушки одеты в однотонные платья с отложными воротниками. Волосы большинства учениц разделены прямыми проборами и заплетены в косы, обвитые вокруг головы или убранные назад. Одна из девушек подстрижена коротко.

Говоря о костюмах мужчин и женщин города Кургана, нельзя обойти вниманием верхнюю одежду, которая в силу суровости зауральского климата была и остается необходимой каждому местному жителю. Сохранилось несколько фотокарточек горожан в зимней одежде, сделанных в 1920-е годы. Это коллективные снимки рабочих и служащих разных организаций города Кургана, а также членов окрисполкома.

В один из зимних дней 1921 г. служащие и посетители курганской заготовительной конторы сфотографировались во дворе дома бывшего Союза Сибирских маслодельных артелей¹. Этот снимок хранит облик около ста человек (преимущественно мужчин), тем самым предоставляя нам богатый материал для исследования верхней одежды курганцев. Многие мужчины носили двубортные пальто с меховыми отложными воротниками или «английскими» воротниками без меха. Единицы из числа служащих и посетителей заготконторы одеты в шинели, фуфайки или меховые тулупы. Значительным разнообразием отличаются головные уборы мужчин: меховые ушанки, папахи, шапки с бархатным треугольным верхом и меховой каймой – каждая из них служила не только

---

¹ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 1406. Л. 1.

средством защиты от холода, но показателем социального положения человека. На ногах мужчины носили валенки с калошами и высокие хромовые сапоги.

Еще одна фотокарточка содержит сведения о зимней одежде и обуви членов Курганского окрисполкома в 1924 г¹. На снимке - большое количество мужчин и женщин молодого и среднего возраста, одетых заметно беднее служащих заготовительной конторы. Фотокарточка подтверждает, что самой распространенной зимней верхней одеждой (как мужской, так и женской) было двубортное пальто с отложным воротником, к которому мог быть пришит мех. Кроме того, в этот период в обиходе городских обывателей оставались фуфайки, тулупы и шинели. Пальто двух женщин на снимке украшают довольно длинные меховые (т.н. шалевые) воротники. Зимним головным убором для большинства курганских женщин служила шаль, но некоторые дамы могли надеть и меховую шапку. Мужчины носили шапки-ушанки, папахи и, как ни странно, легкие кепки. Обувью служили валенки. Двубортное пальто на протяжении всего описываемого периода оставалось верхней одеждой большей части жителей города Кургана. Фотодокументы демонстрируют нам элегантные женские пальто в сочетании с изящными шляпками и беретами, взятыми на вооружение молодыми курганскими модницами во второй половине 1930-х гг².

Таким образом, привлечение обширного массива фотоисточников из фондов государственных архивов и частных коллекций позволяет исследователю не только увидеть на снимках жителей города Кургана 1920-1930-х гг., но и выявить специфику гардероба зауральской провинции в целом, а также особенности одежды представителей молодого и старшего поколений горожан. На протяжении первого советского десятилетия одежда жителей города Кургана сохраняла дореволюционные черты. Женщины среднего и пожилого возраста оставались верны традиционным юбкам до щиколотки и наглухо застегнутым рубашкам. В то же время юные горожанки, вслед за столичной модой, уже в середине 1920-х гг. решаются на короткие стрижки и юбки до колен. Курганские фотодокументы межвоенных десятилетий демонстрируют людей разного

¹ ГАКО. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

² Фото «Подруги». 1939 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).

достатка. Очевидно, что семейный бюджет горожан не был одинаковым, что отразилось и в одежде курганцев. Многие жители провинциального города, особенно в 1920-е гг., одеты чрезвычайно скромно. Однако встречаются и фотокарточки хорошо одетых мужчин, женщин и детей.

Во второй половине 1930-х гг. в гардеробе жителей глубокой провинции происходят существенные изменения: появляются трикотажные ткани, расширяется ассортимент цветов и фактур текстиля. В это время мужчины (включая школьников) все чаще предпочитают однобортные костюмы с английским воротником традиционным косовороткам. В начале 1940-х годов косоворотка уходит из массового обихода жителей города Кургана.

Мужской выходной обувью долгое время служили высокие хромовые сапоги. В быту использовали яловые сапоги из коровьей кожи, а также ботинки. В непогоду мужчины и женщины надевали калоши, летом – сандалии. На «выход» дамы имели туфли-«лодочки» на невысоком каблучке. Традиционной зимней обувью в провинции на в 1920-1930-х гг. оставались валенки.

Верхняя одежда курганцев на протяжении рассматриваемого периода претерпела наименьшие изменения. Двубортное пальто с отложным или английским воротником (с мехом или без него) оставалось классическим предметом гардероба большинства женщин и мужчин.

3.2 Обеспеченность курганцев товарами легкой промышленности

Дефицит товаров народного потребления был яркой приметой советской повседневности. В памяти старшего поколения россиян еще живы образы очередей, талонного распределения, полупустых прилавков и неравномерного снабжения. С переходом к рыночной экономике, появлением широчайшего ассортимента товаров и услуг проблема дефицита осталась в прошлом, оказавшись предметом исторического исследования. Обращение к теме обеспеченности населения товарами народного потребления позволяет охарактеризовать одну из важнейших сторон повседневной жизни людей.

В ходе развития народного хозяйства СССР на основе плановой экономики преимущество, как известно, отводилось отраслям тяжелой и оборонной промышленности. Задача обеспечения советских граждан товарами народного потребления отходила на второй план, и население, обескровленное войнами первой половины века, готово было ждать, активно участвуя в созидании «светлого будущего». Сами руководители молодого советского государства, встав на путь социалистического строительства, должны были трезво оценить положение, в котором оказалась страна в начале 1920-х гг. В масштабном государственном плане ГОЭЛРО был дан анализ перспектив промышленного развития страны. Отмечалось, в частности, что «положение хлопчатобумажной промышленности в ближайшие годы будет чрезвычайно трудным в виду недостатка в сырье...Шерстяная промышленность для более или менее нормального удовлетворения потребностей населения должна бы быть увеличена в 3-4 раза»¹.

Необходимость обеспечения населения важнейшими продуктами в условиях военного времени требовала от новой власти незамедлительных, чрезвычайных мер. Государство решилось взять под контроль производство и распределение товаров первой необходимости. «Военный коммунизм» стал временем, когда «рынок был объявлен официально не существующим, а торговля

¹ План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII Съезда Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. М., 1920. С. 178.

– злейшим преступлением»¹. В рамках новой экономической политики допускалось существование мелкого частного предпринимательства, в то же время индивидуальное производство и, особенно, торговля были лишены государственной поддержки и рассматривались как временное явление. Оживление торговли, охватившее страну в 1920-х гг., было отмечено и в Кургане, где за период с 25 июля по 24 декабря 1921 г. было выдано более шестисот разрешений на торговую деятельность на дому или на городском базаре².

Отмечая вклад частного предпринимательства в развитие производства и торговли периода НЭПа, Е. Осокина подчеркивает, что «особенно велика была роль частника в национальных районах и провинции. Сферой действия частного капитала в значительной мере являлась и кустарная промышленность, которая... производила треть валовой продукции промышленности»³. В 1924 г. в городе Кургане – окружном центре с населением более 20 тысяч человек - в сфере кустарного производства швейных, обувных и подобных изделий работали 34 портных, 14 сапожников, 9 пимокатов, 8 шапочников, 3 овчинника, 2 гребенщика, 2 вязальщика чулок и 2 красильщика, в то время как общее число кустарей в городе составляло 295 человек⁴. В 1926 г. город Курган насчитывал 26812 жителей⁵.

Составители сборника «Краткий обзор Курганского округа», опубликованного в 1925 г., приводят процентное соотношение ввоза товаров в Курганский округ, сравнивая начало 1920-х гг. с довоенным 1913 г. В период 1923-1924 хозяйственного года ввоз промышленных товаров в Курганский округ составил 21,9 % от уровня 1913 г. В первой половине 1924-1925 хозяйственного года ввоз увеличился до 29,7 % от довоенного уровня. Причем главными продуктами ввоза в начале 1920-х гг., как и десятилетие ранее, оставались

---

¹ Аборвалова А.Н. Торговля в Советской России в период становления социалистической экономики (1917-1924 годы)// Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12 Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 1. С. 46-48. С. 45

² ГАКО. Ф. Р-635. Оп. 5. Д. 9. Л. 1–36, об.

³ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999. С. 38-39.

⁴ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 303-304.

⁵ Красный Курган, 1926, 1 апр.

мануфактурные товары¹. Текстиль, обувные и кожевенные товары пользовались большим спросом у населения округа. Среди проданных потребкооперации товаров за период с 1 января по 1 октября 1924 г. как в городе, так и в сельской местности первое место занимает именно мануфактура (от 33,2% до 38,8% от общего объема продаж), на третьем месте, уступая бакалее, находятся кожевенные и обувные товары (от 9,2 % до 11,8%)².

В самом начале проведения в жизнь новой экономической политики частная торговля подверглась резкому осуждению со страниц окружной газеты «Красный Курган». Летом 1921 года здесь был опубликован рифмованный текст о буднях городских торговцев³. Автор с осуждением описывает все, что происходит на «толкучке»: продажу разнообразных товаров по высоким ценам, самих «спекулянтов» («больных и лентяев отпускных») и лиц, их укрывающих («милиционер - ныне стал миллионер»). Весь этот «гниющий стан», по мнению автора, следует подвергнуть самому суровому наказанию. Очевидно, что «толкучка», описываемая автором, была востребованной, а потому многолюдной («на толкучке суета, как в котле народ кипит...»). Ассортимент продаваемых здесь товаров включал и предметы широкого потребления

(«мыло, тряпки, сапоги...

Полушалки и чулки,

Нитки, пуговики, кресты...

Кольцы, ленты и духи,

Лисьи шкурки и мехи,

Ряд ботинок и щтиблет,

И чего, чего тут нет!..»⁴)

Автор, неодобрительно отзываясь о торговцах, дает их краткое описание. На городском базаре можно было встретить чеботарей, портных - «отпускных по болезни» и «спекулирующих» инвалидов, а также торговый ряд татар. Только ли

¹ Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 413.

² Там же. С. 311.

³ Красный Курган. 1921. 12 июня.

⁴ Там же.

корысть побуждала граждан торговать, несмотря на инвалидность и болезнь? Нелегальная или «полулегальная» торговля сохранялась на протяжении всего периода существования советского государства и была распространена как в столице, так и в провинции. По словам Н.Н. Макаровой, исследовавшей систему снабжения населения Магнитогорска в первой половине 1930-х гг., «нелегальная торговая деятельность горожан позволяла выживать многим в сложнейшей ситуации дефицита товаров первой необходимости»¹. На примере города Кургана можно проследить, какие формы принимала незаконная торговля в 1920-1930-е гг. Кроме описанных фактов продажи портными и чеботарями товаров собственного производства на базаре по ценам выше государственных во время больничных, существовала практика перепродажи одежды, приобретенной в магазинах. При этом человек, перепродавая полученную вещь, мог вовсе не преследовать цель наживы. Зачастую товары, полученные по талону, оказывались совершенно не подходящими для покупателя (не соответствовали размеру, возрасту и даже полу). В то же время имели место случаи намеренной перепродажи товаров по ценам, выше государственных. Так, по сведениям ОГПУ, в 1936 г. инструктор «Челябпромторга» взял в магазине № 3 «мануфактуры неизвестно какое количество... уехал в деревню Башкирское Половинского района и там продавал мануфактуры разным лицам по повышенной стоимости»². К примеру, плательный жаккард черного цвета он продавал по 6 рублей, а в магазине эта ткань стоила 2 рубля 75 копеек³.

Следует упомянуть и о складывании по всей стране закрытой системы снабжения отдельных категорий граждан, находящихся в привилегированном положении при существующей системе дефицита. Однако и рядовые горожане искали пути получения необходимых товаров. Уже в 1930-е годы большое значение приобретают «связи» в торговой среде. Однако в это время даже знакомство с заведующими магазинов не гарантировало получение дефицитных товаров. В сводках ОГПУ по городу Кургану приводятся факты нарушения

¹ Макарова Н. Н. Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935)// Вестник Пермского университета. История. 2010. № 1 (12). С. 97.

² ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 54. Д. 61. Л. 21.

³ Там же.

сотрудниками городских магазинов правил торговли. В октябре 1934 г. в Курганское отделение Промторга поступило 12 пар дамских сапог, которые «по запискам» управляющего отделения и старшего товароведа «были проданы из магазина № 1 тайком из-под прилавка своим знакомым и сотрудникам отделения»¹. Примечательно, что на 12 пар сапог было выдано 44 записки².

Исследователь ленинградской повседневности Н.Б. Лебина выделяет в качестве характерной черты внешнего вида жителей северной столицы в первой половине 1920-х гг. ношение перешитой одежды³. Донашивание старых, дореволюционных предметов гардероба было весьма распространенным явлением в провинции. При этом жители небольших городов, зачастую не готовые в одночасье изменить привычный внешний облик, носили дореволюционный костюм в неизменном виде.

В 1920-1930-е гг. советские граждане ощущали дефицит готовых швейных и обувных изделий. Недостаточный выпуск готового платья способствовал сохранению и развитию по всей стране швейных ателье и разнообразных ремонтных мастерских. В этот период в Кургане так же не было в продаже достаточного количества готовой одежды: платья, костюмы, пальто, - все это горожане заказывали в ателье, у частных портных или шили самостоятельно. В магазинах и на рынке продавали, прежде всего, ткани: ситец, сатин, бумазею, сукно и бельевое полотно, а также обувь⁴. Кроме того, на рынке, служившем местом бойкой торговли для жителей курганского округа, можно было приобрести отдельные предметы поношенной одежды. В Кургане существовал и комиссионный магазин по продаже готового платья, обуви и домашних вещей⁵. Цены на ткани в Кургане постепенно снижались. Ко второй половине 1920-х в зависимости от качества материала стоимость сукна составляла 3-12 руб./метр, ситца – 32-43 коп./метр, бельевого полотна - 30 коп. – 1 руб. 20 коп./ метр⁶.

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 54. Д. 2. Л. 263.

² Там же.

³ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 132.

⁴ Красный Курган, 1924, 18 окт.

⁵ Красный Курган, 1931, 23 янв.

⁶ Красный Курган, 1924, 22 мая; 1926, 4 сент.; 1927, 3 марта.

В 1920-х гг. газета «Красный Курган» периодически сообщала о продаже «кожаной мужской, женской и детской обуви Московских и Кунгурских фабрик, резиновых и суконных галош», анонсировала в 1923 году поступление в магазин отделения Челябинского губторга верхней одежды: овчинных полушубков, черных и желтых борчаток (шуб), а также валенной обуви¹. В этом же году в «Красном Кургане» появилось объявление о продаже со скидкой 25% мужских, дамских и детских фуфаяк, головных платков, чулок, носок, перчаток и других товаров². Впрочем, этим и ограничивался ассортимент продаваемой в Кургане готовой одежды. Более того, в середине 1920-х гг. город испытывал «голод промтоваров», одна из главных причин которого заключается, по свидетельству корреспондента местной газеты, в отсутствии «у государственных и кооперативных торговых организаций достаточного количества нужных крестьянству товаров»³. Весной 1926 г. отмечалась острая нехватка сукна, кожевенных товаров и резиновой обуви⁴. «Товарный голод», охвативший всю страну во второй половине 1920-х гг., стал ответом на стремление властей вытеснить частный сектор из экономики и заменить рыночные механизмы государственным планированием, что привело к особенно ощутимым последствиям на фоне развертывания масштабного индустриального строительства.

Как отмечают исследователи, в конце 1920-х гг. в СССР предприятия легкой промышленности производили «на человека в год всего лишь 12 м хлопчатобумажных тканей...80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (полботинка на человека), один носок или чулок»; а кооперативная торговля фактически превратилась в «канал государственного снабжения»⁵.

Тема дефицита товаров периодически освещалась в газете «Красный Курган». В 1928 г. местные снабженцы отмечали, что «большим тормозом в торговой работе Рабкопа является перебой в товароснабжении по тем группам

---

¹ Красный Курган, 1923, 2 окт.

² Красный Курган, 1923, 13 нояб.

³ Красный Курган, 1925. 22 авг.

⁴ Красный Курган, 1926, 24 апр.

⁵ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999. С 39-40.

товаров, которые относятся к категории дефицитных...В четвертом квартале текущего хозяйственного года в течение месяца Рабкоп совершенно не получал мануфактуры. И только в первых числах августа поступила партия (полвагона) хлопчатобумажных тканей. В августе же ожидается поступление еще полвагона хлопчатки и полвагона занаряжено на сентябрь. В течение четвертого квартала будет получено через «Уралоблсоюз» полтора вагона хлопчатобумажной мануфактуры. Грубошерстных, камвольных и тонкосуконных тканей на август Уралоблсоюзом для Курганского Рабкопа отпускается на сумму 8000 рублей...Лучше обстоит дело с готовым платьем, которого сейчас получено на 15000 рублей. Сейчас имеется ходовых сортов готового платья, как то: пальто, костюмы, белье на 7-8 тысяч рублей»¹. Тем не менее, подчеркивает специалист, «занаряженного на 4 квартал количества мануфактуры...недостаточно для удовлетворения полностью потребительского спроса, но на большее сейчас рассчитывать трудно»².

В 1930-е гг. на Южном Урале идет рост темпов производства изделий легкой промышленности. Накануне Великой Отечественной войны в Челябинской области было выпущено товаров народного потребления на 37,4 млн. рублей (в 6,1 раз больше, чем в 1927 г.). В то же время легкая промышленность Южного Урала не получила развития, необходимого для удовлетворения потребностей населения³. В городе Кургане, периодически входившим в годы индустриализации в состав Челябинской области, в 1930-е годы не было предприятий швейной промышленности.

Проблему снабжения населения в годы острейшего дефицита продовольственных и промышленных товаров государственная власть решала чрезвычайными мерами на протяжении всего существования Советского Союза. Так кризис конца 1920-х гг. привел к введению в 1929 г. нормированной системы распределения хлеба, а затем и промышленных товаров. По оценкам историков,

---

¹ Красный Курган 1928. 23 авг.

² Красный Курган 1928. 23 авг.

³ Полкунова С. Ю. Математическое моделирование в историческом исследовании: рост объема производства легкой и пищевой промышленности Южного Урала в 1920–1930 годы// Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 37.

по всей стране «положение с одеждой, обувью, тканями и другими непродовольственными товарами...оставалось тяжелым...Даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви — в лучшем случае на треть, в нитках — на 10—20%»¹.

В Кургане в начале 1930-х гг. ситуация в сфере распределения готового платья также была напряженной. В июле 1930 г. в газете «Красный Курган» появилась заметка под названием «Рабочий не получает готового платья», в которой указывалось, что товары в магазинах ЦРК и Москвошвейпрома распределяются в большинстве случаев только среди служащих, а возле мест торговли существуют постоянные очереди². Приобретение необходимых товаров для миллионов советских граждан становится острейшей повседневной проблемой. Нельзя не согласиться с Ш. Фицпатрик в том, что «вещи имели в 30-е годы в Советском Союзе огромное значение, хотя бы потому, что их было так трудно достать»³.

В 1931-1932 гг. в газете «Красный Курган» периодически появляются объявления Рабкопа о приеме авансов под готовую одежду. Оговаривалось, что граждане, «внесшие авансы, будут получать [одежду – К.К.] в первую очередь», причем среди них преимущество будут иметь рабочие цензовой промышленности⁴.

В это время практиковалась нормированная система распределения готовой одежды. Талоны были действительны в течение определенного времени, о чем в 1930 г. регулярно сообщалось на страницах местной газеты⁵. Несовершенства системы нормированного распределения промтоваров стало темой любопытного фельетона, опубликованного 24 сентября 1930 г. в газете «Красный Курган». Описан, очевидно, типичный случай, произошедший с рабочим после получения

---

¹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999. С. 77-78

² Красный Курган, 1930, 22 июля.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 52.

⁴ Красный Курган, 1930, 14 авг.

⁵ Красный Курган, 1930, 15 авг.

талона от Рабкопа. Автор упоминает о протекции фабзавкома, намекая на трудности, с которыми сталкивались рабочие при получении талонов. Ударник завода в выходной день отправился в нижний магазин Рабкопа отоваривать свой талон на рейтузы, не имея ни малейшего понятия о том, что они собой представляют. В магазине было многолюдно: «народу – пушкой не прошибешь, - подчеркивает автор фельетона. - Кто к прилавку пробирается, кто от прилавка, кто полученный товар продает, кто в чужой карман лезет... Вышли мы в проход – торговля несусветная кругом идет. Кто ботинки продает, кто калоши. Не те номера попали»¹. Рейтузы оказались дамскими панталонами, которые разочарованный рабочий тут же продал соседу в очереди. Автор фельетона размышляет, «не лучше ли, товарищи, в самом деле, особые распределители по заводам устроить, все-таки порядку бы больше было и не так обидно»². Обращает на себя внимание то, что общественной критике подвергалась не сама система нормированного снабжения, а лишь отдельные случаи, выходящие за рамки здравого смысла. Причем решение проблемы мыслилось через внедрение практики закрытого распределения. С другой стороны, за пределы поверхностной критики крайностей сложившейся системы и действий местных властей периодическая печать в тот период выйти просто не могла.

Крайними проявлениями несовершенства советской системы планового снабжения были случаи абсурдного распределения товаров. Ситуации, известные нынешнему поколению по анекдотам, имели место и в жизни провинциального города. Так, в декабре 1930 года печать критиковала действия правления Курганского райпо, члены которого направляли духи, пудру и сандалии в отделения при лесозаготовках, в то время как город ощущал острую нехватку этих товаров. «Зачем мужику духи, особенно на лесозаготовках, - одним правленцам известно»³, - иронично подмечает автор заметки.

Как свидетельствуют газетные объявления, в 1930-х гг. в Кургане объемы и ассортимент готовой одежды несколько увеличились по сравнению с

---

¹ Красный Курган, 1930, 24 сент.

² Красный Курган, 1930, 24 сент.

³ Красный Курган, 1930, 21 дек.

предшествующим десятилетием. Однако дефицит готового платья по-прежнему побуждал большинство горожан заказывать одежду в ателье или шить самостоятельно. Два года подряд в газете появлялось объявления о наборе учениц на курсы кройки и шитья¹, а в ноябре 1930 г. гострудсберкасса объявила о приеме целевых вкладов на швейные машины². Швейные машины, ставшие для советских женщин предметом первой необходимости, пользовались большим спросом на протяжении многих лет. В 1939 г. в течение двух рабочих дней в магазине «Точмашсбыта» жители Курганского района приобрели 80 швейных машин и всего 7 патефонов³.

Именно дефицит готовой одежды способствовал сохранению и развитию городских пошивочных ателье и ремонтных мастерских. Жители столиц (особенно представители элиты) уже с середины 1920-х гг. могли позволить себе шить костюмы у частных портных, получивших известность еще до революции⁴. Небогатые жители провинции делали выбор в пользу экономных и честных мастеров. Из устных источников известны фамилии лучших курганских портных: Павел Афанасьевич Устюжанин, заведующий производством Коньков, брючный мастер Павел Васильевич Чепурных. Уважением среди горожан пользовался закройщик первого цеха Михаил Афанасьевич Утробин: «Там очередь, - рассказывает житель города Кургана Ф.И. Захарова, - потому что знают, что тут не возьмут ничего...Была такая поговорка: «У продавца нет сдачи, у портного остачи». А эти [мастера первого цеха – К.К.] уж все лоскутки свернут, веревочкой завяжут и все тебе остаточки отдадут»⁵.

В межвоенные десятилетия в Кургане существовала кустарно-промысловая артель «Быстроход», располагавшаяся по улице Свободы и занимавшаяся изготовлением и ремонтом обуви⁶. В 1930 г. в городе работали сапожная и портновская мастерские артели инвалидов «Взаимопомощь», располагавшиеся

---

¹ Красный Курган, 1930, 19 авг.

² Красный Курган, 1930, 25 нояб.

³ Красный Курган, 1939, 29 марта.

⁴ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 135

⁵ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой

⁶ Красный Курган. 1930.4 авг.

сначала в доме по улице Ленина¹, а затем в каменном корпусе на Нижнебазарной площади².

На протяжении 1930-х гг. в газете печатались объявления промышленно-производственной артели «Новость». В 1930 г. промартель, располагавшаяся на Нижнебазарной площади, «объявила о приеме в починку и переделку детской одежды и обуви вне очереди»³. В следующем году сообщалось, что артель «Новость» принимает в перелицовку, ремонт и починку верхнее и нижнее платье и спецодежду, а также покупает старую одежду, поношенные фуражки, кепки и шапки⁴. В 1937 г. курганская артель «Новость» открыла новую портновскую мастерскую по ул. Коли Мяготина, дом № 88. Причем у портных артели существовала определенная специализация: пошив и ремонт верхнего платья дамского, мужского, детского производился в мастерских по ул. Коли Мяготина, № 88 и по ул. Максима Горького, № 133. Белье, платье, головные уборы, ведомственное обмундирование, спецодежда и прочее - по ул. Ленина, № 7⁵. Более подробное описание деятельности мастерских артели дает житель города Кургана Ф.И. Захарова, вспоминая в ходе интервью о том, что третий цех артели располагался на углу улиц Коли Мяготина и Красина, где работали несколько портных, занимавшихся только пошивом платьев. В первом цехе на углу улиц Пролетарской и М. Горького шили пальто, костюмы, брюки. Цех занимал двухэтажный дом: внизу располагались закройщики и клиенты, а наверху - сама мастерская. В двухэтажной мастерской по улице Ленина шили платья, вязали трикотаж, в том числе чулки и носки. На первом этаже здания изготавливали головные уборы и шили ватные одеяла. Здесь можно было отдать в перелицовку старую фетровую шляпу и в итоге получить «новую» вещь⁶.

---

¹ Красный Курган. 1930. 24 авг.

² Красный Курган. 1930. 27 сент.

³ Красный Курган. 1930. 7 дек.

⁴ Красный Курган, 1931. 4 марта.

⁵ Красный Курган. 1937. 28 марта.

⁶ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой

В конце 1930-х гг. советские граждане по-прежнему ощущали острую нехватку одежды, обуви и текстильной продукции¹. Во второй половине 1930-х гг. товары легкой промышленности, поступающие в курганские магазины, становятся разнообразнее, но отнюдь не доступнее. В августе 1935 г. магазин Курганского военного кооператива, расположенный по адресу улица Куйбышева (б. Свободы), 36, через газету сообщил о поступлении в свободную продажу таких товаров, как «меха в полном ассортименте, головные уборы, одеяла пикейные, детские, меховые пальто, пиджаки ватные, холсты крестьянские в большом количестве и прочие товары. На днях поступает большая партия трикотажа», - информировала газета. В этом же номере магазин Горрабкопа сообщал о поступлении партии мужских и дамских галош и ассортименте рукавиц². Открывшийся после ремонта магазин № 1 Челябинска в феврале 1936 г. извещал о наличии готового платья, резиновой обуви, мануфактуры, зимних и летних головных уборов, трикотажа, парфюмерии и галантерей³. Год спустя в этот же магазин на площади Куйбышева поступили в продажу «мануфактуральная сукно-бобрик, готовое платье, пальто дамские демисезонные и детские, платья дамские и костюмы мужские»⁴. «Спешите купить!»⁵ - призывали призывали авторы объявления. Магазины Челябинска работали с 9 утра и до 7 вечера⁶. О состоянии дефицита товаров свидетельствует и лексика объявлений: сообщая об открытии в январе 1937 г. нового магазина по продаже мануфактуры, готового платья, обуви и галантерейных изделий, авторы заметки употребили выражение «товаров заброшено на 50 тысяч рублей»⁷. Годы спустя в обиход советских граждан прочно вошел глагол «выбросили», обозначающий долгожданное появление дефицитных товаров на прилавках.

Таким образом, уже во второй половине 1920-е гг. для жителей больших и малых городов Советского Союза дефицит товаров широкого потребления

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 56.

² Красный Курган. 1935. 28 авг.

³ Красный Курган. 1936. 10 февр.

⁴ Красный Курган. 1937. 2 апр.

⁵ Красный Курган. 1937. 2 апр.

⁶ Красный Курган. 1937. 12 янв.

⁷ Красный Курган. 1937. 14 янв.

становится злободневной проблемой. Приспосабливаясь, население вынуждено было искать пути приобретения необходимых товаров. Частная торговля постепенно переходит на нелегальное или «полулегальное» положение, называясь спекуляцией и обретая в связи с этим новый смысл. В ситуации дефицита особое положение приобретают работники магазинов, знакомство с которыми дает гражданам надежду на получение нужных вещей. В то же время нехватка готовых изделий легкой промышленности способствовала развитию по всей стране разнообразных пошивочных мастерских. Широко практиковались ремонт одежды и обуви, а также перелицовка поношенных вещей. В Кургане профессиональные портные, объединенные в артели, имели узкую специализацию: существовали цеха по пошиву и ремонту верхней одежды, платьев, головных уборов и т.д. Отдельно работали мастерские по пошиву и ремонту обуви. На протяжении многих десятилетий мечтой каждой советской женщины было приобретение швейной машины. На рубеже 1920-1930-х гг. курганские домохозяйки получили возможность осваивать швейное мастерство на курсах, а также приобрести швейные машины, ставшие уже тогда предметом особого спроса.

В провинциальном Кургане с его тихой и размеренной жизнью одежда жителей по разным причинам довольно долго сохраняла дореволюционные черты. Представители старшего поколения горожан, оставшиеся, вопреки антирелигиозной пропаганде, глубоко верующими, в 1920-1930-е гг. не изменили традиционной одежде и прическам. Молодежь, воспитывавшаяся уже в советский период, активно усваивала тенденции времени, в том числе и в области внешнего вида. Государственная власть в решении проблемы дефицита товаров легкой промышленности шла по пути создания системы нормированного снабжения, закрытого распределения, в то время как в советском обществе, остро нуждавшемся в товарах первой необходимости, появлялись своеобразные механизмы решения этой насущной проблемы, отразившиеся не только в поведении, но и в мыслях и вкусах людей.

4 ГОРОДСКАЯ СФЕРА ДОСУГА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

4.1. Повседневный досуг жителей города Кургана

Сфера человеческого досуга чрезвычайно многогранна. С исторической точки зрения интересно не только исследование многообразия форм проведения свободного времени, но и само восприятие досуга обществом. Разные эпохи и культуры оценивали его по-разному: от признания ценности свободы и творчества до восприятия досуга в качестве праздности, лени и греха. В широком смысле под досугом понимают «свободное от работы время, то, за которое человеку не платят»¹. Одни авторы исключают из этой сферы семейные и общественные обязанности, другие, напротив, считают внутрисемейную деятельность составной частью досуга. Исследователи выделяют публичный и частный досуг, обращая внимание на трудности в изучении последнего. Описывая широту этой сферы исследования, И. В. Сидорчук отмечает, что «в основном при обсуждении досуга речь идет о том, в чем нет необходимости. Историк имеет колоссальную возможность выбора того, как он станет обозначать досуг и какие досуговые практики будет изучать или, наоборот, игнорировать»². Автор настоящего исследования характеризует городскую инфраструктуру, обеспечивавшую такие формы публичного досуга, как кино, театр, парковый отдых, конноспортивные соревнования и некоторые другие.

Ярким явлением в сфере публичного досуга населения стало распространение кинематографа. Кино, вошедшее в повседневную жизнь курганцев в начале XX в., в межвоенные десятилетия заняло прочные позиции в сфере городского досуга. Очарование киноискусства, сила его влияния на массы были замечены советскими идеологами, предложившими использовать кино в воспитательно-пропагандистских целях. Вместе с этим в советском кинопрокате оставался и так называемый «коммерческий экран» – фильмы легкого жанра,

---

¹ Сидорчук И.В. Цели и перспективы истории досуга// Историческая психология и социология истории. 2015 № 2. С. 174.

² Там же.

пользующиеся большой популярностью у зрителей. В 1920-х гг. СССР активно закупает зарубежные кинофильмы: немецкие, французские, американские. Однако вскоре лидирующее место в советском кинопрокате занимают картины отечественного производства. Отметим, что иностранные фильмы в СССР проходили практику «идеологического обезвреживания» при помощи перемонтажа¹.

В первые послереволюционные годы в Кургане работал кинотеатр «Советская пропаганда» (бывший «Прогресс»)². В январе 1922 г. он предлагал зрителям «сильную драму, шедевр кинематографии» «Живой труп»³. В 1926 г. кинотеатр «Прогресс» (вернувший прежнее название) демонстрировал французский фильм «Клеймо убийцы», кинокартину «Курьер Наполеона» и другие, в будни сеансы начинались в 18-00, в праздники – в 16-30⁴.

Зрители могли посмотреть американскую картину «С черного хода» с участием популярной актрисы Мэри Пикфорд⁵, немецкие фильмы «Нибелунги»⁶ и «Зеленая Мануэлла»⁷, а также отечественную историческую эпопею в девяти частях о событиях первой русской революции «9-е января»⁸. В это же время сообщалось об открытии кинотеатра в железнодорожном клубе имени Карла Маркса. В первый день работы кинотеатра работники железной дороги бесплатно посмотрели картину «В угаре нэпа»⁹ – отечественный фильм о моральном разложении советского хозяйственника, попавшего под дурное влияние нэпманского окружения. Летом-осенью 1926 г. в «Прогрессе» шли кинофильмы «9-е января», «Броненосец «Потемкин»», «Медвежья свадьба», «Две сиротки» и другие¹⁰. Горожане смотрели драму отечественного производства «Наездник из

---

¹ Юсупова Г. М. Кассовые феномены кинематографа 1920-х и легенда о «новом зрителе» // Киноведческие записки. 2013. № 102–103. С. 156.

² Красный Курган. 1920. 5 сент.

³ Красный Курган. 1922. 27 янв.

⁴ Красный Курган. 1926. 26 марта.

⁵ Красный Курган. 1926. 3 апр.

⁶ Красный Курган. 1926. 15 апр.

⁷ Красный Курган. 1926. 25 апр.

⁸ Красный Курган. 1926. 28 апр.

⁹ Красный Курган. 1926. 24 апр.

¹⁰ Красный Курган. 1926. 5 мая.

Уайльда Веста»¹ (о молодом грузинском крестьянине, отправившемся работать наездником в американский цирк) и советский боевик «Машинист Ухтомский»² (о декабрьском вооруженном восстании в Москве), к просмотру которых не допускались дети и подростки до 17 лет. В начале 1927 г. были повышены цены на билеты в кино: первые места стоили 55 копеек, вторые – 40 копеек, третьи – 30 копеек. В будни в «Прогрессе» шли три сеанса (в 18-00, 20-00 и 22-00), в праздники – четыре сеанса (17-00, 19-00, 21-00 и 23-00)³.

Местная пресса выступала с критикой «буржуазных настроений», содержащихся в популярных у публики западных картинах с участием Дугласа Фербенкса и Мэри Пикфорд. Было отмечено, что «содержательные картины наш курганский зритель видит редко»⁴. Советский кинопрокат был вынужден балансировать между кассовым спросом и идеологическими требованиями, выдвигаемыми властью и общественной критикой. По данным историков, наибольшим спросом у зрителей 1920-х годов пользовались американские, немецкие, русские дореволюционные кинофильмы, советские мелодрамы, а также «восточное» кино производства Грузии, Армении и др.⁵. Все эти фильмы видели и курганские зрители. Так, в 1927 г. в Кургане шла американская картина «Танцовщица Бродвея»⁶. Среди советских мелодрам о взаимоотношениях полов в условиях пересмотра моральных устоев 1920-х гг. популярностью пользовался фильм 1927 г. «Любовь втроем» («Третья мещанская»). Это история о сложных взаимоотношениях двух мужчин и одной женщины, сюжет которой был основан на реальных событиях. По мнению исследователя раннесоветского кинематографа Г. М. Юсуповой, «“Третья Мещанская” – фильм, обыгрывающий если не типичную, то довольно обыденную ситуацию для 1920-х, и этим интересный для публики»⁷. Кинофильм «Проститутка» – один из лидеров проката 1927 года,

¹ Красный Курган. 1926. 20 июля.

² Красный Курган. 1926. 4 сент.

³ Красный Курган. 1927. 6 янв.

⁴ Красный Курган. 1926. 4 сент.

⁵ Юсупова Г. М. Кассовые феномены кинематографа 1920-х и легенда о «новом зрителе» // Киноведческие записки. 2013. № 102–103. С. 153.

⁶ Красный Курган. 1927. 6 янв.

⁷ Юсупова Г. М. Кассовые феномены кинематографа 1920-х и легенда о «новом зрителе» // Киноведческие записки. 2013. № 102–103. С. 160.

демонстрировавшийся и в Кургане, – рассказывал о судьбах трех женщин, вынужденных продавать себя. Еще один кинофильм 1927 года, ставший кассовым, – драма Узбекгоскино «Вторая жена» – о нелегкой судьбе молодой узбекской женщины в первые годы советской власти в Средней Азии. Нужно отметить, что к просмотру картин «Любовь втроем», «Проститутка» и «Вторая жена» не допускались дети и подростки до 16 лет¹.

Вскоре в Кургане появляется еще один кинотеатр «Рабочее кино», расположенный на окраине города в непригодном и ветхом помещении². Газета сообщала о неприятной атмосфере, царившей в стенах этого кинотеатра: «полно грязи в саду и буфете при «Рабочем кино»... В биллиардной нередко бывают драки... На столиках – грязные скатерти, запачканные пивом. В самом помещении кино воздух спертый...»³. Для железнодорожников киносеансы проходили в клубе имени Карла Маркса⁴.

В конце 1920-х гг. перед советским кинематографом была поставлена задача создания «картин советских по содержанию, но и художественных и занимательных по форме»⁵. Однако и в середине 1930-х гг. повышенным зрительским спросом пользовались фильмы именно развлекательного характера. По данным исследователя раннесоветского кинематографа В. А. Сомова, развлечений и ухода от повседневной реальности, прежде всего, ждали взрослые зрители. Дети, в силу психологических особенностей возраста, оказались гораздо более восприимчивыми к агитационному воздействию кинолент, особенно героико-патриотического содержания⁶.

В 1931 г. курганцы смотрели кино в кинотеатрах «Прогресс», «Рабочий», клубе строителей и народном доме имени Ленина⁷. Год спустя в городе действовали кинотеатры «Прогресс», «Факел», «Учебное кино» (открыт в конце 1932 г.) и кино при клубе строителей. Так, в январе 1932 г. кинотеатр «Прогресс»

¹ Красный Курган. 1927. 22 апр.

² Красный Курган. 1928. 10 апр.

³ Красный Курган. 1928. 4 авг.

⁴ Красный Курган. 1926. 20 мая.

⁵ Сомов В. А. «Возросший рабоче-крестьянский зритель требует...»: кино и советский человек 1930-х гг. // Клио. 2013. № 6. С. 65.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Красный Курган. 1931. 11 апр.

предлагал к просмотру фильм с участием народного артиста Москвина «Родился человек» и дополнительно гастроли аттракциона «чудеса теней». Сеансы в «Прогрессе» начинались в 17-00, 19-00, 21-00 и 23-00. Кинотеатр «Учебное кино» по улице Советской, 99 демонстрировал немецкий фильм «Одиннадцать чертей» в 18-00 и 20-00. В клубе строителей в 18-00 шла отечественная кинокартина «Леон Кутюрье», а в кино «Факел» заграничный фильм «Чемпион мира» в 17-30, 19-00 и 20-30¹.

В 1930-х гг. в Кургане появляются звуковые фильмы. К примеру, 10–12 декабря 1932 г. в кинотеатре «Учебное кино» курганцы смотрели советский звуковой фильм «Процесс промпартии – 13 дней»².

В 1935 г. в городе работали три стационарных кинотеатра (один звуковой и два немых)³. Ежедневно кино в Кургане смотрели 1100 зрителей⁴, посещаемость одного «Прогресса» составляла 700 человек в день⁵.

В «Прогрессе» шли три детских и четыре вечерних сеанса. В апреле 1935 г. здесь демонстрировался фильм «Чапаев»⁶, ставший легендой советского кинематографа. Год спустя – большой звуковой художественно-приключенческий фильм «Джюльбарс»⁷ отечественного производства, советский звуковой боевик «Федька», музыкальный фильм «Последний табор»⁸. На протяжении 1936–1937 гг. с экрана кинотеатра не сходил популярнейший советский звуковой фильм «Веселые ребята»⁹.

В середине 1930-х гг. во время сеансов звуковых картин в кинотеатре «Прогресс» зрители зачастую вынуждены были ждать двадцати-тридцатиминутные перерывы в связи с перебоями в подаче электроэнергии. Люди ожидали в фойе, буфете или на улице, а иногда и вовсе уходили, не досмотрев фильм¹⁰. И тем не менее, кино в Кургане оставалось чрезвычайно востребованным развлечением: билеты «доставали с трудом», были случаи продажи двух билетов

¹ Красный Курган. 1932. 30 янв.

² Красный Курган. 1932. 10 дек.

³ Красный Курган. 1935. 12 апр.

⁴ Красный Курган. 1935. 6 апр.

⁵ Красный Курган. 1936. 9 авг.

⁶ Красный Курган. 1935. 12 апр.

⁷ Красный Курган. 1936. 17 апр.

⁸ Красный Курган. 1936. 26 апр.

⁹ Красный Курган. 1937. 28 янв.

¹⁰ Красный Курган. 1935. 24 сент.

на одно место¹. Жители Кургана вспоминают, как, будучи детьми, они «прорывались» в зал кинотеатра «Прогресс», «а контролеры иногда за шиворот выбрасывали»². Стоимость билета в кино была небольшой, но все же ощутимой с учетом того, что многие курганские семьи имели более трех детей и единственного кормильца.

В 1938 г. «Прогресс» остался единственным стационарным кинотеатром в городе. Здание нуждалось в ремонте: текла крыша, проваливались полы и, главное, не было хорошей кинокамеры³. Во второй половине 1930-х гг. в заводских клубах появляются собственные киноустановки. Кино смотрели рабочие спиртового завода⁴. В 1939 г. звуковой киноустановкой был оборудован клуб мясокомбината⁵.

В середине 1920-х гг. в Кургане появилось радиовещание. В 1927 г. громкоговорители были установлены на городских улицах. В 1930 г. в Кургане работал радиоузел и 580 трансляционных радиоустановок⁶. По воспоминаниям курганцев, «радио произвело целый переворот в умах трудящихся... Рабочие и крестьяне охотно покупали радиоприемники. Появились кружки радиолюбителей»⁷.

Наряду с кинематографом свое место в сфере городского досуга занимало и театральное искусство. В начале 1920-х гг. в Кургане, по воспоминаниям И. А. Ленского-Зыкова, работала театральная труппа из 22 актеров под руководством опытного режиссера Млицкого. В репертуаре были как постановки легкого жанра, так и пьесы Горького, Гоголя, Островского⁸. Вероятно, именно этот театр носил название «Рабочий отдых» и располагался на территории городского сада с одноименным названием. Театр предлагал курганской публике постановки по произведениям классиков мировой литературы. Однако хорошая актерская игра

---

¹ Красный Курган. 1935. 16 окт.

² Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой

³ Красный Курган. 1938. 22 авг.

⁴ Красный Курган. 1938. 22 сент.

⁵ Красный Курган. 1939. 22 апр.

⁶ Козлова М. М. Кино, радио и печать Зауралья в 20–30-е годы// Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научн. тр.. Курган, 1999. Вып. 2. С. 111.

⁷ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

⁸ Там же.

не могла компенсировать некоторое однообразие репертуара. К примеру, драма «Разбойники» по Ф. Шиллеру, по отзывам современников, к маю 1922 г. весьма «надоела публике»¹. В 1920 г., наряду с театром «Рабочий отдых», концерты и представления с участием чтецов, оркестра и хора проходили в Рабоче-Красноармейском клубе².

В 1924 г. в источниках упоминается городской театр «Новый Мир» расположенный рядом с кинотеатром «Прогресс» ближе к Троицкому переулку. По воспоминаниям современника, режиссером театра была профессиональная актриса Черняева, «которая подготовила из талантливой курганской молодежи до двадцати актеров. Репертуар был из новых пьес советских писателей, а так же из пьес классиков. Посещаемость была всегда полной. Постановки были на 50 % бесплатными»³. Известно, что в 1924 г. закрытие театрального сезона состоялось 16 сентября бенефисом артиста Сырова-Дальского, сыгравшего главную роль в драматическом спектакле «Петр III»⁴. Некоторые спектакли театра подвергались острой критике со стороны советской печати. Так, в 1924 г. «Красный Курган» дал следующий отзыв об одном из спектаклей: «на сцене происходит отжившая и не связанная с духом времени пьеса о каком-то шарлатане Распутине... скомканный и собранный из балаганных номеров концертик»⁵.

Сохранилось упоминание о рабочем клубе в восточной части города и театре пожарников по улице Свободы⁶. Современник этого периода И. А. Ленский-Зыков в своих воспоминаниях отметил, что в начале 1920-х гг. «большую роль в культурной жизни города стали играть клубы: железнодорожный имени Карла Маркса, гарнизонный «Спартак», а также на консервном, кожевенном заводах, пожаром депо и клуб совторгслужащих. Интересные эпизодические постановки ставили курганские учителя под руководством Н. К. Каранчукова, Ермолаева и др. Н. К. Каранчуков в своих

¹ Красный Курган. 1922. 10 мая.

² Васенева Т. В. Курганский цирк в начале 1920-х годов // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научн. тр. Курган, 1999. Вып. 2. С. 151

³ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

⁴ Красный Курган. 1924. 13 сент.

⁵ Красный Курган. 1924. 3 апр.

⁶ Красный Курган. 1924. 23 янв.

амплуа слыл популярным любителем-актером среди курганцев»¹. Воспоминания свидетельствуют об образовании в 1923 г. первого эстрадного коллектива «Синей Блузы» при клубе совторгслужащих и появлении других самодеятельных коллективов («Молот», «Рупор», «Смена»). «Молодые самодеятельные актеры выступали перед зрителями в широких синих блузах. Они резко критиковали недостатки в быту и на производстве, острой политической сатирой разоблачали происки кулаков и нэпманов, бюрократизм и волокиту», – подчеркивал И. А. Ленский-Зыков². Положительные отзывы звучали в адрес труппы курганских артистов «Марем» (Мастерской революционной миниатюры). Работа театра «Марем» оценивалась как «попытка дать живое отражение советской действительности со всеми ее недостатками, заострить внимание на текущих вопросах, ядовито высмеять наследие старого»³.

Одной из задач культурной революции на бытовом уровне было отвлечение рабочих от пьянства. Газета «Красный Курган» прямо говорила об этом, отмечая, что «культурная работа в Кургане слаба»⁴. Очевидно, в целях усиления культурной работы в середине 1920-х гг. в Курган были приглашены из Свердловска 35 артистов музыкальной комедии и драмы и 12 музыкантов, чтобы в течение трех месяцев в театре деткомиссии ставить современные произведения «Воздушный пирог» (из жизни шелкового треста в Москве), «Блудливый директор», «Федька эсаул», «Саранча», а также классические оперетты «Баядерка», «Сильва», «Коломбина» и другие⁵.

Зимой 1927–1928 г. в Кургане вновь ставили оперетты. Очевидно, эти спектакли оказались невостребованными у местной публики, поскольку театр музыкальной комедии отработал в убыток⁶. Крайне редко Курган посещали столичные артисты. Так, в феврале 1926 г. сообщалось о балетном вечере примы

---

¹ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166

² Там же.

³ Красный Курган. 1926. 1 апр.

⁴ Красный Курган. 1926. 1 апр.

⁵ Красный Курган. 1926. 2 апр.

⁶ Красный Курган. 1928. 4 апр.

ленинградских театров Наталии Сафоновой. В третьем отделении ее программы было запланировано хоровое и частушечное выступления¹.

Во второй половине 1920-х гг. в Кургане в здании театра состоялись публичные религиозные дискуссии и инсценировка общественного суда. Городской театр приглашал всех желающих на публичные диспуты на темы «Трагедия христианства» и «У кого истина?» при участии прибывшего из Москвы митрополита Александра Введенского². По воспоминаниям И. А. Ленского-Зыкова, Введенский был блестящим оратором. Его оппонентом в тот день стал заведующий отделом народного образования Шибанов – человек с университетским образованием. Полемика длилась около четырех часов с получасовым перерывом, присутствовало около 800 горожан³. Год спустя в помещении гортеатра «Новый мир» прошла инсценировка суда над матерью, подкинувшей ребенка⁴.

В начале 1930-х гг. городской театр разместился в новом здании народного дома имени В. И. Ленина. Курган посетила народная артистка республики балерина Е. В. Гельцер⁵. Весной 1932 г. театралы слушали здесь оперетты «Холопка»⁶ и «Перикола»⁷. Летом этого года начал свою работу летний театр. В начале сезона его здание представляло собой «голостенный амбар»⁸, фактически лишенный декораций. Спектакли начинались поздно вечером и продолжались до 1–2 часов ночи⁹.

В 1935 г. в Курган на постоянную работу были приглашены музыканты и артисты оперы и балета: 25 солистов, в том числе известные современникам Грачева и Истомина (сопрано), Шашкова (меццо-сопрано), Носов (тенор), Кончевский (баритон), Кулысов и Локтионов (басы); 20 артистов балета, хор из 16 человек и оркестр из 18 музыкантов. В Курган прибыли режиссеры Евреинов и

¹ Красный Курган. 1926. 20 февр.

² Красный Курган. 1926. 20 июля.

³ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

⁴ Красный Курган. 1927. 22 апр.

⁵ Красный Курган. 1931. 6 сент.

⁶ Красный Курган. 1932. 28 февр.

⁷ Красный Курган. 1932. 3 марта.

⁸ Красный Курган. 1932. 3 июля.

⁹ Красный Курган. 1932. 15 июля.

Колцев, дирижеры Говоров и Мандрыгин, художник Дольшин и балетмейстер Горский¹.

Зимний театральный сезон был открыт 20 октября 1935 г. в восемь часов вечера оперой «Аида» Дж. Верди. На следующий день курганцы слушали оперу «Травиата»². Городской театр имени Ленина, по отзывам современников, «в отличие от прошлых лет... лучше подготовился к зимнему сезону. Здание театра отремонтировано, покрашено. Залы театра выглядят культурно, чувствуется порядок... Бросается в глаза сутолока и неразбериха в раздевалке из-за недостатка обслуживающего персонала при раздаче платья»³. Весной 1936 г. курганцы слушали оперы «Риголетто», «Царская невеста»⁴, «Пиковая дама»⁵, «Князь Игорь»⁶, музыкальную комедию «Холопка» и балет «Красный мак»⁷. В ноябре-декабре театр ставил оперы «Аида»⁸, «Русалка»⁹, «Севильский цирюльник», «Травиата»¹⁰. В июле 1936 г. с гастролями в Кургане побывал Магнитогорский театр рабочей молодежи¹¹.

В январе 1937 г. по решению областных властей оперный театр был переведен из Кургана в Златоуст, а драматический – из Магнитогорска в Курган¹². В связи с пожаром в Нардоме имени Ленина труппе областного драмтеатра был предоставлен отпуск на время переоборудования здания летнего театра. Однако ремонт летнего помещения затянулся, и театр начал сезон в спортивном зале народного дома 23 апреля 1937 г. пьесой «Слава»¹³. В этом же году по решению Челябинского обкома ВКП(б) в Кургане был организован областной драматический колхозно-совхозный театр, спектакли шли в спортзале Нардома

¹ Красный Курган. 1936. 17 сент.

² Красный Курган. 1935. 18 окт.

³ Красный Курган. 1936. 28 окт.

⁴ Красный Курган. 1936. 27 февр.

⁵ Красный Курган. 1936. 29 февр.

⁶ Красный Курган. 1936. 17 апр.

⁷ Красный Курган. 1936. 26 апр.

⁸ Красный Курган. 1936. 15 нояб.

⁹ Красный Курган. 1936. 16 нояб.

¹⁰ Красный Курган. 1936. 4 дек.

¹¹ Красный Курган. 1936. 1 июля.

¹² Красный Курган. 1937. 21 июня.

¹³ Красный Курган. 1937. 18 апр.

имени Ленина¹. В апреле 1938 г. в народном доме приступил к работе Челябинский областной кукольный театр. Курганцы посмотрели пьесу «Дети Октября» о борьбе пограничников, пионеров и колхозников с нарушителями советских границ².

В 1939 г. драматический театр был реорганизован и переведен из колхозно-совхозных в число городских. Сезон был открыт 27 сентября пьесой М. Горького «Последние»³. Курганские театралы жаловались на бытовые недоразумения в работе театра: «театр плохо благоустроен, скверно работают буфеты..., до 10 часов вечера нет электричества в театре. Зрители 2–3 часа томятся в темноте при одной свечке. В виду темноты много хулиганства, пьянства и всего, что угодно. А когда начнется постановка, снова такая же история: электричество то загорится, то погаснет...»⁴.

В конце 1930-х гг. в Кургане с большим успехом выступали ансамбль песен и танцев народов Кавказа⁵, гипнотизер Григорий Гутман⁶, артисты Украинского театра музыкальной комедии и драмы, сформированного Челябинской филармонией. Театр ставил как классические произведения, так и украинские народные песни и пляски⁷. Так, в сентябре 1939 г. курганские зрители слушали музыкальные драмы «Бесталанна»⁸ и «Ой, не ходи, Грицю, на вечерниці», а также музыкальные комедии «Наталка полтавка»⁹ и «Дай сердцу волю – заведе в неволю»¹⁰.

Большой популярностью у курганской публики пользовались цирковые представления. Существовавший до начала 1920-х гг. курганский цирк был популярнейшим местом отдыха взрослой публики. Полные залы собирали выступления жонглеров, акробатов, фокусников, клоунов, тяжелоатлетов и дрессировщиков. За неделю благотворительной акции помощи фронту денежный

¹ Красный Курган. 1937. 16 сент.

² Красный Курган, 1938. 15 апр.

³ Красный Курган, 1939. 27 сент.

⁴ Красный Курган, 1939. 23 окт.

⁵ Красный Курган. 1938. 12 окт.

⁶ Красный Курган. 1939. 6 сент.

⁷ Красный Курган. 1940. 4 сент.

⁸ Красный Курган. 1939. 11 сент.

⁹ Красный Курган. 1939. 17 сент.

¹⁰ Красный Курган. 1939. 14 сент.

сбор, сделанный цирком, превысил суммы, внесенные театром «Рабочий отдых», Рабоче-Красноармейским клубом и даже кинотеатром «Советская пропаганда»¹. Огромный интерес у курганцев вызывала французская борьба, вскоре запрещенная советской цензурой.

В 1930-х гг. в Кургане проходили гастроли цирковых артистов и дрессировщиков. Так, в январе 1937 г. в клубе пионеров по улице Советской, 59 расположился большой государственный зверинец. В город прибыли 10 вагонов с животными. Вечерами курганцы могли посетить показательные кормления хищников². Год спустя в Кургане с гастролями побывал третий колхозно-совхозный государственный цирк. Программа из трех отделений оказалась чрезвычайно зрелищной: «люди-мячики», жонглеры, велосипедисты-фигуристы, дрессированные животные, – все они привлекли в зрительный зал множество публики³. Осенью 1939 г. на Нижне-Базарной площади временно расположился Московский государственный зверинец. Здесь с группой львов, медведей и волков выступала единственная в СССР женщина-укротительница Зулейка Фарух⁴. Житель города Кургана В. Е. Кунгуров вспоминает, что во второй половине 1930-х гг. цирковые артисты выступали с большим успехом: билеты были нарасхват, свободных мест не было⁵. За три недели цирковых гастролей представления посетили более 15 тысяч курганцев⁶.

Если зрелища легкого жанра без труда находили многочисленную аудиторию, то для реализации лозунга «Книгу в массы!» требовались время и совместные усилия власти и общества. В 1922 г. четыре курганские библиотеки были объединены в одну центральную с детским отделением и музеем. В это время здесь было 700 взрослых подписчиков и около 1000 детей. Детская посещаемость в два раза превышала взрослую и составляла 70–120 человек в день. Существовала и коллективная подписка: 25 экземпляров были отданы в

¹ Васенева Т. В. Курганский цирк в начале 1920-х годов // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научн. тр. Курган, 1999. Вып. 2. С. 151

² Красный Курган. 1937. 27 янв.

³ Красный Курган. 1938. 29 сент.

⁴ Красный Курган. 1939. 17 сент.

⁵ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой

⁶ Красный Курган. 1940. 10 сент.

пользование военкомату, 20 – рабочим мельницы б. Дунаева, 100 – сельхозтехникуму и по 15–20 экземпляров выдавалось в пользование в детские дома и приюты. В начале 1920-х годов библиотека ощущала острый дефицит книжного фонда¹. По состоянию на 1 марта 1923 г., 90 % читателей единственной крупной уездной библиотеки составляли рабочие и учащиеся (из них половина детей)². По мере того, как набирало обороты движение по ликвидации неграмотности, росла и популярность чтения. Пять лет спустя местная газета сообщала о тесноте помещения и отсутствии пополнения книжного фонда центральной библиотеки при постоянном увеличении числа подписчиков. В начале 1930-х гг. библиотека разместилась на третьем этаже только что построенного народного дома имени В. И. Ленина. Здесь расположился районный передвижной фонд с двумя стационарными сельскими библиотеками и несколькими передвижками, городское отделение и читальня. По состоянию на 1 января 1935 г. фонд насчитывал 34745 экземпляров книг, что не удовлетворяло растущего спроса населения города и района. «Лучшие произведения художественной литературы редко можно встретить на полках библиотеки: они все на руках у читателей, – отмечали сотрудники библиотеки. – Эти книги зачитываются буквально до дыр... «Как закалялась сталь» Островского, «Капитальный ремонт» Соболева и др. в библиотеке имеются в одном экземпляре. Читатель требует эти книги и... иногда дело доходит до скандала»³. Постоянными читателями городского отдела библиотеки были 1089 человек⁴. В середине 1930-х гг. наряду с районной библиотекой в городе работали также 19 библиотек учебных заведений и профорганизаций⁵. В 1939 г. в новом клубе машиностроительного завода была открыта библиотека в 1800 книг, насчитывающая 260 читателей⁶.

Советская печать активно пропагандировала чтение и борьбу за всеобщую грамотность, противопоставляя их «некультурному» досугу и «отсталой»

¹ Красный Курган. 1922. 27 авг.

² Красный Курган. 1923. 17 марта.

³ Красный Курган. 1935. 18 окт.

⁴ Красный Курган. 1935. 18 окт.

⁵ Красный Курган. 1935. 11 нояб.

⁶ Красный Курган. 1939. 18 февр.

религиозности городских и сельских обывателей. В 1924 г. местная газета подчеркивала, что среди железнодорожников «каждый обязательно выписывает какую-нибудь газету. На 550 человек они выписывают до 600 экземпляров газет, из них 140 “Красного Кургана”»¹. В конце 1930-х гг. в газете был приведен пример активного читателя и прилежного ученика вечерней школы, выписывающего газеты и журналы, приобретающего книги и брошюры, посещающего театр, кино и городской сад². В газетах иногда публиковали тематические списки литературы к тому или иному значимому дню. К примеру, в конце 1920-х гг. в опубликованном «Красным Курганом» перечне литературы к пасхе значились «Возникновение христианства» Р. Виппера, «Происхождение христианства» К. Каутского, «Разоблаченное христианство, или исследование начал и выводов христианской религии» П. Гольбаха, «Введение в историю религии» А. Луначарского и многие другие издания, поступившие в курганский книжный магазин «Искра» по улице Свободы, 57³.

Пропаганда чтения шла рука об руку с работой по ликвидации неграмотности среди населения. Наиболее активным и многочисленным стал детский контингент обучающихся. Закономерно, что именно на детях – будущих строителях социализма – было сосредоточено основное внимание властей в этом вопросе. В 1926 г. в Кургане с населением почти 26812 человек⁴ в школах первой и второй ступени обучалось 2599 юных граждан⁵. Охват всеобщим обучением взрослого населения в 1920-х гг. был существенно меньше, обучение кратковременным, что без дальнейшего закрепления пройденного материала приводило к рецидивам неграмотности. В 1926 г. на станции Курган школу ликвидации безграмотности окончили 27 женщин и 4 мужчины⁶. В то же время в 1928 г. около 3000 молодых горожан (от 16 до 35 лет) оставались неграмотными и не обучались на ликпунктах⁷. Десять лет спустя город, насчитывающий более сорока тысяч

---

¹ Красный Курган. 1924. 24 мая.

² Красный Курган. 1937. 14 мая.

³ Красный Курган. 1926. 17 апр.

⁴ Красный Курган. 1926. 1 апр.

⁵ Красный Курган. 1926. 2 апр.

⁶ Красный Курган. 1926. 19 февр.

⁷ Красный Курган. 1928. 2 марта.

человек, имел 11 средних учебных заведений с количеством учащихся 2569 человек и 10 школ с 5759 обучающимися¹. Так, постепенно, совместными усилиями власти и общества, к концу межвоенного периода в борьбе за грамотность удалось добиться впечатляющих результатов.

Еще одной формой публичного досуга, содействовавшей просвещению общественности, было посещение гражданами музея. В 1920 г. на базе коллекций существовавших до революции сельскохозяйственного музея и музея школьно-наглядных пособий в Кургане был создан музей местного края, расположившийся по улице Советской в доме № 70. Музей возглавил профессиональный историк и археолог Н. Н. Бортвин, проводивший музейные выставки в городском саду, школах и на предприятиях, выступавший с лекциями по краеведению и музееведению². С отъездом Н.Н. Бортвина музейная работа в Кургане замерла и возобновилась только в 1924 г. под руководством краеведа В. П. Ефимова. Вновь открывшийся музей местного края представил горожанам выставки палеонтологии, археологии, нумизматики, зоологии, ботаники, минералогии и живописи. В 1926 г. музей бесплатно посещало 300–600 человек в месяц³.

Во второй половине 1920-х гг. музей, вновь лишившийся грамотного руководителя, не получил необходимого внимания со стороны местных властей. Помещение, выделенное музею при центральной библиотеке, было тесно, возникали трудности с посещением: «многие приезжие крестьяне и рабочие с заводов не могут попасть в музей, – отмечали современники. – Заведует музеем фактически сторожиха «Ивановна», человек неграмотный ведет беседы с посетителями, руководит экскурсиями, агитирует за то, чтобы в музей тащили все, что полагается»⁴. Активная выставочная работа стала возможна после переезда краеведческого музея в здание народного дома имени Ленина. В 1935 г. 195 человек ежедневно осматривали его экспозиции: животный и растительный мир, почвоведение, палеонтологию, историю классовой борьбы,

¹ Красный Курган. 1935. 11 нояб.

² Маслюженко Д. Н. Н. Н. Бортвин: первый археолог советского времени в Кургане// Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 119.

³ Крылова Н. В. Из истории музейного дела в г. Кургане в 1914–1943 гг.// Музей – ты мир. Материалы региональной научно-практической конференции, Куртамыш, 2001. С. 360.

⁴ Красный Курган. 1924. 14 июня.

промышленность, сельское хозяйство и культурное строительство края¹. После пожара народного дома в 1937 г. уцелевшие экспонаты были перевезены в непригодное для посещений и хранения музейных ценностей помещение на Нижне-Базарной площади. В 1939 г. курганские власти вынесли решение о передаче под музей здания бывшей Александровской церкви².

Особой формой повседневного досуга горожан был парковый отдых. В городских садах и парках граждан ждали не только прогулки под открытым небом, но и комплекс разнообразных видов деятельности: концерты и театральные представления, танцы, спортивные состязания, лекции и др. В межвоенные десятилетия XX в. в Кургане появляются новые места отдыха горожан под открытым небом. Крупнейшие садово-парковые пространства центральной части современного города были заложены именно в этот период. Советская концепция организации парков «культуры и отдыха» включала в себя социализацию граждан. По словам историка Е. А. Угрехелидзе, «из простых наблюдателей посетители парка должны были превратиться в активных участников программ этих учреждений, втянуться в общественную жизнь, почувствовать себя частью социума и развиваться вместе с ним»³.

До революции парковые пространства на территории курганских кварталов были небольшими. Старейший городской сад, расположенный на территории бывшей усадьбы декабриста А. Е. Розена на углу улиц Советской и Володарского, в 1920 г. получил название «Рабочий отдых»⁴ и на протяжении десятилетия, по словам современников, был местом, «где единственный отдых находит себе весь город»⁵. Курганский историк А. М. Васильева в своем исследовании городских парков отмечает, что в 1927 г. этот сад был передан профсоюзам, которые занялись организацией детской и спортивной площадок, библиотекой и строительством нового летнего театра на 540 человек. «6 сентября 1928 г.

---

¹ Красный Курган, 1935, 6 апр.

² Красный Курган, 1939, 26 сент.

³ Угрехелидзе Е. А. К вопросу о создании Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького: историко-социологический аспект // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 88.

⁴ Васильева А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение Куртамыш, 2013. С. 159.

⁵ Красный Курган. 1931. 6 мая.

состоялось грандиозное гулянье с факельным шествием и «бриллиантовым фейерверком», что вызвало протест местных пожарных, – пишет исследователь. – В 1929 г. появились детские кружки велосипедистов, юных натуралистов, друзей сада, музыкальный. В тот год открытие летнего театра было 16 мая. В репертуаре спектакли – «Рельсы гудят», «Голос недр», «Когда поют петухи», «Огненный мост», «Сигнал» и др.»¹.

Следующее десятилетие для сада, носившего когда-то название «Рабочий отдых», оказалось сложным: весной 1931 г. местный корреспондент описал унылую картину беспризорности курганских садов, в том числе и сада по улице Советской, оставшегося «без хозяина»². В следующем году сезон был открыт с акцентом на коммерческую составляющую отдыха. В 1932 г. местная печать подвергла критике развлечения, существовавшие в городском саду. «Сад превращен в галерею танцулек и очаг обывателя, – отмечала газета. – В саду нет того, что бы могло интересовать рабочую молодежь, весь сезон не работала читальня, не были организованы кружки самодеятельности...[Сад, - К.К.] обслуживает обывателя повседневными танцульками и ненужными гастрольями циркачей...»³. Однако через некоторое время советская пропаганда прекращает осуждение «обывательщины» и популярных у горожан танцев и «легких» зрелищ.

В 1936 г., в связи с реконструкцией городского сада имени Ленина, территория сада по улице Советской получает название детского парка имени Красина. Однако уже через год это место оказалось заброшенным: «ворота всегда закрыты,... аллеи грязные, игр для детей совершенно никаких нет..., есть лесенка и ящик с прошлогодним песком, в котором полно сору... вначале в парке были качели, но их сняли и веревки использовали», – сообщали очевидцы⁴. Летом 1939 г. «детский» сад все еще оставался непригодным для отдыха детворы: аллеи были грязны, скамейки отсутствовали, а хулиганы разгоняли и даже избивали детей⁵.

---

¹ Васильева А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение Куртамыш, 2013. С. 159.

² Красный Курган. 1931. 6 мая.

³ Красный Курган. 1932. 10 сент.

⁴ Красный Курган. 1937. 16 июня.

⁵ Красный Курган. 1939. 30 мая.

Еще одним местом отдыха курганцев, организованным до революции, был сад Вольнопожарного общества, расположенный на восточной городской окраине того времени. В конце 1920-х гг. на территории сада в обветшавшем помещении клуба был открыт кинотеатр «Рабочее кино»¹. Корреспондент местной газеты описал неприглядную картину отдыха в саду Вольнопожарного общества, обращая внимание на грязь в саду, антисанитарию в буфете кинотеатра и драки в бильярдной². В 1931 г. газета сообщала, что «сад Вольнопожарного общества, находящийся в аренде у кино «Рабочий», приведен в полное разрушение»³.

В 1930-х гг. сад по Вольнопожарной улице, переданный промкооперации, оставался единственным садово-парковым пространством в восточной части города. К 1938 г., по сообщению членов горсовета, он был закрыт, превращен в загон для скота, а театр сада сдан под общежитие⁴. Сад по Вольнопожарной улице, в котором раньше были пруд, танцевальная площадка, стрелковый тир и театр, в конце 1930-х гг. стал местом сбора пьяниц и хулиганов⁵.

В середине 1920-х гг. был заложен небольшой сад у Богородице-Рождественского собора по улице Кирова: посажены сирень, черемуха, яблони, разбиты цветочные клумбы. Во второй половине 1920-х гг. здесь проходили дневные гуляния, но к середине 1930-х гг. сад, лишенный сторожа, стал неухоженным местом сбора пьяных компаний⁶. Похожая атмосфера царила в начале 1930-х в садике по улице Свободы (Куйбышева) напротив пожарного депо: «сиротой стоит сад... деревья посохли, поломаны, полная беспризорность»⁷.

Закладка современного Детского парка прошла весной 1918 г., когда на территории у Нового базара была посажена первая партия деревьев⁸. Осенью 1924 г., по воспоминаниям современника, множество горожан и отряды пионеров вышли на посадку растений в этом саду⁹. Саду было присвоено имя

---

¹ Красный Курган. 1928. 10 апр.

² Красный Курган. 1928. 4 авг.

³ Красный Курган. 1931. 6 мая.

⁴ Красный Курган. 1938. 23 июля.

⁵ Красный Курган. 1938, 23 июня.

⁶ Красный Курган. 1935, 11 июня.

⁷ Красный Курган. 1931, 6 мая.

⁸ Васильева А.М. Курган. Времена минувшие. Краеведение. Куртамыш, 2013. С. 160.

⁹ Музей Кетовского Детско-юношеского центра. Воспоминания Лагун-Неустроевой Е. Г.

железнодорожника, партийного работника, одного из первых курганских комсомольцев А. Г. Осокина. В 1928 г. сад имени Осокина, переданный железнодорожникам, был местом культурного отдыха горожан. Здесь играла музыка, на сцене клуба проходили выступления и демонстрировались кинофильмы¹. Весной 1931 г. этот сад, как и остальные, оказался в заброшенном состоянии – «превратился в пустырь, где пасутся козы и коровы. Заборы упали, деревья поломаны», – констатировал корреспондент газеты «Красный Курган»². Однако перед войной, по данным А. М. Васильевой, в саду работали летний театр, танцевальная площадка, бильярд, читальня, а также павильоны с прохладительными напитками. Летом 1939 г. для горожан здесь были организованы не только массовые гуляния, но и кинофестиваль, спортивные соревнования, спектакли и выставка фотопортретов лучших людей транспорта³.

Летом 1924 г. городские власти постановили организовать центральный сад-парк вблизи Александровской церкви, «приняв во внимание совершенное отсутствие основательных садов-парков в городе Кургане, где бы рабочие могли отдохнуть от дневной работы на свежем воздухе»⁴. Было решено объединить несколько небольших садиков и скверов, существовавших здесь в это время, а также отдать под новый большой сад бывшую Александровскую площадь и территорию кладбища. Житель города Кургана В. С. Коржев в своих воспоминаниях пишет о работах по превращению кладбища у Александровской церкви в новый городской сад: городская молодежь вручную разбирала тяжелые надгробия, сравнивала с землей могильные холмы и засыпала ямы⁵. Во второй половине 1920-х гг. шли работы по озеленению территории нового городского сада имени В. И. Ленина. В 1930 г. платные массовые гуляния в саду продолжались с шести часов вечера до часу ночи. В 10 часов вечера начинались танцы под музыку духового оркестра. В то же время некоторые горожане жаловались на плохую организацию досуга курганцев: «в саду царит хулиганство,

---

¹ Красный Курган. 1928. 11 сент.

² Красный Курган. 1928. 11 сент.

³ Васильева А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение Куртамыш, 2013. С. 161.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 6915. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

пьянство, деревья охраняются плохо. Дети до 12 часов играют в прятки в саду, ломая деревья и топчя газоны. Игр никаких нет, хотя можно было бы организовать качели, городки, крокет, теннис, волейбол, кегли и целый ряд других игр. В саду темнота, нет радио, кино, негде даже купить пачку папирос, четыре ларька торгуют исключительно спиртными напитками, единственный ларек, который торгует квасом, расположен где-то в конце сада»¹.

Весной 1936 г. городские власти активно занялись реконструкцией сада имени Ленина. К открытию летнего сезона были подготовлены новые аллеи, посажены деревья, разбиты цветники, построены киоски и массовые аттракционы, а также киноплощадка на открытом воздухе. Была запланирована организация волейбольной и баскетбольной площадок, теннисного корта, городушечной, кегельбана и футбольного поля. Параллельно шла закладка парка культуры и отдыха² на месте бывшей свалки Битевки. Через месяц после открытия обновленного городского сада имени Ленина в газете вновь появляется отзыв о его неудовлетворительной работе: «50 копеек и входите в горсад..., ноги вязнут в песке, в воздухе пыль. С эстрады слышатся слабые звуки духового оркестра из 6 человек. Публика в большинстве стоит; скамейки есть, но они окрашены, и краска пристаёт к костюму. Идете закусить в павильон. Ассортимент павильона беден: за исключением мороженого и бутербродов там ничего нет.... На слабо освещенной до отказа переполненной площадке танцующий не всегда видит, с кем он танцует. В нескольких шагах от площадки идет бойкая торговля пивом. В углу сада разместилось кино, хуже места не нашлось. Экран мал, рамка ленты в него не вмещается, скамеек не хватает, зрители сидят на траве, на заборе и даже на колодце... На дорожках навалено столько песку, что ходишь, как в пустыне... Днем городской сад почему-то закрыт. Киоска с газетами и журналами нет.... Цены за вход слишком велики, а развлечений мало», – резюмировал автор газетной заметки³. В разгар летнего сезона 30 июля 1936 г. в Горсаду имени Ленина прошло большое массовое гуляние. С 10 часов вечера на эстраде был

---

¹ Васильева А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение Куртамыш, 2013. С. 166.

² Красный Курган. 1936. 21 мая.

³ Красный Курган. 1936. 18 июня.

объявлен конкурс на лучшее исполнение танцевальных и музыкальных номеров, танцы длились до одного часа ночи¹. В следующем году открытие летнего сезона городского сада было назначено на 30 мая. В этот день было вновь запланировано массовое гуляние и танцы до одного часа ночи под музыку духового оркестра². Вскоре после благоустройства Горсада имени Ленина был приведен в порядок заброшенный сад мясокомбината: силами этого учреждения построена эстрада, подготовлены волейбольная, баскетбольная и танцевальная площадки, поле для игры в крокет, приглашен духовой оркестр³.

Однако далеко не все сады города в это время были охвачены благоустройством. В заброшенном состоянии находились детский парк имени Красина по улице Советской, сад по Вольнопожарной улице. В 1938 г. в Новосеверном поселке площадка, отведенная для сада, была превращена в пастбище для скота⁴.

На всем протяжении межвоенного периода развитой площадкой для городских развлечений был ипподром. В 1923 г. после продолжительного перерыва, связанного с послереволюционной разрухой, курганский ипподром возобновил свою работу на новом месте – в черте города, в самом конце Гоголевской улицы. Загородная территория, на которой ранее располагался ипподром, была передана курганскому аэропорту. В день торжественного открытия ипподрома 7 октября 1923 г. здесь собралось огромное количество публики. Корреспондент местной газеты сообщает о двух тысячах присутствующих: рабочих, красноармейцах и крестьянах из ближайших деревень. Зрителей собралось так много, что у кассира не хватило билетов. По словам очевидца, «никогда раньше при старом режиме не бывало столько народа»⁵. О том, что конные бега пользовались большой популярностью у курганцев, свидетельствуют и воспоминания Александра Петровича Невзорова, который с 1939 по 1941 гг., в сезоны соревнований, работал конюхом при городском

---

¹ Красный Курган. 1936. 30 июля.

² Красный Курган. 1937. 30 мая.

³ Красный Курган. 1937. 4 июня.

⁴ Красный Курган. 1938. 5 июня.

⁵ Красный Курган. 1923. 11 окт.

ипподроме. «Это было очень популярно, – рассказывает Александр Петрович, – и дети, и взрослые, человек около двухсот собиралось... дети, мужчины и женщины, молодежь. Народу собиралось очень и очень много»¹.

Рысистые испытания или, говоря проще, бега традиционно проводились в теплое время (в разные годы с мая по октябрь). Об открытии сезона и последующих беговых днях руководство ипподрома сообщало населению заранее через газету «Красный Курган» и городские афиши. Время начала соревнований не было постоянным: бега могли начинаться в 10 часов 30 минут утра², в 12 часов³, в 1 час 30 минут дня⁴. Дирекция ипподрома старалась подать в газету привлекающее публику объявление: кроме традиционного спутника конноспортивных соревнований – тотализатора, посетителям предлагали буфет с горячими блюдами и места в ложе⁵. В 1931 г. входной билет на ипподром стоил 50 копеек, а место в ложе можно было получить, заплатив один рубль⁶. Кроме того, в кассе ипподрома все желающие могли сделать ставку на понравившуюся лошадь. Конюхи и наездники, готовившие жеребцов-победителей, по свидетельству А. П. Невзорова, получали неплохие премии по итогам бегового дня: «Были ставки... Получали мы от этого. Вот я конюхом был. Ну, выезжал когда на дорожку, получал: когда тридцать рублей за воскресенье, когда полсотни. За лошадей где-то получал рублей по шестьдесят по восемьдесят (которые... первые... вторые места занимали)»⁷.

В день открытия сезона на ипподроме, как правило, играл духовой оркестр, проводились танцы⁸. Такие мероприятия всегда имели успех. Например, 30 мая 1938 г. на открытии ипподрома присутствовало более пятисот человек⁹. Яркие афиши в местной газете также служили цели привлечения зрителей: ипподром

¹ Воспоминания Невзорова А. П. 1924 г. р. Записано в с. Шмаково Кетовского района Курганской области в январе 2015 г.

² Красный Курган. 1939. 17 окт.

³ Красный Курган. 1939. 24 сент.

⁴ Красный Курган. 1939. 29 авг.

⁵ Красный Курган. 1931. 27 сент.

⁶ Красный Курган. 1931. 27 сент.

⁷ Воспоминания А.П. Невзорова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 15.01. 2015 г., 29.01. 2015 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁸ Красный Курган. 1936. 23 авг.

⁹ Красный Курган. 1938. 1 июня.

сообщал об участии «лучших» или «резвейших» лошадей, давал анонсы особенно интересных бегах. Например, в августе 1939 г. курганцев приглашали посмотреть специальный женский заезд¹, а 24 сентября того же года в газете сообщалось, что жеребец «Бригадир выступает на побитие своего рекорда..., установленного в Москве»². Двумя годами ранее, в сентябре 1936 г. ипподром уведомлял зрителей о предстоящих интересных соревнованиях. Сообщалось, что 24 сентября 1936 г. на ипподроме будет разыгран «большой приз имени райисполкома», а 30 сентября «состоится реванш Наместника (наездник Фомичев) с Лидером (наездник Гагарин)»³. Те, кому не удалось побывать на ипподроме в этот день, могли узнать из газет, что на первое место вышел Наместник, получивший первый приз в размере 60 рублей⁴.

Продолжительность бегах зависела от количества участников испытаний. В 1930-х гг. на ипподроме зрители становились свидетелями десяти, пятнадцати и даже двадцати заездов с участием до пятидесяти лошадей⁵. Как правило, руководство ипподрома называло в афишах имена лучших лошадей, участвующих в бегах, что свидетельствует об их популярности среди зрителей. Например, в 1939 г. под зрительские аплодисменты выступали Непобедимый, Бригадир, Узбек, Боец, Орлик, Капризная, Бриллиант и другие лошади⁶. У курганской публики были свои любимцы и среди наездников. А. П. Невзоров работал с наездниками Гагариным и Шипуновым. В своих воспоминаниях он рассказывает о Михеиче – так на ипподроме называли наездника Давида Михалищева, и о Петре Филиппове⁷. Наездники выступали в специальных костюмах: «наездник или помощник наездника выезжают на дорожку уже в камзоле, под номером фамилия его...»⁸.

¹ Красный Курган. 1939. 29 авг.

² Красный Курган. 1939. 24 сент.

³ Красный Курган. 1936. 23 авг.

⁴ Красный Курган. 1936. 23 сент.

⁵ Красный Курган. 1939. 18 окт.

⁶ Красный Курган. 1939. 18 окт.

⁷ Воспоминания А.П. Невзорова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 15.01. 2015 г., 29.01. 2015 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой

⁸ Там же.

Ипподром был местом испытаний лучших лошадей, стекавшихся сюда из хозяйств многих районов будущей Курганской области¹. К примеру, только один Каширинский 7-й конезавод отправил в 1939 г. 12 лошадей на курганский ипподром². Многие местные жеребцы отправлялись на состязания в Свердловск, Москву³ и даже Хельсинки⁴. По воспоминаниям А. П. Невзорова, «все добрые жеребята шли через ипподром. Продавали там, прямо на ипподроме»⁵.

Сам ипподром представлял собой большую открытую площадку с дорожкой, деревянным административным зданием и конюшнями. Длина одного бегового круга здесь составляла 1600 метров⁶. В деревянном здании располагались дирекция, касса и места для зрителей, открытые со стороны дорожки. Однако зрительских мест, как правило, на всех не хватало, и люди располагались прямо вдоль беговой дорожки⁷. На самом верху здания ипподрома находилась радиорубка и судейская. Отсюда раздавались команды, объявляли заезды, а 22 июня 1941 г. присутствующим на ипподроме курганцам сообщили о начале Великой Отечественной войны⁸.

Большой популярностью у посетителей ипподрома пользовались испытания тяжеловозов, в которых могли принять участие все желающие. А. П. Невзоров дает подробное описание этой процедуры: «его [тяжеловоза] запрягут в телегу, там человек шесть-семь подсаживаются. Он идет, топ-топ (он не бегаёт). А тут подсаживаются друг на дружке на телеге, мешки бросают... с песком.... Сколько он может увезти, интересно». Курганский ипподром предлагал и некоторые развлечения для детей – ребята могли здесь покататься на небольших мохнатых мулах или ослах⁹.

А. П. Невзоров сообщает также, что до Великой Отечественной войны при ипподроме организовывали экскурсии на лошадях по местам Курганского района,

---

¹ Там же.

² Красный Курган. 1939. 18 мая.

³ Там же.

⁴ Воспоминания А.П. Невзорова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 15.01. 2015 г., 29.01. 2015 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

где в годы гражданской войны проходили бои. В 1939–1941 годах эти экскурсии были эпизодическими, но в послевоенный период стали проводиться регулярно¹.

В межвоенные десятилетия XX века Курганский ипподром был не только местом испытаний лучших лошадей района, но и служил горожанам замечательным местом отдыха. Каждое воскресенье бегового сезона здесь собиралось от двухсот до пятисот зрителей. Завсегдатаи и новички могли найти здесь как удовлетворение своих спортивных и азартных интересов, так и хорошо организованное развлечение.

Советская власть активно пропагандировала массовый спорт. 25 мая 1924 г. в Кургане на спортивной площадке состоялось открытие летнего спортивного сезона. Мероприятие было торжественным, в духе новых советских праздников: оркестр исполнил Интернационал, секретарь союза молодежи выступил с речью, в которой призвал всех юношей и девушек участвовать в спорте. Финалом спортивного праздника стал футбол – «особая игра в мяч», – уточнялось для обывателей. Городская команда выиграла этот матч у железнодорожников². Очевидно, что футбол постепенно набирал популярность у курганцев, поскольку летом 1927 г. уже проходило первенство города по футболу среди пяти команд профсоюзов³. В это время в городе также существовал физкультурный клуб «Спартак», открывший прокат лыж для взрослых и детей⁴, проводивший шахматные вечера⁵.

В первые годы советской власти курганцы знакомятся с велосипедным спортом. В 1923 г., по воспоминаниям современника, была создана спортивная велосипедная секция, насчитывающая вначале около десяти членов. В середине 1920-х гг. число спортсменов выросло до 50 человек. «Обладатели собственных велосипедов всех типов и марок организовывали поездки за Тобол, на Увал, в Карчевскую рощу, – писал в своих мемуарах В. С. Коржев – Даже организовывали велогонки... по улице Советской на глазах у изумленных

---

¹ Там же.

² Красный Курган. 1924. 27 мая.

³ Красный Курган. 1927. 2 авг.

⁴ Красный Курган. 1927. 18 янв.

⁵ Красный Курган. 1927. 19 мая.

жителей. Впоследствии выступали в велогонках на каждом празднике..., проводимом в Кургане на ипподроме»¹. В 1939 г. обладателями велосипедов были уже 1140 курганцев².

Начало 1930-х гг. оказалось тяжелым временем для всей страны. Не стала исключением и физкультурная работа, которая, по сообщению современника, в Кургане в это время «совершенно замерла: стадион не оборудован, спартакиада провалена.... Клубы закрыты. Клубы татбаш, железной дороги и другие за летний период совершенно не проводили никакой работы с молодежью...»³. Малый охват молодежи культурно-массовой и спортивной работой обсуждался членами горсовета и в 1938 г.: отмечалось, что среди работников железной дороги лишь единицы вовлечены в физкультурное общество «Локомотив», а на спиртовом заводе созданное общество физкультуры за три месяца своего существования не провело ни одного занятия⁴. В то же время футболисты «Локомотива» в шести матчах лета-осени 1938 г. не знали поражений и, более того, одержали победу в играх с командами Шадринска и Челябинска⁵.

Летом 1937 г. в Кургане проходили и соревнования по баскетболу и волейболу среди женских и мужских команд обществ «Локомотив», «Динамо», «Спартак», «Стрела», газетной школы, школы № 12. Волейбольные игры шли на площадках в городском саду и на стадионе общества «Локомотив»⁶. В это же время прошла районная детская спартакиада: юноши и девушки 14–15 лет и 16–17 лет на площадках городского сада соревновались в беге, прыжках, стрельбе, метании гранаты и смешанных эстафетах⁷. Год спустя газета сообщала о массовой сдаче норм ГТО на стадионе «Локомотив»⁸.

Первого января 1938 г. на Тоболе близ улицы Кирова для курганцев был открыт хорошо оборудованный каток с хоккейным полем и беговыми дорожками.

---

¹ ГАСПИКО. Ф. 6915. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

² Красный Курган. 1939. 4 окт.

³ Красный Курган. 1932. 10 сент.

⁴ Красный Курган. 1938. 23 июля.

⁵ Красный Курган. 1938. 17 окт.

⁶ Красный Курган. 1937. 26 июня.

⁷ Красный Курган. 1937. 3 авг.

⁸ Красный Курган. 1938. 18 сент.

К катку были проведены радио и электричество, организован буфет, а в день открытия играл духовой оркестр¹.

Для пропаганды и укрепления идей социализма в обществе власть выбрала объектом прицельного воздействия детей и подростков. Одним из инструментов стала организация летнего отдыха ребят. Пионерские походы и стоянки на природе, ставшие прообразом будущих стационарных пионерских лагерей, появились в Кургане в первой половине 1920-х гг., когда в городе зародилось и быстро росло пионерское движение. Если весной 1924 г. первый городской пионерактив насчитывал 32 члена, то к ноябрю этого года в городе и на станции Курган было уже 25 пионерских отрядов². В железнодорожной школе в пионеры в конце 1923 г. записались около 20 детей³.

Уже летом 1924 г. пионеры отряда имени Н. К. Крупской железнодорожной школы отправились на отдых в деревню Санино, расположенную в 12 км к югу от города Кургана. «Шли пешком, босиком. Со знаменем, горном, барабаном. Шла подвода с продуктами, журналом «Безбожник» и нашим имуществом: мешок для постели, ложка, чашка. Шли строем с песнями»⁴. Детям отвели два амбара для сна: один для девочек и второй для мальчиков. Ребята спали на полу, на мешках, набитых соломой. Руководители лагеря поселились в палатках. Лагерь включал в себя сделанный ребятами стол, колья для котла и место для костра. Еду дети готовили по очереди – назначали дежурных. Во время отдыха в лагере пионеры знакомились с населением, читали деревенским жителям журнал «Безбожник», играли в бабки, мяч, лапту, рассказывали стихи и загадывали загадки. Летом следующего года дети железнодорожников отдыхали на Увале, в 7 км от города в разрушенных белочехами дачах. Здесь были дома с резными украшениями, церковь, колодец, пруд, турник. Еду, как и годом ранее, пионеры готовили самостоятельно на костре, спали в домах на мешках, набитых травой. Отдыхали активно: бегали, занимались на турнике, купались в пруду и загорали, проводили костры, собирали ягоды и грибы. После голода начала 1920-х гг. детям было

---

¹ Красный Курган. 1938. 1 янв.

² Красный Курган. 1932. 23 мая.

³ Музей Кетовского Детско-юношеского центра. Воспоминания Лагун-Неустроевой Е. Г.

⁴ Там же.

важно питание: «Белый хлеб с маслом и сахаром. Чай с молоком. Иногда молоко с белым хлебом. Ели, сколько хочешь», – вспоминала пионерка 1920-х гг.¹.

В 1930-х гг. курганские ребята во время каникул отдыхали в селе Бараба в 30 км к югу от города². В 1936 г. по решению райкома в селе Введенском около города Кургана был построен дачный детский городок. Летние домики, а также баня, кухня и столовая были расположены на берегу реки Черной у соснового бора³. Здесь дети ходили в походы, рыбачили, купались, играли в песочнице, собирали ягоды и грибы, разучивали песни и танцы, проводили спортивные соревнования и военно-спортивные игры. Обязательными были дневной сон, хорошее питание и взвешивание по итогам смены. Большие общелагерные костры проходили в торжественной атмосфере: «после спуска флага весь лагерь с песнями под звуки горна и бой барабанов пошел за речку в сосновый бор, к костру. Пять пионеров зажгли костер... Все прокричали: «Привет нашему пионерскому костру! Ура!». А затем еще дружнее и громче: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Спели «Песню о родине». Затем мальчики и девочки внимательно слушали беседу старшего вожатого о героях Советского Союза⁴. Итогом физкультурной подготовки в пионерском лагере была сдача норм на значки ГТО, ПВХО⁵.

Во второй половине 1930-х гг., реализуя установку «жить стало лучше, жить стало веселее», власти уделяют внимание детским праздникам. Так, встречая новый 1936 г., воспитанники одного из городских детских садов впервые в жизни увидели и были «приятно изумлены красивым убранством елки, массой игрушек и горящих свечей»⁶. В организациях начинает складываться традиция проведения новогодних елок для детей сотрудников. Так, в январе 1939 г. была организована елка для детей членов союза потребкооперации. На празднике дети пели, читали стихи и получили подарки – сладости и игрушки⁷. В 1940 г. в

---

¹ Там же.

² Красный Курган. 1938. 12 июня.

³ Красный Курган. 1935. 26 окт.

⁴ Красный Курган. 1937. 10 авг.

⁵ Красный Курган. 1938. 12 июня.

⁶ Красный Курган. 1936. 9 янв.

⁷ Красный Курган. 1939. 6 янв.

Курганской технической железнодорожной школе состоялась елка для детей рабочих и служащих школы, где ребята также играли, рассказывали стихотворения и получили подарки¹.

В 1920-1930-е гг. власть уделяет самое пристальное внимание подрастающему поколению советских граждан, не только охватывая их школьным обучением и содействуя становлению пионерского движения, но и организуя летний отдых детей и подростков. Если в начале 1920-х гг. материальная база для проведения организованного досуга юных курганцев фактически отсутствовала, то в середине 1930-х гг. городские власти изыскивают возможности для создания инфраструктуры летнего детского отдыха. Неизменной оставалась идеологическая составляющая воспитания будущих строителей социализма.

Охарактеризованные выше практики публичного досуга поддерживались и контролировались властью: постепенно выделялись средства на развитие досуговой инфраструктуры, события культурной жизни города активно освещались в местной прессе.

Частный досуг жителей города Кургана в межвоенные десятилетия остается сферой, в источниках практически не отраженной, что обуславливает фрагментарность исследования. Можно выделить несколько форм частного досуга курганцев: домашние посиделки в дружеской компании, рыбалку, охоту, купание в водоемах.

Источники фиксируют обстановку домашнего досуга, где проходили доверительные беседы друзей и знакомых. К примеру, в 1933 гг. в квартире одного из заведующих курганских школ собиралась компания близких знакомых. Вечера проходили «на общие средства, то есть вскладчину... говорили анекдоты, иногда и современные... разговоров больше было о том, что продукты питания вздорожали, недостаточно пайка получаем»².

---

¹ Красный Курган. 1939. 10 янв.

² ГАСПИКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 155. Л. 13.

В начале 1930-х гг. грузинские меньшевики, находясь в ссылке в Кургане, проводили свой досуг совместно: почти ежедневно собирались для обсуждения актуальных политических тем, игры в нарды и чтения писем товарищей¹.

Менее политизированным был частный досуг курганских студентов: сохранились воспоминания о том, как юноши – студенты педучилища – в выходные дни ходили к девушкам в общежитие играть в «почту»: «писали записки с тайными намеками и посылали их по кругу»².

Теплыми вечерами курганские обыватели могли отдохнуть под окнами на свежем воздухе в компании соседей или знакомых с музыкальным сопровождением. Популярны были песни под аккомпанемент гармони – народные песни «Барыня», «Коробочка», «Светит месяц» и другие³. Во второй половине 1930-х гг. патефоны в квартирах курганцев были редкостью. Послушать мелодии патефона «Тихо звенит колокольчик», «Евгений Онегин», «Запорожец за Дунаем» собирались семьями и соседями⁴. Житель города Кургана Анатолий Севастьянов шестнадцатилетним юношей в свободное время в одиночестве подолгу разучивал мелодии на двухрядной гармошке⁵.

Известно, что ловля рыбы на удочки в 1930-е гг. была развлечением не только детей, но и взрослых мужчин и женщин⁶. Курганец В. Е. Кунгуров рассказал о том, как во второй половине 1930-х гг. они с братом, будучи детьми, помогали рыбачить отцу на озере близ Увала: ставили сети, морды, пугали рыбу боталом⁷. Некоторые горожане увлекались охотой и держали для этой цели обученных собак⁸.

Еще одним местом летнего отдыха курганцев были берега Тобола. В июне 1927 г. местной в газете была опубликована заметка о необходимости выделения мест для женского купания. В ней сообщалось, что по всему берегу купаются

¹ ГАСПИКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 4559. Л. 60.

² Севастьянов, А. С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись] // Из личного архива К.Ю. Кладовой.

³ Красный Курган. 1936. 9 авг.

⁴ Красный Курган. 1936. 9 авг.

⁵ Севастьянов, А. С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись] // Из личного архива К.Ю. Кладовой.

⁶ Красный Курган. 1936. 9 авг.

⁷ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁸ Красный Курган. 1940. 4 сент.

одни мужчины, а для женщин «совершенно нет места»¹. В начале августа 1936 г. на берегах Тобола купались, катались на лодках и закалялись на берегу сотни взрослых и детей². Два года спустя в разгар купального сезона газета сообщала о том, что берега реки не подготовлены для купания, дети и молодежь находят там битые стекла и мусор³. Во второй половине 1930-х гг. курганские ребята купались купались рядом с деревянной плотиной у улицы Кирова, причем дети забирались на самую плотину и спускались вместе с водой в лоток⁴.

Частный досуг взрослых курганцев включал в себя многочисленные практики: от охоты и рыбной ловли до настольных игр и слушания патефона. Выходцы из деревень привносили в городской досуг традиции посиделок под окнами в сопровождении гармони. Публичный досуг горожан, взятый под идеологический контроль, был не менее разнообразен и включал такие практики, как посещение театра и кино, музея, чтение, досуг под открытым небом в парках и на ипподроме. Дети и подростки имели возможность посещать загородные пионерские лагеря.

---

¹ Красный Курган. 1927. 16 июня.

² Красный Курган. 1936. 9 авг.

³ Красный Курган. 1938. 28 июля.

⁴ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

4.2. Девиантный досуг курганцев

В молодом советском государстве борьба за «новый быт» шла рука об руку с преследованием девиантных форм поведения. Культурный досуг граждан советская пропаганда прежде всего противопоставляла «безобразиям» пьянства, хулиганства, азарта и продажной любви.

В отечественной историографии давно утвердились исследования такой формы девиантного поведения, как преступность. В последнее время появляются работы по изучению форм девиантного досуга, к которым отечественные историки, вслед за канадским исследователем Р. Стеббинсом, относят «способы рекреации, не требующие внесения изменений в принятый образ жизни и не угрожающие социальным или политическим устоям, а лишь преследующие цель получить удовольствие»¹. На практике многие разновидности девиантного досуга могли быстро обрести форму, угрожающую производственному процессу или культурному строительству, или вовсе завершиться преступлением. Примечательно, что сами современники 1920-1930-х гг. из числа руководящих работников разделяли, к примеру, «систематическое пьянство» и «пьянство, не отражающееся на работе»², пытаясь обозначить приемлемые для общественности формы досуга.

Учитывая разнообразие форм девиантного поведения и, соответственно, девиантного досуга, автор настоящего исследования попытался выделить основные формы негативной девиации, характерные для г. Кургана 1920-1930-х гг. Заранее поясним, что ряд форм девиантного досуга (пьянство, хулиганство и др.) власть и общество относили к категории негативных. Однако пропагандируемое советской властью отнесение религиозности к негативной форме отклоняющегося поведения не нашло поддержки среди курганского населения.

---

¹ Сидорчук И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда)// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 25

² ГАСПИКО Ф 10. Оп.1. Д. 416 Л. 76

Официальная пропаганда, поддерживаемая женской половиной жителей Кургана, осуждала такие пороки, как пьянство, хулиганство, азарт и связи с проститутками. Самым распространенной формой девиантного досуга в Кургане 1920-1930-х гг. было пьянство. Питейные заведения города были популярным местом времяпрепровождения курганцев. Так, в 1924 г. после жалоб горожан в газету власти закрыли одно из подобных заведений, но его посетители нашли другое место для досуга: «пьяный шум, ругань и другие безобразия с закрытой «Звезды» перешли в пивную инвалидов», - сообщала газета¹. Часть горожан проводила и религиозные праздники в атмосфере пьянства. Так, в канун пасхи 1925 г., по словам начальника милиции, «весь город был пьян... Отличились служащие Промкомбината. В этот день они устроили вечер и перепились по дешевке до чертиков»². Рождественский праздник 1927 г. «по Советской улице, стараясь перекричать друг друга и погоняя лошадь кнутом, в пьяном угаре мчались в кошечках группы гуляк. Вечером из приглушенных ставнями окон неслись звуки гармошки, которой вторил гул нестройных голосов. Курганцы праздновали рождество на дому по-старому... Милиция в эти дни была занята, как никогда: первый день рождества преподнес ей 11 граждан во всей красе праздничного вида и настроения...»³. Массовое пьянство в дни религиозных праздников было распространено не только в Кургане. К примеру, многие жители Ижевска в 1920-е гг. праздновали пасху «по-старому», обильно употребляя спиртное⁴.

Пьянство и сопутствующее ему поведение было распространено среди всех слоев городского населения. Рабочие и служащие нередко открыто предпочитали алкоголь «культурному» досугу: получив билет на клубный вечер, отдавали его детям, а сами шли в пивную. «Рабочие и служащие находят время и средства

¹ Красный Курган. 1924. 14 окт.

² Красный Курган 1925. 24 апр.

³ Красный Курган. 1927. 13 янв.

⁴ Блинов М. Л. Пьянство как социальное явление советского города в 1920-е год (на материалах Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013. Вып. 3. С. 142.

посещать пивные»¹, «едва рабочие получают жалование, как заходят в пивную»², - констатировали современники.

В пьянстве могли провести свой досуг работники сферы культуры. Так, в 1926 г. сообщалось о «безобразиях» в клубе Карла Маркса: «есть у железнодорожников клуб, есть оркестр духовой музыки, есть музыканты... Немного их, всего четыре человека, а беспорядков от них больше, чем от белогвардейской роты. Напьются пьяными, анаши накурятся и поднимут дым коромыслом. Матом сыплют... Правление не отстаёт...»³. Члены правления клуба провели майские праздники в компании алкоголя, не организовав для железнодорожников обещанный кинопоказ, сорвав тем самым «культурный» досуг рабочих. В 1929 г. героем газетного фельетона стал актер городского театра, который в пьяном виде устроил скандал в городском саду, бил стекла в школе и вырвал лампочку в отделении милиции⁴. В 1931 г. артисты клуба Курганского промсоюза исполняли свои обязанности в состоянии опьянения⁵. В 1939 го. музыканты оркестра городского театра были также заподозрены в выступлениях в нетрезвом виде⁶.

Такая форма времяпрепровождения, как пьянство, увлекла и часть представителей местной политической элиты. В 1927 г. из 45 членов партии, привлеченных к ответственности за партийные нарушения согласно Уставу ВКП(б)⁷, 25 человек были привлечены именно за пьянство, в том числе сопряженное с разными «художественными выкрутасами»⁸: связью с проститутками, стрельбой из револьверов, приходом в пьяном виде на службу. В 1930 г. был привлечен к партийной ответственности начальник Исправдома, член ВКП (б) с десятилетним стажем за то, что он с женой выпивал и исполнял песни нецензурного содержания в компании знакомого и его жены: «пирушка

¹ Красный Курган. 1927. 15 марта

² Красный Курган. 1927. 4 авг.

³ Красный Курган. 1926. 20 мая

⁴ Федорова В.П. Вопросы культуры в зауральской прессе 20-30-х годов XX века (к истории региональной журналистики). Курган, 2008. С 237.

⁵ Красный Курган. 1931. 28 окт.

⁶ Красный Курган. 1939. 23 окт.

⁷ Устав ВКП(б) с поправками от 17 июня 1926 г.// Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925-1935. М., 1936. С. 82-92. С. 91.

⁸ Красный Курган. 1927. 12 мая.

продолжалась до 2-х часов ночи в сопровождении орания похабных песен»¹, - значилось в протоколе партийной комиссии.

Стоит повторить, что формы девиантного досуга легко перерождались в формы асоциального поведения граждан: так увеселительная прогулка в парке в состоянии алкогольного опьянения могла сопровождаться хулиганскими выходками и закончиться дракой, прогулом работы. С другой стороны, ввиду распространенности среди всех слоев городского населения пьянства как формы досуга трудно сказать, в каких случаях досуг в глазах руководства партии или предприятия, граждан превращался в антиобщественную форму поведения.

Случаи алкогольного и наркотического опьянения фиксировались в том числе и в молодежной среде. Как правило, пьянство юношей сопровождалось хулиганскими выходками. Так, в 1924 г. сообщалось, что «группа молодых людей, напившись пива и одурманив себя курением анаши, хулиганила весь вечер в районе Смолинского поселка»². «Развлечения» хулиганов были самыми разнообразными: драки, битье окон, срыв культурных мероприятий, сквернословие, складывание под девичьими окнами падали разных животных³. В 1928 г. газета писала о беспорядках в столовой Рабкопа, где в вечернее время царит «диктатура пьяных и подвыпивших... В воздухе пахнет пивом и скандалом... Об этом всегда заботится сгрудившаяся у входа в столовую хулиганская молодежь»⁴. Десятилетие спустя курганский ресторан Челябинторга, по выражению члена Горсовета, был превращен в «старый кабак...там люди пьют до потери сознания, тут же валяются пьяные, хулиганят»⁵. Летом очагами пьяного досуга в Кургане были сады и скверы. В 1930-х гг. пьяные компании собирались в полузаброшенном садике у собора по улице Кирова⁶, в саду промкооперации по Вольнопожарной улице⁷ и других местах. По сообщению члена горсовета, в городском саду водку и другие спиртные напитки продавали

¹ ГАСПИКО. Ф 10. Оп.1. Д. 416 Л.18.

² Красный Курган.1924. 11 окт.

³ Красный Курган. 1924. 24 мая.

⁴ Красный Курган.1928.14 авг.

⁵ Красный Курган. 1938. 2.3 июля.

⁶ Красный Курган. 1935. 11 июня.

⁷ Красный Курган.1928. 23 июня.

даже детям¹. Этот же источник сообщал, что в привокзальном поселке Северном вечерами «слышны или визг залихватской гармошки, или пахабная брань подвыпивших хулиганов»². Хулиганство могло завершиться покушением на человеческую жизнь: 23 февраля 1936 г. в общежитие педтехникума ворвалась группа пьяных молодых людей с целью отомстить за своих приятелей, ранее осужденных за покушение на жизнь девушки; в общежитии произошла драка, нападающие разломали печь и нанесли ножевые раны одному из студентов³.

Среди истоков городского хулиганства исследователи называют проникновение деревенских практик поведения, выражение протеста и стремление молодежи заявить о себе, а также бескультурье, невоспитанность части молодежи⁴. Бесспорно, Курган, как и другие города Советского Союза, в 1920-1930-е гг. массово пополняли выходцы из деревень, однако уровень культуры молодежи в самом городе в этот период был низким. В 1928 г. в Кургане с населением менее 30 000 человек около 3000 молодых горожан (от 16 до 35 лет) оставались неграмотными и не обучались на ликпунктах⁵. Можно предположить, что сельская молодежь, лишенная в городе сдерживающих механизмов в лице представителей старшего поколения, легче попадала под влияние «низменных страстей». На заседании первичной парторганизации ВКП(б) Курганского машиностроительного завода отмечалось, что «общежитие [для рабочих машзавода – К.К.] находится в антисанитарном состоянии, грязно совершенно не оборудованное стульями, кроватями, постельными принадлежностями, вешалкой, посудой, тумбочками. Культурно-массовая работа в общежитии среди рабочих не ведется и как результат этому в общежитии молодежь занимается пьянством, картежной [игрой – К.К.] и т.д.»⁶.

Власти усматривали корни хулиганства в отсутствии развитой культурной работы. «Основной корень зла, - подчеркивалось членами Горсовета в 1938 г., -

---

¹ Красный Курган. 1938. 23 июля.

² Там же.

³ Красный Курган. 1936. 28 февр.

⁴ Сидорчук И. В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 150.

⁵ Красный Курган. 1928. 2 марта.

⁶ ГАСПИКО Ф. 3876. Оп. 1 Д. 1. Л. 13.

отсутствие культурно-массовой работы. Клубы, красные уголки не везде работают. Трудящимся негде провести культурный отдых»¹. Однако случаи пьянства и хулиганства имели место даже в учреждениях культуры. Так, в помещении для игры в бильярд в кинотеатре «Рабочее кино» нередко были драки². В 1939 г. пьяные хулиганы неоднократно затевали драку прямо на открытии зимнего театрального сезона³. В городском театре, где в 1939 г. до 10 часов вечера отсутствовало электричество, «ввиду темноты много хулиганства, пьянства и всего, что угодно», - сообщала газета⁴.

Еще одним девиантным развлечением курганцев были азартные игры. В 1924 г. при городской толкучке существовал притон, где играли в лото по 125 человек и более. «Есть случаи проигрыша всего месячного заработка, - сообщала газета. - В укромных уголках (в нужнике) снимается и тут же продается «барахольщику» последняя рубаха, пояс и т.д. Там же – сборище подозрительных женщин⁵. Удовлетворить азарт более культурным способом курганцы могли на ипподроме, в кассе которого официально принимались ставки на лошадей.

В исследуемый период в Кургане часть мужского населения пользовалась услугами проституток. Известно, что в 1926 г. в Кургане рассматривалось дело притоносодержательницы: женщина с семьей из семи человек, испытывая материальные затруднения, поселила в своем доме трех женщин, занимающихся проституцией⁶. Год спустя газета сообщала о «больных явлениях...среди батрачек, которые массой приходят в город на жительство»⁷. Был описан конкретный случай, когда девушка-комсомолка из Варгашинского района, приехав в город, не смогла найти работу и была вынуждена торговать собой. Равнодушие к ее судьбе со стороны комсомольской организации, исключившей девушку из своих рядов, вызвало критику курганской общественности⁸. Нередки были случаи обсуждения на заседаниях партийных комиссий склонности к

---

¹ Красный Курган. 1938. 23 июля.

² Красный Курган. 1928. 4 авг.

³ Красный Курган. 1939. 6 окт.

⁴ Красный Курган. 1939. 23 окт.

⁵ Красный Курган. 1924. 7 февр.

⁶ Красный Курган. 1926. 16 нояб.

⁷ Красный Курган. 1927 26 мая.

⁸ Там же.

«половой распущенности» мужской половины курганских партийцев¹. Проблема проституции в среде бывших комсомолок, оставшихся без работы, сохранялась на протяжении 1930-х гг., в частности, подобные случаи обсуждались в 1937 г. на заседании ЦК ВЛКСМ².

Среди детских «забав», осуждаемых культурной общественностью, но разрешаемых работниками сферы коммунального хозяйства, было вешание пойманных бездомных собак на городской скотобойне³.

Если вышеперечисленные формы девиантного досуга встречали негативную оценку со стороны власти и общества, то в отношении религиозности единой позиции не сложилось. Часть населения Кургана, несмотря на антирелигиозную пропаганду, оставались православными и посещали богослужения в трех городских храмах. В начале 1930-х гг., характеризуя религиозные настроения общественности в статье под заголовком «В советском городе не должно быть поповского звона», корреспондент местной газеты отмечал, что «в Кургане не чувствуется борьбы с этим дурманом. Попы, как и встарь, с утра до вечера брякают в колокола, всячески продолжают затемнять несознательное, отсталое население, не получая отпора в этом со стороны безбожников»⁴. Антирелигиозная пропаганда не действовала на старшее поколение горожан, в чьих сердцах, по выражению корреспондента 1920-х гг., «искра божья не угасла»⁵. Однако в этом вопросе власть сделала ставку на подрастающее поколение, объявляя религиозность негативной девиацией и заменяя ее для молодежи ценностями коммунистической идеологии. Образование с акцентом на коммунистическое воспитание смогло вытеснить религию не только из детских сердец, но и из умов сомневающейся молодежи. Курганский краевед И. А. Ленский-Зыков в воспоминаниях о годах своей молодости, в частности об учебе в Совпартшколе в начале 1920-х гг., отметил, что «до школы я был хотя и плохим,

---

¹ ГАСПИКО Ф 10. Оп.1. Д. 416 Л.36. Л. 76.

² РГАСПИ. Ф. м-1. Оп. 5. Д. 54. Л. 102.

³ Красный Курган. 1926. 24 июля.

⁴ Красный Курган. 1931. 10 мая.

⁵ Красный Курган. 1923. 26 янв.

но верующим, а по окончании школы стал активным атеистом (безбожником)»¹. Если в окружении И. А. Ленского-Зыкова представители старшего поколения оставались верующими, то можно предположить или конфликт, или молчаливое неприятие ими взглядов молодого безбожника.

Таким образом, пьянство и хулиганство было осуждаемо не только советскими идеологами, но и значительной частью городской общественности. Однако на протяжении 1920-1930-х гг. пьянство оставалось широко распространенным явлением среди всех слоев курганского населения. Этому недугу оказались подвержены как рядовые рабочие, которые нередко предпочитали алкоголь культурным формам времяпрепровождения, так и представители местной партийной элиты.

В молодежной среде среди форм негативной девиации лидировало хулиганство в самых различных формах: от запугивания падалью девушек до драк с нанесением ножевых ранений. Очагами хулиганства были заброшенные городские сады и улицы отдаленных от центра поселков. Местные органы власти в качестве главной причины распространения хулиганства в Кургане видели слабый охват молодежи «культурными» формами досуга. Развитию этого явления способствовали также массовый приток в город выходцев из деревень, лишенных на новом месте традиционного контроля, и оказавшихся в условиях общего низкого уровня грамотности и культуры курганской молодежи этого периода.

Подводя итоги, отметим, что повседневный досуг курганцев в межвоенный период включал в себя разнообразные культурные практики. Их выбор зависел от возраста горожан, уровня образования, материального достатка семьи и других факторов. Огромной популярностью у взрослых и детей пользовалось кино, ставшее в 1930-е гг. звуковым. В 1920–1930-е гг. в Кургане, как и по всей стране, растет количество кино- и радиоустановок, транслирующих ценности старой и новой эпохи, активно содействуя формированию образа «нового советского человека». Театральные и цирковые представления также пользовались успехом у курганской публики. Драматические и музыкальные спектакли, оперные

---

¹¹ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

постановки, творчество профессиональных и самодеятельных актеров – все это было в театральной жизни Кургана межвоенного периода. На смену стационарному курганскому цирку, закрытому в начале 1920-х гг., приходят гастролирующие цирковые артисты, неизменно привлекающие большое количество публики всех возрастов. По мере повышения уровня грамотности среди курганского населения росла и популярность чтения. Закономерно, что самыми активными читателями становились дети и молодежь, как наиболее охваченные программой всеобщего образования.

В межвоенные десятилетия в Кургане идет закладка новых садов и парков. Советская идея организации парков культуры и отдыха заключалась в создании мест для досуга взрослых и детей с развлекательным, познавательным и спортивным уклоном. Три крупнейших парковых пространства современного городского центра были организованы именно в этот период. В то же время в Кургане садам и скверам далеко не всегда был обеспечен необходимый уход: нередко они становились заброшенными очагами пьянства и хулиганства. В весенне-летний период большой популярностью у курганцев пользовалось посещение ипподрома. Конноспортивные соревнования были хорошо организованы и сопровождались тотализатором, испытаниями тяжеловозов, детскими катаниями и другими развлечениями.

Борьба советской власти с пьянством и хулиганством в городе Кургане шла на всем протяжении 1920-1930-х гг. при содействии общественности. Отнесение религиозности к негативным формам девиации не нашло поддержки среди старшего поколения горожан, однако вопрос по закрытию храмов Кургана был решен резко и бескомпромиссно в 1930-е гг. в период расцвета тоталитаризма. Среди молодежи утверждалось отношение к верующим как к «несознательным» и «отсталым» представителям ушедшей эпохи.

В стремлении взять под контроль общественную жизнь советская власть не оставляла без внимания сферу публичного досуга: определяла идейное направление литературы, театра, кино, пересматривала нормы «культурного» и «некультурного» поведения, организовывала и активно наполняла

идеологическим содержанием детский отдых. Советское государство вступило на путь серьезной социальной трансформации. На этом пути рушились вековые традиции, и формировался образ нового советского человека.

5 СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

5.1. Мужчина и женщина в семье

С приходом к власти большевиков под ударом их идеологической пропаганды оказались ценности патриархальной семьи, религиозность и традиционные представления о месте женщины в обществе. Советское законодательство первых послереволюционных лет в сфере половых взаимоотношений позволило ряду иностранных исследователей того времени признать СССР самой сексуально свободной страной в мире¹.

В середине 1920-х гг. в городе Кургане наблюдался дисбаланс в соотношении полов. В 1925 г. здесь насчитывалось 10128 (46,8 %) мужчин и 11570 (53,2 %) женщин², что характерно и для Урала в целом, где доля женского населения также превышала долю мужского, хотя разрыв между ними в уральских городах постепенно сокращался³. Преобладание женского населения в Кургане отмечалось и в 1939 г.: 52,1 % женщин и 47,9 % мужчин⁴.

Призывая курганских женщин к участию в политической жизни, местная пресса описывала картину их повседневности мрачными красками: «революция меня не освободила от кухни, от вечной беременности, возни с ребятами и всех тех домашних мелочей, которые съедают мою жизнь. И я не хочу освободиться от них, как не могу перестать быть матерью... Несмотря на 5 лет революции, женщина все еще терпит страшные унижения мужей, нередко подвергаясь «потасовкам» и т.д. даже со стороны сознательных лиц нашего времени и, по обычаю церкви («муж глава жены есть») молчит»⁵. Давая явно отрицательную оценку женским домашним заботам («давят ее жизнь и старят ее раньше

¹ Анисимова Л.Ю. Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20-30-е гг. XX в// Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 223.

² Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. С. 33.

³ Журавлева В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20-30-е годы XX века// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7(47). С. 47-51. С. 48-49.

⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года// Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения 31.08.2019).

⁵ Красный Курган 1922. 19 окт.

времени»¹), советские идеологи в то же время признают их значимость для самих женщин («это можно сделать, оставаясь в то же время хорошей девушкой, женой и матерью хозяйкой»²), подчеркивая, что «путь освобождения от тяги к кухне» лежит через «участие в политической жизни страны»³. Картину «рабского» существования женщины дополняют газетные публикации о заключении браков вопреки воле женщин: «сейчас и в городе, и в деревне время массовых свадеб. Все эти свадьбы совершаются по старым обычаям. Женщину...«пропивают», как говорят и «продают»»⁴.

Источники фиксируют практики заключения курганцами церковных и гражданских браков, а также внебрачного сожительства. Краевед Иван Афанасьевич Ленский-Зыков в воспоминаниях о своем первом браке отметил, что союз этот был основан на искренних взаимных чувствах. В октябре 1920 г. коммунисты Иван и Анастасия зарегистрировали брак в ЗАГСе Арлагульского волисполкома. Родители жены вызвали дочь в город Курган и в ультимативной форме потребовали или обвенчаться, или расторгнуть брак. Сестра супруги уговорила молодоженов тайно обвенчаться в Троицкой церкви г. Курска. «Венчал нас согласно канонов православия, - пишет И.А. Ленский-Зыков, - рано утром 18 декабря 1920 года протоиерей отец Иван Редькин, сочувствовавший коммунизму в таких вот случаях. Он нам сказал: - «Иисус Христос» был основоположником на заре коммунизма». Так и произошло наше грехопадение в нарушение Устава РКП (б). Но что делать? В те годы это было у коммунистов-молодоженов обычным явлением. Церковный брак ничего не изменил в нашем мировоззрении, и мы оставались атеистами. Никто о нашем церковном браке из руководства партии не узнал...Когда из церкви мы приехали в Рябково, то родители Настеньки поставили нас на колени и благословили большой иконой божьей матери. Справили свадебный обед, только семейно без посторонних, но местный рябковский поп Петр Рычков явился в дом Поповых и отслужил молебен

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Красный Курган. 1923. 26 янв.

за здоровье новобрачных»¹. Если бы о венчании коммунистов стало известно местному партийному руководству, то вполне вероятно последовало бы исключение их из партии, что произошло в 1925 г. с курганским рабочим-жестянщиком, кандидатом в ряды ВКП (б)². Традиции заключения церковных браков в начале 1920-х гг. в Кургане оставались настолько сильными, что их вынуждены были соблюдать даже представители коммунистической молодежи, несмотря на угрозу партийного наказания.

В начале 1920-х гг. в Кургане встречаются случаи добровольного внебрачного сожительства: так, в 1925 г. мужчина в порыве ревности убил свою сожительницу, бросившую его ради другого после мимолетного знакомства на городском постоялом дворе³. Случай незарегистрированного двухлетнего сожительства коммунистов был зафиксирован в протоколе заседаний Курганской контрольной комиссии ВКП (б). При этом рассмотрению комиссией подвергался не сам факт этого сожительства, а обвинение мужчины в клевете на бывшую любовницу – распространении слухов о половой распущенности, пьянстве и бесхозяйственности женщины, в результате чего она была исключена из партии и вынуждена обратиться в суд⁴.

В это же время комиссией решался вопрос об исключении из рядов ВКП (б) тридцативосьмилетнего кладовщика Спиртзавода за пьянство. Дополнительным отрицательным обстоятельством было упоминание о том, что «жену крестьянку бросил с детьми, женился на дочери псаломщика»⁵. Комиссия учла многолетнее пребывание мужчины в ВКП (б), признание вины в пьянстве и данное им «слово, что больше пить не будет», ограничив наказание строгим выговором с предупреждением⁶.

В газете «Красный Курган» был опубликован обличительный фельетон о многоженстве и «издевательстве над советскими женщинами» заведующего избой-читальней Нижнеутятского сельсовета (в настоящее время в составе

¹ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

² ГАСПИКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 54. Л 2

³ Красный Курган. 1923. 25 дек.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп.1. Д. 416. Л. 75.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же.

городской черты), регулярно бросающего своих жен «на произвол судьбы»¹. Автор фельетона упоминает о пяти супругах избача и задается вопросом «как РОНО мирится с этим «культурником»?»².

В 1920-е гг. в Кургане сохранялись дореволюционные практики заключения брака: традиционная «продажа» невест, проведение церковных обрядов венчания даже в среде коммунистической молодежи. Постепенно в повседневную жизнь проникают практики регистрации браков только в органах ЗАГС. По словам Т.В. Козельчук и Е.В. Тершуковой, «только к концу двадцатых годов официальные документы оценили отношение общества к органам ЗАГС как «сознательное, ввиду усвоения населением необходимости регистрации в ЗАГСе»³. Кроме того, не сдает своих позиций нигде не зарегистрированное сожителство мужчин и женщин по обоюдному согласию.

Заклучив брак, супруги сталкивались с необходимостью распределения семейных обязанностей: материального обеспечения семьи, ведения домашнего хозяйства, воспитания детей. Исторические источники отражают разнообразные варианты распределения семейных обязанностей в Кургане межвоенного периода: газетные публикации изобилуют примерами карьерных успехов курганских тружениц, занятых на производстве наравне с мужчинами; собранные нами устные источники и письменные воспоминания современников событий фиксируют немало примеров, когда обязанности по материальному обеспечению семьи ложились на плечи мужа, а ведение домашних дел и воспитание детей становились делом жены. Статистические данные за 1926 г. свидетельствуют о 42 % женщин в общей численности рабочих и служащих в народном хозяйстве региона⁴. Доля женщин среди безработных города Кургана в 1925 г. была примерно такой же - 444 женщины (43,5%) из общего количества безработных в 1018 человек⁵. Среди 444 безработных курганских женщин 273 были чернорабочими, остальные «разных квалификаций, преимущественно низших»,

¹ Красный Курган. 1938. 2 апр.

² Там же.

³ Козельчук Т.В., Тершукова Е.В. Запись актов гражданского состояния в Кургане как новое явление советской повседневности// XI Зыряновские чтения. Курган, 2013. С. 97

⁴ Курганская область за 50 лет советской власти (статистический сборник). Челябинск, 1967. С. 91.

⁵ Красный Курган. 1925. 7 марта.

при этом подчеркивалось, что женщина менее квалифицирована, чем мужчина, менее грамотна», а промышленные предприятия и учреждения не в состоянии «предоставить совершенно никакой работы безработным женщинам»¹. По словам исследователей «женского вопроса», «предубеждение против кадрового продвижения женщин было распространено во всех отраслях... Все мужчины, от директора до рабочего были убеждены, что женщины не должны заниматься квалифицированным трудом... Многие рабочие мужчины считали, что женщина не должна зарабатывать больше мужчины»². Однако, сознательно избегая углубляться в вопросы трудовой занятости женщин и мужчин, еще раз подчеркнем, что распределение обязанностей в курганских семьях в 1920-1930-е гг. не было одинаковым: в одной части семей материальные блага добывали оба супруга; в другой части семей в народном хозяйстве трудился только мужчина, а женщина была занята домашними делами; встречались и случаи, когда женщина брала на себя функции главы семьи (овдовев или в случае потери мужчиной трудоспособности). Обратимся к примерам. Тридцатидевятилетнюю работницу Консервного завода А.Я. Кошелеву «предприятие отмечает в день 8 марта как героиню труда... Она не умеет ни читать, ни писать... Сейчас ее муж больной, без работы. У нее двое детей. Ей приходится самой средства к существованию выискивать и хозяйство вести. В общественной работе она не принимает участия совсем... С трудом удалось... уговорить ее... получить повышение в разряде за квалификацию. Она боится, «что мужчины рабочие ее засмеют»³. Еще одна работница Консервного завода А.И. Баранова к своим тридцати годам имела 15 лет трудового стажа, опыт участия в общественной жизни города. «Муж у нее инвалид труда, - подчеркивает автор заметки. - Приходится семье уделять очень много внимания. Нелегко быть главой семьи и нести обязанности жены и хозяйки»⁴.

---

¹ Там же.

² Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.). М., 2010. С. 268

³ Красный Курган. 1925. 7 марта.

⁴ Там же.

Ряд устных воспоминаний свидетельствуют о значительном количестве женщин-домохозяек в Кургане в межвоенные годы: «В двадцатые-тридцатые женщины не работали, работали одни мужики, - рассказывает житель Кургана Фетиния Захарова, - А где они будут работать? Служащие работали...А если так вот простая [женщина - К.К.], у ей дети. Вот у меня снохи не работали»¹. Курганец Вениамин Кунгуров так же отмечает многодетность главным фактором, ограничивающим активность женщины вне семьи: «Если, допустим, нет детей [женщины - К.К.] работали. Ну, у нас же орава такая, работать-то [мать не могла - К.К.]... Как раз над нами жил Худяев Петр, у него было четыре дочери. Конечно, мать могла разве работать?»². Это же обстоятельство фиксирует И.А. Ленский-Зыков, в то же время подчеркивая, что в их семье супруга смогла не только заниматься детьми и вести домашнее хозяйство, но и зарабатывать наравне с мужем: «семья требовала внимания по воспитанию детей, и Настенька уволилась с постоянной работы учительницы. Она стала хорошей портнихой-модисткой, шила женские платья, зарабатывая не менее получаемой мною зарплаты»³. К тому же у супруги И.А. Ленского-Зыкова был пример матери, которая, будучи известной в Кургане и окрестностях повивальной бабкой, зарабатывала значительные суммы и, по воспоминаниям зятя, фактически содержала семью⁴.

Двойная нагрузка ложилась на женские плечи в суровых условиях межвоенных десятилетий. В одном из литературных произведений 1920-х гг. из женских уст вырвался гневный отзыв в адрес мужчин о тяжелой бытовой загруженности замужних женщин: «да все они, мужики, барбосы: бабы туды и сюды – и с горшком, и с мешком, и корми, и молчи, и детей годуй...»⁵. Советская власть делала попытки несколько облегчить «женскую долю» путем строительства детских садов и детских домов, расширения сети родильных домов и женских консультаций, однако средств на реализацию этих государственных инициатив попросту не было. «С каждым годом увеличивается численность

¹ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой

³ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 166.

⁴ Там же.

⁵ Гладков Ф. В. Цемент. Повесть о детстве. М., 1982. С. 247.

населения города...- жаловались курганцы через газету, - но наряду с этим рост дошкольных учреждений происходит черепашьими темпами...на 1932 год в городе по-прежнему 3 яслей»¹. Советская инициатива по организации детских садов разбивалась об острую нехватку средств: «государство не имеет достаточно средств на расширение сети всех этих учреждений, а лишь помогает им, и средства мы должны изыскивать сами», - отмечали современники². Так, в 1925 г. в Кургане с населением 24896 человек³, был один детский сад, посещаемый 40 детьми рабочих и служащих⁴. В 1927 г., 8 марта, состоялось торжественное открытие городских яслей: «В ясли будут приниматься в первую очередь дети работниц, и во вторую – дети безработных в возрасте от 2-х месяцев и до 3-х с половиной лет. На первых порах ясли рассчитаны на 30 человек...В яслях имеются койки, постельные принадлежности, посуда, игрушки и т.д. Помещение для яслей весьма уютное, светлое», - сообщала газета⁵. С 1929 г. в Кургане работали уже трое яслей, однако рост численности населения города требовал открытия новых дошкольных учреждений; в 1932 г. трех яслей было недостаточно, горожане жаловались в газету, изыскивали средства, к примеру, «по инициативе делегатов города...мобилизованы средства для открытия детяслей на 40 коек, но деньги лежат второй год, а горсовет категорически отказывается дать помещения для детучреждения»⁶.

Данные источников свидетельствуют о зарождении в 1920-х гг. системы советской организации дошкольной работы. «Жизнь этого детского коллектива начинается в 6 часов утра, когда матери, уходя на работу, приносят ребенка в ясли, - описывала рабочий день дошкольного учреждения курганская газета. - Ребенка при приеме осматривают, измеряют температуру, переодевают в ясельное белье и переводят в общую комнату. Это дети 2-х старших групп и купание производят им 2 раза в неделю. Если принесен грудник, то его после осмотра купают, а затем уже переносят в детскую комнату. Прием детей длится до 7 часов.

¹ Красный Курган. 1932. 8 янв.

² Красный Курган. 1923. 3 марта.

³ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1.

⁴ Красный Курган. 1926. 16 янв.

⁵ Красный Курган. 1927. 8 марта.

⁶ Красный Курган. 1932. 8 янв.

В 7 с половиной две старшие группы завтракают. Дети, уже привыкшие к режиму, моют перед завтраком руки в специальном детском умывальнике самостоятельно. Они знают свою кроватку и свое полотенце...Если ставят задачу развить в ребенке самостоятельность. После завтрака...старшая группа идет гулять или остается в игралке, где с ней проводится «свободный час»...Средняя группа после завтрака укладывается спать. В 11 с половиной часов в яслях обед. Дети во время обеда дежурят по очереди. Дежурство состоит в раздаче нагрудников и хлеба остальным ребяташкам. После обеда средняя группа гуляет, а старшие спят. После сна они играют. В это время с ними проводятся организованные занятия и игры. В 3 с половиной часа ужин и, начиная с 4 часов, детей разбирают по домам»¹. Дети в яслях были разделены в соответствии с возрастом на 3 группы: в первой группе - груднички до 8 месяцев, во второй - дети от 8 мес. до 1,5 лет, в третьей – малыши от 1,5 до 3 лет. За каждой группой были закреплены сестра и няня. Мебель, игрушки соответствовали возрасту детей. Первые несколько дней, по сообщению курганцев, малыши привыкали к новой обстановке: «растерялись, многие заплакали особенно после ухода матерей и все время просились домой»².

Большая часть малышей в курганских яслях конца 1920-х гг. - дети работниц консервного завода, кулочной мастерской и конфетной фабрики. «Дети в ясли принимаются после обследования материального положения матери, - сообщалось в газете. - По актам обследования видно, в каких ужасных условиях находились эти дети. В большинстве случаев они оставались матерью без всякого присмотра, а в лучшем случае ребенок оставался с 12-летней няней»³. В описанных условиях материнская радость дошкольным учреждениям вполне закономерна. В то же время детские дошкольные учреждения были новым явлением в повседневной жизни граждан, поэтому результаты их деятельности на первых порах нуждались в дополнительном подтверждении. К примеру, в газетной публикации с характерным названием «Я благодарна яслям» от имени курганской работницы дано контрастное описание жизни до и после появления

¹ Красный Курган. 1927. 8 марта.

² Там же.

³ Там же.

яслей: «пока водились с ним мои наемные няньки, то это был кошмар, а не жизнь для меня...отдала я его в ясли...ребенок мой теперь здоров, чист и сыт»¹. В раннесоветский период в Кургане в детских яслях практиковались сон без укачивания и пустышек, кормление по часам материнским молоком или продуктом молочной кухни, при этом матери, имеющие возможность, могли посещать ясли для кормления ребенка грудью².

Источники свидетельствуют о преобладании практик грудного вскармливания у курганских женщин в сочетании с использованием различных пищевых средств для успокоения голодного ребенка: «У нас большинство матерей кормят сами грудью, а все-таки детей умирает очень много. Зависит это от того, что матери неправильно кормят детей: дают грудь очень часто, кормят жеваной соской из хлеба и каши, уходя на работу, оставляют ребенка на попечение неопытной няньки, которая старается сунуть ему в рот, что ни попало, лишь бы он не кричал...Матери! Если хотите сохранить ваших детей, не давайте им до шести месяцев ничего, кроме груди, если уходите на работу, то берите ребенка с собой. При полной невозможности брать ребенка, оставляйте ему сцеженное грудное молоко в чистом пузырьке (соска), если у вас не хватает молока, то прикармливайте не кашей и хлебом, а коровьим молоком, разбавленным холодной кипяченой водой. Соску после каждого кормления сейчас же хорошо промывайте кипяченой водой и держите ее в определенном месте, покрытой чашкой или стаканом, чтобы она не загрязнилась...Если будете кормить ребенка правильно через каждые 3 часа, он будет здоров, спокоен и не будет кричать»³. Эти правила младенческой гигиены местная пресса активно пропагандировала на протяжении 1920-1930-х гг..

Если к распределению обязанностей внутри семьи, особенно материнских, мужчины относились рационально, то в отношении провозглашенных женских прав позиция части мужчин была непримиримой. Далекое не все мужчины в быту были согласны с идеей равенства полов, закрепленных в Конституции РСФСР

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Красный Курган. 1925. 6 янв.

1918 г.¹, Конституции СССР 1936 г.² Особенно острые разногласия между супругами вызывало участие женщин в делегатских собраниях и посещение замужними женщинами образовательных учреждений: пойдут жена в школу или на собрание, как делегатка, - муж и говорит: «если хочешь жить со мной, то в школу не ходи. А будешь ходить, так и убирайся от меня»...И работница бросает школу...И таких случаев много...»³. Одной из причин запретов со стороны мужчин была ревность: так, один из рабочих турбинзавода следил за своей женой во время посещения ею школы⁴. Были случаи, когда мужья болезненно реагировали на выдвижение жен на ответственную работу: «при выборах в Горсовет на ст. Курган была выдвинута в депутаты тов. Темникова. Когда же муж ее узнал об этом...встретил на улице и начал ее ругать и угрожать побоями»⁵. Описан случай угрозы убийства со стороны мужа в адрес жены – председателя комиссии по улучшению труда и быта рабочих, вернувшейся с вечера стахановцев⁶.

Любопытную характеристику мужьям «старого типа» дает писатель Ф.И. Гладков: «слишком много в нем было от старого мужа – чрезмерная требовательность к ласкам, и истязающая ревность, и настойчивое желание пригвоздить ее к домашнему гнезду»⁷. «Раскрепощению» женщин в быту зачастую противостояла неготовность мужской части общества признать равенство полов. «Нельзя же ставить на одну линию мужчину и женщину. Что допустимо мужику – бабе недопустимо»⁸, - этот постулат патриархального общества писатель Ф. И. Гладков вкладывает в уста главного героя романа – борца за дело революции и одновременно мужчины, жаждущего тепла домашнего очага.

¹ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Петроград: Изд. Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. 16 с.

² Конституция (Основной закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1936, 6 декабря.

³ Красный Курган. 1926. 13 янв.

⁴ Там же.

⁵ Красный Курган. 1926. 21 февр.

⁶ Красный Курган. 1936. 28 февр.

⁷ Гладков Ф. В. Цемент. Повесть о детстве. М., 1982. С. 265.

⁸ Там же. С. 35.

Были случаи, когда мужчины побоями утверждали свое превосходство. Избиение женщин внутри семей становилось частой темой газетных заметок. «Красный Курган» публиковал наиболее вопиющие случаи насилия, в этой связи остается только предполагать, сколько женщин предпочитали «не выносить сор из избы» или считали такое поведение мужчин нормальным. Так, в курганской газете были описаны подробности семейного насилия, в результате которого сын, не выдержав издевательств, топором убил своего отца, который, по словам корреспондента, «ни одного праздника не пропускал без выпивки, которые сопровождалось зверскими издевательствами над женой и детьми. Бывало, напьется, явится домой и заставляет всю семью становиться на колени...Жена укачивает его на подушке, как ребенка. Мало этого, он заставлял ее вместе с детьми стоять перед ним целую ночь, пока он спит. Когда проснется и заметит слезы на глазах у жены или у кого-либо из детей, начинает жестоко расправляться: ударит жену по одному боку и велит подставить другой, не то, - говорит, - криво будешь ходить. Бывало так избьет жену, что бедная лежит в постели 2-3 недели. А 16-ти-летнюю дочь Анну совершенно не выпускал на улицу. Если она выйдет без его разрешения за ограду, за это отец избивал ее до потери сознания»¹. Были случаи, когда мужья в пьяном виде не только избивали жен и детей, но и выгоняли их из дома². Иногда жертвы насилия попадали в больницу: «служащий горкомхоза...пьянствуя, часто избивает свою старуху-мать, причем после побоев каждый раз отправляет ее в горбольницу как умалишенную»³, «в Исправдоме, служит...надзиратель, насчет бабьего битья старатель...Пришлось отправить бабу в родильный покой»⁴. Были случаи, когда женщина с детьми, отказываясь переносить пьянство и побои мужа, решалась на развод. Так поступила одна из горожанок, история которой была опубликована в газете «Красный Курган» в качестве примера женской независимости. «Муж часто «запивал», - повествует газета. - Пьяный он неоднократно избивал Федосью...Жизнь с мужем стала невмоготу, и в 1921 году Федосья Дмитриевна с

---

¹ Красный Курган. 1928. 3 июля.

² Красный Курган. 1930. 14 нояб.

³ Красный Курган. 1931. 24 февр.

⁴ Красный Курган. 1926. 14 авг.

мужем разошлась. Поступила полкомойкой в управление уездной милиции города Кургана»¹.

С другой стороны, источники фиксируют и противоположные примеры мужского поведения: «Уже в те времена на откормочном были пьяницы. Отец очень не любил таких людей и дружбу с ними не водил»², - пишет в своих воспоминаниях курганец В.Е. Васильев. «В семье у нас до моего замужества я не знала, чтобы кто-то ругался. Никто никогда: ни братья не ругались, с женами не ссорились никто», - отметила в рассказе Ф.И. Захарова³.

Сведения о сексуальной составляющей семейной жизни в источниках практически не встречаются. Периодически партийные комиссии рассматривали среди прочих и обвинения в «половой распущенности» мужчин, однако содержательных подробностей протоколы не фиксировали⁴. Лишь однажды нам удалось встретить более подробное описание этого явления: в 1930 г. сорокавосемилетний железнодорожник, член ВКП (б) обвинялся в том, что у себя в квартире на глазах у детей в компании приглашаемых женщин «пьянствует и устраивает разные безобразия, половые извращения (например, раздевание до нага и т.д.)»⁵. Согласно протоколу комиссии, факты систематического пьянства и половой извращенности ничем не подтвердились, однако интерес представляет сама характеристика «половых извращений», данная общественностью. Полное телесное обнажение в глазах граждан попало в разряд половых извращений не случайно. Думается, что важнейшей причиной складывания подобных представлений был острый дефицит жилой площади. В Кургане с 1927 по 1934 гг. (в период бурного роста городского населения) размер средней жилой площади снизился 6,5 кв. м⁶ до 4,7 кв.м⁷ на одного человека. Практика покомнатного расселения семей приводит к тому, что в пределах одного небольшого помещения, не всегда приспособленного для жилых целей (кухни, коридоры)

¹ Красный Курган. 1927. 8 марта.

² Васильев В.Е. Моя советская биография // XVI Зырянские чтения. Курган, 2018. С. 93.

³ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁴ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп.1. Д. 416. Л. 36, 76.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 10. Оп.1. Д. 416. Л. 76.

⁶ Красный Курган.1927. 1 марта.

⁷ ГАКО. Ф. Р-465. Оп.1. Д. 155. Л. 8.

жили представители двух, а нередко и трех поколений граждан. В таких условиях уединение супругов было фактически невозможным, а полное обнажение тел и определенную сексуальную раскованность могла себе позволить только пара, имеющая в своем распоряжении отдельную комнату. В то же время патриархальный уклад жизни воспитывал в женщине не только покорность, повиновение мужу и главе семьи, но и стыдливость. Впрочем, избегание темы сексуальности в рассматриваемый период было характерно и для курганской студенческой молодежи. Зауральский журналист А.С. Севастьянов, вспоминая о годах учебы в Курганском педагогическом училище, описывал случай, когда во время лекции о морали преподаватель пошутил: «Есть любовь идеальная, и есть любовь пододеяльная», при этом автор воспоминаний подчеркнул, что «в те времена такие речи были не приняты»¹.

Подводя итоги, отметим, что в межвоенный период во внутрисемейных взаимоотношениях мужчин и женщин патриархальные устои соседствовали с проникновением новых отношений, диктуемых советской идеологией. Традиционный церковный обряд венчания в начале 1920-х гг. проводили не только «несознательные» (по версии властей) граждане, но и представители коммунистической молодежи по ультимативному требованию родителей. В этот же период в курганскую повседневность проникают практики заключения гражданских браков, а также имеют место случаи внебрачного сожительства. Практика регистрации браков в органах ЗАГС была окончательно усвоена курганскими обывателями лишь к концу 1920-х гг.

В отношении распределения обязанностей по материальному обеспечению семьи в Кургане в 1920-1930-х гг. можно выделить три варианта нормы. Во-первых, семьи с мужем-«кормильцем» и женой-домохозяйкой. Во-вторых, семьи с равной степенью занятости на производстве или на службе. В третьих, семьи, в которых женщина обеспечивала семью в силу потери кормильца или его нетрудоспособности – в условиях послевоенного периода такая ситуация не была

---

¹ Севастьянов А. С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись]// Личный архив К.Ю. Кладовой.

редкостью. Таким образом, в межвоенный период значительная часть курганских женщин несла на своих плечах двойную нагрузку, сочетая ведение домашнего хозяйства и воспитания детей с необходимостью зарабатывания средств на существование семьи, наравне с мужчиной. Государство, пропагандируя важность детских садов для облегчения женской нагрузки, в 1920-1930-е гг. не имело финансовой возможности для их открытия в нужном количестве. В этих условиях часть женщин, имея квалификацию, позволяющую им трудоустроиться, предпочитали становиться домохозяйками. В ряде случаев образованные женщины-домохозяйки зарабатывали значительные суммы, оказывая медицинские, пошивочные или иные услуги.

Декларируемое советской властью равноправие полов далеко не всегда встречало поддержку у мужской части населения. Выход замужней женщины за пределы домашнего хозяйства с целью общественной деятельности или получения образования мог сопровождаться семейным скандалом и побоями. В местной печати периодически публиковались случаи возмутительного семейного насилия со стороны мужчин, подчеркивалась регулярность избиений и тот факт, что женщины в большинстве своем молчат, следуя религиозным заветам о главенстве мужа над женой. Случаи развода по инициативе женщины, уставшей терпеть пьянство и побои, встречались, однако об их количестве говорит сам факт публикации таких историй с подчеркнуто положительным исходом в назидание общественности. С другой стороны, источники фиксируют и яркие противоположные примеры мужского поведения – трезвый образ жизни, исключительно мирное разрешение споров в семье. В условиях острого жилищного кризиса, когда в ходе покомнатного расселения семей в тесном пространстве проживали представители двух-трех поколений одной семьи, поведение мужчины и женщины было у всех на виду. В условиях невозможности уединения супругов формируется в том числе и их сексуальное поведение.

Переплетением «старого», патриархального, и социалистического, быта отмечены межвоенные десятилетия XX века, когда шло зарождение «нового советского человека».

5.2. Детская повседневность

В рамках настоящего исследования автор сознательно ограничивает широкий круг вопросов, касающихся детской повседневности, взаимоотношениями внутри семьи и ближайшего домашнего окружения детей. Являясь частью частного человеческого пространства, внутрисемейные взаимоотношения не могли быть подвергнуты резкой трансформации, однако они неминуемо попали в поле зрения советской политики и идеологии. Детям, как будущим строителям социализма, государство гарантировало право на всестороннее и бесплатное образование¹, охрану интересов ребенка².

Имеющиеся данные о численности курганских детей и подростков не позволяют воссоздать целостную и динамичную картину. Так, согласно подсчетам М.С. Жулевой, в 1929 г. курганское население в возрасте до 30 лет составляло 51,5 % от общей численности городского населения³. Данные переписи 1939 г. дают развернутое представление о половозрастном составе населения: в Кургане, насчитывавшем 53253 жителей, детей до 7 лет 8321 человек (4222 мальчиков и 4099 девочек), учащихся школ и ССУЗов 12066 (5842 человек мужского пола и 6224 женского)⁴. Таким образом, численность детей до 7 лет, учащихся школ, средне-специальных учебных заведений составляла 38, 3% от общего числа курганцев. Подсчет численности детского населения напрямую связан с определением верхней границы детства в исследуемый период. Не были редкостью случаи начала трудовой деятельности человека в 14-15 лет⁵, что означало вступление во взрослую жизнь. В 1930-х гг. часть подростков после окончания школ получала возможность продолжить обучение, что несколько увеличивало сроки их пребывания в семье. Рубежом, определившим конец

---

¹ Конституция 1918 Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Петроград: Изд. Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. 16 с.

² Конституция (Основной закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1936, 6 декабря.

³ Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. С. 27.

⁴ ОГАЧО Ф. р-485. Оп. 17. Д. 4. Л. 1. 1-2.

⁵ Красный Курган. 1925. 7 марта.

детства для многих детей и подростков 1930-х гг., стало начало Великой Отечественной войны.

Большая часть курганских детей в межвоенный период, по данным исследователей, жила с родителями или опекунами¹. Данных о количестве полных и неполных семей в городе Кургане нами не выявлено, однако можно предположить, что семьи с одним родителем в исследуемый период не были редкостью вследствие военных конфликтов первой четверти XX в., голода 1921-1922 гг., репрессий 1930-х гг. Косвенно это подтверждают эго-документы. Так, по воспоминаниям Е.Г. Лагун-Неустроевой о детстве в 1920-х гг.: «Нас наши отцы не носили на плечах. Мы свое детство росли без отцов, часто и без матерей»². О.Н. Кряжевских в своих воспоминаниях рассказала о детских буднях курганца Вити Макарова, воспитываемого рано овдовевшей матерью³. Дети курганского краеведа И.А. Ленского–Зыкова после его ареста в 1930-х гг. остались на попечении тяжело больной супруги, а после ее смерти жили с бабушкой⁴.

Отметим такое явление детской повседневности 1930-х гг., как переезд части ребят из сельской местности на обучение в город без родителей. Острота квартирного вопроса в Кургане не была препятствием для школьников и студентов: находились родственники, готовые временно или постоянно приютить обучающегося. Будущего известного курганского журналиста А.С. Севастьянова, приехавшего из сельской местности на обучение в 1934 г., «приютил двоюродный брат...который и сам-то с семьей жил у родственников»⁵. По воспоминаниям уроженки Половинского района Ф.И. Захаровой, курганцы принимали у себя родственников из деревень, не считаясь с размерами жилой площади: «Мы жили сначала угол Ленина и Пушкина...на Ленина, брат-то вот. А девки побегут на танцы...в горсад, а сноха стелет половик...Жарко дома спать да и много нас там, она его постелет на улицу...Она к дому постелет, а девчонки побегут с парадней

¹ Перова М.А. Пространство детской повседневности в Советской России 1920-1930х годов (на примере Курганского и Шадринского округов)// Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 3 (42). С. 108.

² ГАКО. Ф. Р-2275. Оп. 1, Д. 28. Л. 10.

³ Воспоминания О.Н. Кряжевских (Штиновой) [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 13.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁴ КОКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 166.

⁵ Севастьянов А.С. О времени и о себе. Воспоминания [машинопись]// Личный архив К.Ю. Кладовой.

выбегать: «Луша, стели шире!», - мы прибежим, тут же ляжем...Они придут с танцев, лягут. Так жили, и всем было не тесно...»¹. В те годы встречались в городе очень большие семьи, насчитывающие больше десяти человек. Особенно это было характерно для жизни рабочих – выходцев из сельской местности и сохранявших тесные связи с родными. Приведенные примеры свидетельствуют о перенесении части сельских патриархальных семейных традиций на городскую почву.

Практика распределения домашних обязанностей в 1920-1930-х гг. была такова, что на детские плечи ложилась определенная доля домашнего труда. Девочки-подростки в отсутствие старших готовили обед, доили коров², присматривали за младшими детьми³. Курганец Вениамин Кунгуров, будучи подростком, помогал отцу в хозяйственных делах: участвовал в заготовке дров для дома и сена для коровы, ходил за водой и т.п. «Воду мы носили из колонки...по два ведра носили оттуда...Держали корову... Заготовляли иногда сено сами или покупали на рынке...На сеновал сгружали это сено. Дрова тоже иногда заготавливали сами...»⁴. Кроме того, на братьев Кунгуровых ложились обязанности провожать и встречать корову в пастбищный сезон, привозить для нее на тележке с винзавода барду⁵. Забота об урожае картофеля считалась делом всей семьи. Под посадку этой культуры жители многоквартирных домов получали отдельные земельные участки за городом: «Картошку садили в поле...сотки три-четыре мы перекапывали сами и садили картошку»⁶.

Дети оказывались помощниками взрослых не только в домашнем хозяйстве. В.Е. Кунгуров рассказал, как они с братом писали для курганской пекарни плакаты к праздникам: «Отец работал в это время у нас экспедитором в пекарне...Отцу помогали там приходили, в пекарне что-то нужно было сделать. Допустим, перед праздником писали там лозунги «Да здравствует 1 мая!» Мы с

¹ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Там же.

³ Красный Курган. 1927. 8 марта.

⁴ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Григорием туда приходили. Нам, значит, за это дело плюшек давали»¹. Вероятно, подростков привлекали к такой работе потому, что в 1930-е гг. именно молодежь во всей полноте овладевала грамотностью. Сами дети понимали необходимость учебы как гарантии трудоустройства и будущего в целом: «Старание было, конечно, большое, потому что знали, что нужно было получить образование, о дальнейшей жизни немножко задумывались»². Небогатые курганские семьи волновали вопросы материального обеспечения обучающихся, не случайно в своих воспоминаниях об учебе брата в технической школе В.Е. Кунгуров упоминает выдачу студентам за успехи ценившейся в те времена суконной формы³.

Тяжелой обязанностью, специфичной для периодов острого продовольственного дефицита, было стояние в очередях за хлебом в 1930-х гг.: «За хлебом очередь занимали с вечера... - свидетельствовал в воспоминаниях курганец В.Е. Васильев. - Летом всю ночь бодрствовали...Мать направляла в очередь брата Николая и меня. Вот там мы научились быстро бегать. С наступлением зимы мы спасались в насосной винокуренного завода»⁴. Хлебные очереди требовали от участников выносливости и скорости, и потому молодежь зачастую имела здесь преимущества. Трудовая занятость взрослых, наличие личного подсобного хозяйства у большинства курганских семей, суровые бытовые условия в целом способствовали длительному сохранению детского труда в домашнем хозяйстве.

Объем детского домашнего труда и наказаний за непослушание оставался исключительно на усмотрении родителей. На «перегибы» в этом вопросе общественность и педагоги смотрели с позиции патриархальных принципов безусловного главенства старших в семье. Показателен судебный процесс 1935 г. в отношении отца и мачехи одиннадцатилетней Маши Сычевой из с. Сычево в пригороде Кургана. Девочка голодала, подвергалась регулярным избиениям,

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Васильев В.Е. Моя советская биография// XVI Зырянские чтения. Курган, 2018. С. 93.

сидела в коровнике на цепи¹. Подчеркнем, что о ситуации знали в местном сельсовете, комсомольской организации и школе, однако сычевские партийцы, как и рядовые односельчане, отнеслись к жестокому обращению с ребенком безучастно². Советская печать привлекла внимание равнодушной общественности к этому делу, публиковала свидетельства граждан о жестоком обращении с детьми в некоторых курганских семьях³. В ряде случаев подростки сами обращались к властям с просьбой изъять их из семьи по причине крайней бедности или жестокого обращения с ними родителей⁴. Советская пропаганда боролась с традициями семейного насилия посредством печати, суды приговаривали виновных родителей к тюремному заключению.

Семейные конфликты, не приводившие к столь тяжелым последствиям, разгорались на почве вступления школьников в пионерскую организацию. «В семьях произошли скандалы. Родители заставляли выписаться из пионеров - вспоминала одна из первых курганских пионерок Е.Г. Лагун-Неустроева. – Наши родители в то время были неграмотные. Забитые нуждой и верой в бога. Пионеру ходить в церковь нельзя»⁵. Ее слова находят подтверждение в воспоминаниях З.М. Носыревой (Терентьевой): «Редкие родители соглашались отпускать ребят в отряд»⁶. Очевидно, подобные разногласия между верующими родителями и советскими школьниками были типичными для середины-второй половины 1920-х гг., постепенно угасая по мере усиления борьбы государства против религии и смены поколений.

Внутрисемейные конфликты, трудовые взаимоотношения касаются таких субъектов, как дети и родители. Исключительно детским особенным миром являются игры в компании сверстников. Особую ценность для реконструкции мира детства представляют собранные автором устные воспоминания об игровой составляющей повседневной жизни, поскольку эти сведения редко встречаются в

---

¹ Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. С. 47

² Там же. С. 48

³ Красный Курган. 1936. 21 февр., 18 нояб.

⁴ Перова М.А. Детская повседневность Советской России 1920-х гг (на материалах Курганского и Шадринского уездов): дис. ...канд. ист. наук. Курган, 2021. С. 90.

⁵ Музей Кетовского ДЮЦ. Воспоминания Лагун-Неустроевой Е.Г.

⁶ Музей Кетовского ДЮЦ. Воспоминания Носыревой (Терентьевой) З.М.

делопроизводственных документах. Отметим, что источники фиксируют самостоятельность городских детей в развлечениях: в большой компании ребята не зависели от свободного времени взрослых, играли одни, могли уходить достаточно далеко от центра города. С одной стороны, жизнь в небольшом провинциальном городе была спокойная: «Не боялись, что отпустишь ребенка дак надо за им смотреть, а то убьют...Ворота настежь, всё открыто, заходи и спи»¹. С другой – родители в условиях трудовой и бытовой загруженности не всегда могли присматривать за ребенком вне дома. По словам одного из курганских родителей о причинах плохого поведения сына, «семья большая и следить за ним мы по-настоящему не могли»².

В.Е. Кунгуров подробно рассказал о развлекательном времяпрепровождении курганских мальчишек: описал игры, зимнее катание на горках и катках, летний пионерлагерь, танцы и др. «Мы всё делали сами. – вспоминал Вениамин Евграфович. - Крокет...Это значит, шарик, так, молоточек, подбивать его, дужек ставят вот на таком расстоянии, чтобы через все дужки пройти. И кто дужку прошел, первый без остановки, значит, тот выигрывает. Это называется крокет. Дальше в лапту играли...Но в лапту играли уже на улице...Ну и мастерили самоходные тележки...Колеса делали из этого большого кругляка, когда привозили из леса на дрова...И когда сделали, прокатишься – это восторг неопишувемый...Зимой мы заливали горки. Нас ребят несколько человек было моего возраста. Сами делали горки во дворе. Обливали снегом и катались на санках. Зимой, значит, мы катались на лыжах. Где катались? На Увале опять...На лыжах идем до Увала, там катаемся, с горок особенно. Любили с крутых горок кататься. Катаемся до тех пор, пока уже сил нет. Обрато идти надо. Это же километров пять нужно пройти. С большим трудом доходим до дому. Ну там отогреваемся, поедим...На коньках. В горсаду иногда заливали каток. В горсаду, как правило, каждую зиму делали большие горки...Там такое же столпотворение»³. Подробности катания на уличном льду и самодельных коньках

---

¹ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Красный Курган. 1936. 28 февр.

³ Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

описаны Ф.И. Захаровой: «Она [улица Карла Маркса, - К.К.] была канавная... Там лужа застынет вот зимой-то, мы на коньках там на ей катались. Ну как катались – коньки самодельные, а годов нам, наверное, по восемь, а привязан один конек на мою ногу, а другой на вашу, на одном коньке и катались... Вот отец мой там выстрожет чурочку и сделает проволочку, вот и коньки. Ремнями привяжем ...»¹.

Воспоминания о летних каникулах у В. Е. Кунгурова связаны с активным отдыхом на природе: купанием, рыбалкой. «Летом, значит, мы купались. Где купались? В основном вот по улице Кирова, щас там пляж хоть, раньше была там плотина.... Деревянная такая, примитивная. Вот мы там и рыбачили, и там же купались рядом. И прямо на плотину забирались и спускались прямо вот сюда вместе с водой в лоток... Где Бабыи пески, туда иногда ходили. По крайней мере, лето у нас проходило очень активно»².

Достигнув старшего школьного возраста, ребята могли бывать на танцах в городском саду. Горсад в Кургане в 1930-е гг. был местом общегородских развлечений, где были созданы условия для времяпрепровождения не только детей и подростков, но и людей других возрастов: летом проходили танцы, работали кинотеатр и аттракционы, зимой располагалась новогодняя елка, каток и ледяные горки. «На танцы ходили... Вход-то был платный... А мы что – ребята, через забор. Раз, и готово. Правда, сторожа там ходили. Вот у нас один друг, значит, лез через забор да повис, ну и, конечно, попался сторожу... Пожурил немножко, шлепока дал и сказал: «Вылезай обратно!»»³.

Рассказ В.Е. Кунгурова фиксирует в том числе большой интерес курганской публики к кино и цирковым представлениям. Сам рассказчик указал на причину обостренного интереса – отсутствие привычных сегодня телевидения и других средств индивидуального развлечения человека. «Цирк приезжал... С большим трудом все это дело, билеты доставалось... А тогда несколько дали представлений и постоянно полностью были заполнены... Где вот застава-то там был типа городского сада еще второго. Там был кинотеатр деревянный. И вот в этом

---

¹ Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

² Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

³ Там же.

кинотеатре я первый раз увидел здесь кино «Красные дьяволята»...В кинотеатр «Прогресс» тоже всегда с трудом билеты можно было достать, с трудом. Ну а ребяташки иногда боем прорывались...Ну, а контролеры иногда за шиворот выбрасывали»¹. Ситуацию, когда дети пробирались в кинотеатр без билета, несмотря на замечания взрослых, описывает и О.Н. Кряжевских: «Крестная ругается, говорит: «Ну, ребяташки – говорит - беда с вами! Попадете, потом будут меня тягать, что вот ваши ребяташки-то - безбилетники!»»². Ребятам хотелось смотреть кино, несмотря на отсутствие средств на покупку билетов. В ход шли незаконные способы проникновения в кинозал, ожидаемые как сотрудниками кинотеатра, так и родителями.

Описанный О.Н. Кряжевских случай не был единственным проступком в жизни курганского мальчика Вити Макарова. Воспитываясь в условиях крайней бедности, мальчик иногда прибегал к мелкому воровству и попрошайничеству у Троицкого собора: «Бывало, там на площади торгушки сидят, чем-нибудь торгуют, а Витька возьмет, чё-нибудь сопрёт», - вспоминала Ольга Николаевна. «Он стоит такой, скрючился, а, значит, женщина подходит...Каку-то монетку подала вот, не знаю. Он взял эту монетку, и потом еще чё пряников что ли каких-то, по-моему, домашнюю даже каку-то выпечку. Он, значит, взял выпечку, схватил меня за руку: «Пошли, пошли, пошли!»...Всё съели. Вот это мне очень понравилось»³. Бедность стала для семьи Макаровых привычной составляющей их жизни, и в этих условиях ребенок искал способы добывания дополнительных источников пропитания.

Таким образом, детская повседневность в семье включала игровые и хозяйственные практики. Загруженность родителей на службе или производстве в сочетании с необходимостью ведения семьей подсобного хозяйства требовала привлечения детей и подростков к домашнему труду. Масштабы этого труда на протяжении 1920-1930-х гг. регулировались исключительно родителями согласно традиционным представлениям о главенстве старшего поколения в семье.

¹ Там же.

² Воспоминания О.Н. Кряжевских (Штиновой) [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 13.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

³ Там же.

Телесные наказания, жестокость по отношению к детям воспринимались значительной частью общества в качестве нормального явления повседневной жизни семьи.

В играх проявлялась детская творческая инициатива: дефицит игрушек и прочего инвентаря не был преградой для детских развлечений, ребята, приспособившись к аскетичным бытовым условиям, изготавливали игрушки сами или просили помощи у родителей.

Тяжелое материальное положение семей побуждало детей серьезно относиться к обучению, выбирать образовательные учреждения с учетом предоставляемых ими материальных благ, а также способствовало сохранению практик попрошайничества среди части курганских детей.

В целом семейные отношения в Кургане в 1920-1930-х гг. находились под сильным влиянием патриархальных традиций. Законодательные нормы советского государства не могли быстро изменить традиционные общественные представления о внутрисемейных ролях, сохранению которых способствовал в том числе приток в город сельского населения. Если практики заключения гражданских браков утвердились среди курганского населения в конце 1920-х гг., то идея главенства старших в семье сохранялась всем на протяжении исследуемого периода, выражаясь в медленном усвоении законодательной нормы о равноправии полов, частых случаях семейного насилия мужчин по отношению к жене и детям, необходимости подчинения младших членов семьи родительской воле. В то же время в Кургане женское население все активнее включалось в производственный и образовательный процессы. С одной стороны, возрастала нагрузка на женскую часть общества, с другой – постепенно повышался общественный, а вместе с ним и внутрисемейный статус женщины.

Дети в г. Кургане оставались активными помощниками взрослых по ведению домашнего, в том числе личного подсобного, хозяйства. Часть курганцев уже в юном возрасте осознавали ценность образования в обеспечении собственного будущего, рационально подходили к выбору профессии, не оставляя без внимания свойственный детям игрового компонента повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение истории города Кургана 1919-1941 гг. с позиций антропологического подхода дает возможность анализировать период масштабных общественных перемен через исследование бытовых потребностей и практик приспособления, выживания, составляющих ежедневный, рутинный, человеческий опыт. Анализ письменных, изобразительных и устных источников позволяет выявить специфику социальных трансформаций раннесоветского периода в провинции, обращая внимание на явления и процессы, определившие судьбы нескольких поколений граждан нашей страны.

В 1919-1941-х гг. город Курган был центром сельскохозяйственного района, где промышленность традиционно ориентировалась на переработку сельхозпродуктов. Численность населения города в раннесоветский период возросла вдвое с 27 739 человек в 1920 г.¹ до 53253 человек в 1939 г.², прежде всего за счет выходцев из деревень. Сам облик города Кургана свидетельствовал о близости к сельскому быту: обширные площади частной застройки с огородами, массовое разведение горожанами скота, отсутствие коммунальных удобств. На рубеже 1920-1930-х гг. Курган не попал в орбиту индустриализации, подобно соседним уральским городам, поэтому изменения повседневной жизни здесь происходили медленнее, способствуя чуть более длительному сохранению многоукладности городской жизни.

В начале 1920-х гг. молодая советская власть и население столкнулись с целым комплексом острых материальных проблем: голодом, жилищно-коммунальной разрухой, необходимостью осуществления нового, классового, подхода к распределению жилья. Эти вопросы оказались чрезвычайно актуальными и для курганского населения. На протяжении всего рассматриваемого периода горожан волновали четыре основных проблемы общегородского благоустройства - состояние улиц; электричество; центральный

---

¹ ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524. Л. 1.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года// Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения 31.08.2019).

водопровод и городские бани. Отсутствие центрального отопления, водопровода, канализации, общественного транспорта, крайне слабая обеспеченность электроэнергией, антисанитария общественных мест, перегруженность бани – все это оставалось для курганцев нормой повседневной жизни. В то же время подобная ситуация была характерна для многих городов Центральной России и большинства городов Сибири. Курганские активисты-общественники выражали недовольство бесхозяйственностью руководителей коммунальных служб и рядовых граждан, однако их призывы в условиях сложившихся бытовых привычек горожан оставались незамеченными. Отсутствие финансовой поддержки из центра не позволяло местным властям эффективно решать вопросы электро-и водоснабжения, а тесные рамки местного бюджета не способствовали существенным улучшениям и в других отраслях коммунального хозяйства.

Жилищный вопрос в городе Кургане стоял столь же остро, как и в стране в целом. Несмотря на провозглашаемые властями принципы и приоритеты, у государства не хватало средств на новое строительство и текущий ремонт жилья в условиях роста городского населения. В этой связи для ослабления жилищного кризиса власть принимает экономические меры: в Кургане, как по всей стране, идет развитие индивидуального строительства, жилищной кооперации и частного найма жилплощади. Одновременно с этим государство регулировало квартплату в зависимости от платежеспособности населения и ужесточало воздействие на «нетрудовой элемент». Город Курган остался в стороне от крупных индустриальных строек с масштабным возведением ведомственного жилья. В годы коллективизации и раскулачивания в Курган шел заметный поток сельских жителей, беднейшая часть которых вынуждена была рыть землянки на городских окраинах. Обычным явлением становится покомнатное распределение семей. В несколько лучших условиях находились жители обширного частного сектора, где родственники могли занимать разные комнаты, однако практика жилищных «уплотнений» коснулась и их. В Кургане, как и в стране в целом, на протяжении исследуемого периода повседневными реалиями большинства граждан оставались теснота, отсутствие личного пространства и бытовых удобств.

Продовольственная ситуация на протяжении 1920-1930-х гг. оставалась напряженной. Весной 1922 г. Курганский уезд был охвачен голодом. Третья часть городского населения голодала, остальные выживали благодаря заработной плате, подсобному хозяйству и наличию ценных вещей, обмениваемых на продукты. В пищу вошли суррогаты и падаль. Экстремальные условия вынуждали население менять привычный образ жизни. Часть курганцев уезжала в более благополучные районы страны. Оставшиеся граждане пытались выжить на малые зарплаты и скудные пайки, продавали имущество, оформляли карточки в столовые, просили милостыню. Голод обнажил положительные и отрицательные качества граждан, накалилась криминальная обстановка. В памяти курганских обывателей надолго отложился страх голода. В дальнейшем перебои в снабжении обязательно сопровождались тревожными слухами и стремлением запастись.

В годы нэпа продовольственное снабжение населения шло по каналам государственной, кооперативной и частной торговли. Формируемая сверху система кооперативного снабжения не удовлетворяла потребностей горожан. Репрессии рубежа 1920–1930-х гг. в отношении частной торговли курганцы воспринимали негативно, нередко панически, боясь повторения голода. В это время в Кургане, как и по стране в целом, идет оформление системы нормированного снабжения. Малые продуктовые пайки, очереди подвергались резкой критике со стороны населения. Случаи протестных выступлений были редки, граждане искали пути приспособления к суровым условиям нормированного снабжения. В числе незаконных способов выживания в условиях продовольственных затруднений было получение пайков «мертвых душ», перепродажа товаров, получившая в СССР название «спекуляция».

В попытках преодоления продовольственного кризиса начала 1930-х годов власть выступала с инициативой ведения подсобного хозяйства на предприятиях, на практике оказавшейся малоэффективной. Более действенным способом решения этого острейшего вопроса стало открытие колхозных рынков и магазинов Торгсина. В Кургане колхозный базар и отделение Торгсина открылись в 1932 г. Курганский базар работал в антисанитарных условиях, однако даже в

Ленинграде в этот период рынки не были приспособлены для постоянной торговли продуктами питания.

Отмена хлебных карточек в 1935 г. в Кургане проходила в условиях ажиотажного спроса и изнурительных очередей. Недостаточная обеспеченность курганцев хлебобулочными изделиями, высокие цены и многочасовые очереди вызывали недовольство горожан.

Система общественного питания, которая, по замыслу советских идеологов, должна была вытеснить частную кухню из повседневной жизни горожан, не нашла поддержки среди курганского населения. Курганские рабочие, служащие и студенты, вынужденные питаться в столовых, постоянно жаловались на плохое качество блюд, высокие цены, долгое ожидание, отсутствие ассортимента и антисанитарию.

Животноводство было одной из важнейших составляющих жизни жителей города Кургана в 1920-1930-е гг. Жильцы многоквартирных домов ввиду малой придомовой площади ограничивались одной коровой, жители частного сектора располагали большей территорией для разведения скота. Уход за скотом (кормление, доение, пастьба и др.) входил в круг ежедневных обязанностей горожан. В годовом цикле жизнедеятельности курганцев заботы о животных также занимали важное место и включали заготовку кормов, заботу о разведении скота, подготовку помещения, лечение и др. Несмотря на борьбу советской власти против религии и суеверий, в практике содержания скота сохранялись традиционные народные верования в «дурной глаз», «очищение от погани» и т. д. Традиции кормления, содержания и разведения сельскохозяйственных животных сохранялись в течение многих поколений. Хозяйствовать «по науке» в Кургане решались единицы жителей. Уход за животными входил в круг тех повседневных практик человека, изменить которые в одночасье было государству не под силу.

В провинциальном Кургане с его тихой и размеренной жизнью одежда жителей по разным причинам довольно долго сохраняла дореволюционные черты. Представители старшего поколения горожан в 1920-1930-е гг. не изменили традиционной одежде и прическам. Молодежь, воспитывавшаяся уже в советский

период, активно усваивала тенденции времени, в том числе и в области внешнего вида. Со второй половины 1920-е гг. для советских граждан актуальной проблемой становится дефицит товаров широкого потребления. Население приспосабливалось к новым условиям приобретения товаров. В ход шли «связи» в сфере торговли, обращение к «спекулянтам». Население практиковало ремонт и перелицовку одежды и обуви в мастерских, а также пошив одежды своими руками. Государственная власть в решении проблемы дефицита шла по пути создания системы нормированного снабжения, закрытого распределения, в то время как в советском обществе, остро нуждавшемся в товарах первой необходимости, появлялись механизмы решения этой насущной проблемы, отразившиеся не только в поведении, но и в мыслях и вкусах людей.

В стремлении взять под контроль общественную жизнь советская власть не оставляла без внимания и сферу публичного досуга: определяла идейное направление литературы, театра, кино, пересматривала нормы «культурного» и «некультурного» поведения, организовывала и активно наполняла идеологическим содержанием детский отдых. Сфера повседневного досуга курганцев включала в себя разнообразные культурные практики. Их выбор зависел от возраста горожан, уровня образования, материального достатка семьи и других факторов. Особой популярностью у курганской публики пользовалось кино, цирковые и театральные представления, посещение ипподрома. Во второй половине 1930-х гг., реализуя установку «жить стало лучше, жить стало веселее», государство уделяет пристальное внимание детским праздникам, выделяет средства на строительство сети летних детских пионерских лагерей. В исследуемый период произошла закладка трех крупнейших городских парков для досуга взрослых и детей с развлекательным, познавательным и спортивным уклоном. В то же время курганским садам и скверам не всегда был обеспечен должный уход: заброшенные, они нередко становились очагами пьянства и хулиганства. Эти формы девиантного досуга были критикуемы властями и частью городской общественности. Пьянство на всем протяжении 1920-1930-х гг. охватывало мужскую часть всех слоев городского населения и искоренению не

поддавалось. В молодежной среде доминировала такая форма девиации, как хулиганство. Уровень культуры курганской молодежи в этот период был низким, а приток сельской молодежи, оказавшейся в городе лишенной сдерживающих механизмов в лице представителей старшего поколения, усугублял ситуацию. Власть отмечала неразвитость культурно-просветительской деятельности среди рабочей молодежи.

Взаимоотношения мужчин и женщин в курганских семьях в раннесоветский период основывались на патриархальных традициях с постепенным проникновением новых отношений, диктуемых советской идеологией. На формирование этого своеобразного симбиоза большое влияние оказывали вызовы раннесоветской эпохи: острый жилищный кризис и связанная с ним затрудненность уединения, дисбаланс полов и другие последствия предшествующих войн, растущая занятость женщин на производстве. Представители старшего поколения горожан, остававшиеся верующими вопреки антирелигиозной пропаганде, настаивали на обрядах венчания и крещения, придерживаясь традиционной, патриархальной позиции относительно взаимоотношений мужчины и женщины в семье. Советская власть пропагандировала отношение к верующим как к «несознательным», «отсталым» представителям старого мира. В 1930-е гг. все храмы города Кургана были закрыты. Постепенно в курганскую повседневность проникают практики заключения гражданских браков. Регистрация браков в органах ЗАГС была окончательно усвоена горожанами спустя десятилетие после революции.

В вопросах материального обеспечения семьи в Кургане складывались три варианта нормы: семьи с мужем-«кормильцем» и женой-домохозяйкой; семьи с равной степенью занятости супругов на производстве или на службе и семьи, в которых женщина обеспечивала семью по причине потери кормильца или его нетрудоспособности. Многие женщины несли на своих плечах двойную нагрузку, сочетая домашнюю работу и воспитание детей с необходимостью финансового обеспечения семьи. Декларируемое государством равноправие полов на практике не всегда находило поддержку среди мужской части населения, однако

постепенно меняющаяся социокультурная среда и смена поколений делала процесс женской эмансипации необратимым.

В исследуемый период государство уделяет прицельное внимание подрастающему поколению советских граждан, охватывая их школьным обучением, содействуя становлению пионерского движения, организуя летний отдых детей и подростков, подходя к решению этих задач с характерным идеологическим уклоном. Дети вместе со взрослыми искали пути приспособления к аскетическим бытовым условиям через активную помощь родителям по хозяйству, поиск учебных заведений, обеспечивающих студентов предметами первой необходимости, а в условиях крайней бедности и попрошайничество.

Формирование «нового советского человека» происходило в условиях симбиоза традиционной культуры, носителями которой являлись представители старшего поколения, идеологической пропаганды, воздействующей на молодежь, и «вызовов» времени, которые вынуждали меняться и тех, и других во имя выживания под воздействием меняющихся жизненных обстоятельств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты

1. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О праве застройки земельных участков» от 10 августа 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. - 1922. - №51. - Ст. 645.
2. Конституция (Основной закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 г.) / ВЦИК РСФСР. – Текст: непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1918. – № 51.
3. Конституция (Основной закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. - 6 декабря.
4. План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII Съезда Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. – Москва: Государственное техническое издательство, 1920. –230 с.
5. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. - 1928. - № 53. - Ст. 402.

Архивные документы

Российский государственный архив социально-политической истории

6. Ф. М-1 – Центральный комитет ВЛКСМ (1918-1991). Оп. 5. Д.: 54.

Государственный архив Курганской области

7. Ф. Р-158 - Отдел коммунального хозяйства Курганского уисполкома. Оп. 1. Д.: 69.

8. Ф. Р-228 - Отдел социального обеспечения Курганского уисполкома. Оп. 1. Д.: 128.
9. Ф. Р-314 - Курганская горюездная комиссия помощи голодающим при Курганском уисполкоме. Оп. 1. Д.: 8, 17, 21
10. Ф. Р-461 - Управление Курганской городской и уездной Советской рабоче-крестьянской милиции. Оп. 1. Д.: 126.
11. Ф. Р-465 - Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д.: 14, 155, 201, 212, 213.
12. Ф. Р-635 - Исполнительный комитет Курганского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком). Оп. 5. Д.: 9.
13. Ф. Р-712 - Управление жилищно-коммунального хозяйства Курганского горисполкома. Оп. 1. Д.: 524.
14. Ф. Р-2275 – Дудина А.И. Оп. 1, Д.: 28.
15. Ф. Р-2345 - Парфенова М.С. Оп. 1. Д.: 6.

*Государственный архив социально-политической истории Курганской
области*

16. Ф. 7 - Курганский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д.: 1020, 1024, 1027.
17. Ф. 10 - Курганский городской комитет КПСС. Оп. 1. Д.: 364, 416.
18. Ф. 11 - Кетовский (Курганский) районный комитет КПСС. Оп. 45. Д.: 4. Оп. 54. Д.: 2, 61.
19. Ф. 121 - Курганский железнодорожный районный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д.: 54, 72.
20. Ф. 3876 - Первичная организация КПСС ПО «Кургансельмаш». Оп. 1. Д.: 1.
21. Ф. 6905 - Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курганской области. Оп.2. Д.: 155, 3405, 4559.
22. Ф. 6915 - Коржев В.С. Оп. 1. Д.: 2, 16.

Курганская областная научная библиотека имени А.К. Югова

23. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. – Курган: Издание окружной плановой комиссии, 1925. - 524 с.

24. Курганский округ. Сборник материалов по изучению и исследованию Курганского округа Уральской области. – Курган: Общество краеведения, 1930. Вып. 1. - 175 с.

Курганский областной краеведческий музей

25. Ф. 2 - Ленский-Зыков И.А. Оп. 1. Ед. хр. 166.

Объединенный государственный архив Челябинской области

26. Ф. Р-485 - Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. Оп. 3. Д.: 61, 63. Оп. 19. Д.: 8

27. Ф. Р-804 - Главное управление экономического развития и торговли Челябинской области. Оп. 11. Д.: 30, 95.

28. Ф. Р-1055 – Инспектура народнохозяйственного учёта Челябинского городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся; г. Челябинск Челябинской области (1932-1986). Оп.1. Д.: 64.

Музей Кетовского Детско-юношеского центра

29. Лагун-Неустроева Е.Г. Воспоминания.

30. Носырева (Терентьева) З.М. Воспоминания.

Воспоминания

31. Васильев В.Е. Моя советская биография/ В.Е. Васильев// Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «XVI Зыряновские чтения», Курган, 6-7 декабря 2018 г./ Курганский государственный

университет, Курганской областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. - Курган, 2018. - С. 92-99.

32. Воспоминания Ф.И. Захаровой [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 12.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

33. Воспоминания О.Н. Кряжевских (Штиновой) [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 13.10. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

34. Воспоминания В.Е. Кунгурова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 25.12. 2013 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

35. Воспоминания А.П. Невзорова [Аудиозапись] Зап. К.Ю. Кладова 15.01. 2015 г., 29.01. 2015 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

36. Воспоминания А.А. Половинкиной (Максимовой) Зап. К.Ю. Кладова 19.04. 2014 г.// Личный архив К.Ю. Кладовой.

37. Нассар Н.В. Из воспоминаний Надежды Васильевны Нассар // Зауральская генеалогия. – URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Nassar%20memory/> (дата обращения: 21. 03. 2019).

38. Подкорытова Л.Г. Из воспоминаний матери// Зауральская генеалогия. - URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Podkorytova/> (дата обращения: 15.12.2020).

39. Севастьянов А. С. О времени и о себе. Воспоминания [Машинопись] // Личный архив К.Ю. Кладовой.

Документы ВКП(б) и Советского государства

40. Устав ВКП(б) с поправками от 17 июня 1926 г.// Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925-1935. М., 1936. С. 82-92.

Сборники документов и материалов

41. Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.)/ Под ред. И.Е. Плотникова. - Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. - 328 с.

Статистические источники:

42. Всесоюзная перепись населения 1939 года// Демоскоп Weekly.
URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения 31.08.2019).

43. Курганская область за 50 лет советской власти (статистический сборник). - Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967. - 147 с.

Периодическая печать

44. Красный Курган: орган окружного (районного) комитета ВКП(б), окружного (районного) исполнительного комитета и окружного (районного) профсовета [Текст]. Курган, 1921-1941.

Публицистика, художественная литература

45. Гладков, Ф.В. Цемент. Повесть о детстве/ Ф.В. Гладков. – Текст: непосредственный. - Москва: Правда, 1982. - 736 с.

46. Островский, Н.А. Как закалялась сталь/ Н.А. Островский. – Текст: непосредственный. - Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1950. - 430 с.

Визуальные источники

Фотодокументы

47. Фото «Агрономические курсы в г. Кургане». 1929 г.– См.: ГАКО. Ф. Р-2486. Оп.1. Д. 1464. Л. 1

48. Фото «Бухгалтер железнодорожной станции Курган Колтанюк с женой и дочерью». Ессентуки. 1936 г.– См.: ГАСПИКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 3405. Л. 33 а.

49. Фото «Бюро Курганского Окружкома ВКП(б)». Курган. 1924 г. – См.: ГАСПИКО. Ф. 6915. Оп.1. Д. 16. Л. 23.

50. Фото «В детском саду».Курган. 1926 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)

51. Фото «Выпускники и преподаватели зоотехникума. Курган». 1937 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015).
52. Фото «Выпускники медицинского училища. Курган». 1934 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015).
53. Фото «Гайтанова А.В. и Городецкая Е.Н.». 1930-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
54. Фото «Городецкие Елена и Леонид». 1938 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
55. Фото «Группа борцов за освобождение Забайкалья». 1921 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
56. Фото «Группа служащих Курганского управления государственных предприятий Челябинского губсовнархоза на коммерческих началах (госкома)». Курган. 1923 г. – См.: ГАКО. Ф. Р-2486. Оп.1. Д. 39. Л. 1
57. Фото «Девочка». 1928 г. // Зауральская генеалогия.: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
58. Фото «Конец семилетки. Курган». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015)
59. Фото «Мороз Онуфрий Васильевич и Евгения Максимовна». 1920-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015)
60. Фото «Мужчина и женщина у зеркала». 1930-е гг. // Личный фонд А. Д. Кузьмина.
61. Фото «Неизвестные. Курган». 1929 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015)
62. Фото «Подруги». 1939 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)

63. Фото «Работники машзавода». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
64. Фото «Служащие и посетители Заготконторы во дворе дома бывшего Союза Сибирских маслодельных артелей». Курган. 1921 г.– См.: ГАКО. Ф. Р-2486. Оп.1. Д. 1406. Л. 1
65. Фото «Сотрудники мясокомбината». 1931 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 19.09.2015)
66. Фото «Студенты Курганского педагогического училища». 1937–1940 гг. // Личный фонд К. Ю. Кладовой
67. Фото «Три девушки». 1930-е гг. // Личный фонд А. Д. Кузьмина.
68. Фото «Утковы, Уфимцевы». 1938 г. // Личный фонд Ф. И. Захаровой.
69. Фото «Ученики 4-й группы в 1925-26 годах обучения». // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015)
70. Фото «Ученики 8 класса школы № 14 г. Кургана». 1939 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова
71. Фото «Ученики и учителя одной из школ г. Кургана». 1927 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015)
72. Фото «Ученики школы № 14 г. Кургана». 1940 г. // Личный фонд В. Е. Кунгурова
73. Фото «Ученики школы 2-й ступени. Курган». 1925-1926 гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015)
74. Фото «Ученицы». 1924 г. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 11.11.2015)
75. Фото «Члены Курганского Окрисполкома». 1924 г.– См.: ГАКО. Ф. Р-2486. Оп.1. Д. 41. Л. 1
76. Фото «Художник-иконописец Александр Павлович Решетников с супругой» 1920-е гг. // Зауральская генеалогия: <http://www.kurgangen.ru/photos/> (дата обращения: 02.09.2015)

ЛИТЕРАТУРА

Книги, брошюры

77. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса/ М.М. Бахтин. - Москва: Художественная литература, 1990. - 543 с. – Текст: непосредственный.

78. Бессмертный, Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции/ Ю.Л. Бессмертный. – Москва: Наука, 1991. – 235 с. - Текст: непосредственный.

79. Бутенко, А.П. Октябрь и социалистический образ жизни/ А.П. Бутенко. - Москва: Знание, 1977. – 64 с. - Текст: непосредственный.

80. Васильева, А. М. Курган. Времена минувшие. Краеведение / А. М. Васильева. – Куртамыш: Куртамышская типография, 2013. – 221 с. – Текст: непосредственный.

81. Гавров, С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака: учебное пособие/ С.Н. Гавров. - Москва: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с. – Текст: непосредственный.

82. Гордон, Л.А., Клопов, Э.В., Оников, Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня завтра: коллективная монография/ Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, Л.А. Оников. – Москва: Знание, 1977. – 159 с. - Текст: непосредственный.

83. Гордон, Л.А., Клопов, Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы/ Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. - Москва: Политиздат, 1989. - 319 с. – Текст: непосредственный.

84. Гуревич, А.Я. Проблема средневековой народной культуры/ А.Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1981. – 359 с. – Текст: непосредственный.

85. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства/ А.Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1990. – 395 с. – Текст: непосредственный.

86. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции: сб. науч. тр. - Свердловск: Нижнетагильская городская

типография Свердловского областного управления по печати. 1972. - 151 с. – Текст: непосредственный.

87. Женщины Урала в революции и труде. - Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963. - 534 с. – Текст: непосредственный.

88. Захаржевская, Р. В. История костюма: От античности до современности / Р. В. Захаржевская. – Москва: Рипол Классик, 2005. – 306 с. – Текст: непосредственный.

89. История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (советский период)/ Подливалов В.В. [и др]. - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2004. - 392 с. – Текст: непосредственный.

90. Каминская, Н. М. История костюма / Н. М. Каминская – Москва: Легкая индустрия, 1977. – 127 с. – Текст: непосредственный.

91. Килин, А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: монография/ А.П. Килин. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. - 606 с. – Текст: непосредственный.

92. Козлова, Н.Н. Советские люди: Сцены из истории/ Н.Н. Козлова. - Москва: Европа, 2005. - 526 с. – Текст: непосредственный.

93. Кринко, Е.Ф., Тажидинова, И.Г., Хлынина, Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. – Ростов- на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с. – Текст: непосредственный.

94. Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение: коллективная монография / Т. В. Козельчук и др. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2020. – 284 с. – Текст: непосредственный.

95. Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы: монография / Н.Б. Лебина. – Санкт-Петербург. Журн. "Нева": Летний Сад, 1999. - 316 с. – Текст: непосредственный.

96. Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик 1921-1925 годы / Н.Б. Лебина. Ленинград: Наука, 1982 – 168 с. - Текст: непосредственный.

97. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю: монография / Н.Б. Лебина. Москва: Новое литературное обозрение, 2015 – 483 с. - Текст: непосредственный.

98. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы): монография/ М.Г. Меерович. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. - 303 с. – Текст: непосредственный.

99. Меерович, М.Г. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. 1917-1941 гг.: монография/ М.Г. Меерович. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 214 с. – Текст: непосредственный.

100. Меерович, М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты): монография/ М.Г. Меерович. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. - 274 с.– Текст: непосредственный.

101. Меерович, М.Г. Рождение и смерть советского города-сада.: монография/ М.Г. Меерович. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 339 с. – Текст: непосредственный.

102. Мирошниченко, М.И. Женщины на Урале в 1920 - 1935 гг.: монография / М.И. Мирошниченко. - Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. - 268 с. – Текст: непосредственный.

103. Мирошниченко, М.И. Проституция на Урале и борьба с ней в 1920-1935 годах: монография / М. И. Мирошниченко. - Челябинск: Цицеро, 2018. - 230 с. – Текст: непосредственный.

104. Мясникова, Л.А., Шайгарданова, Н.Л. Советский Эдем: монография/ Л.А. Мясникова, Н.Л. Шайгарданова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 209 с. – Текст: непосредственный.

105. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг.: монография/ И.В. Нарский. - Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. - 632 с. – Текст: непосредственный.

106. Нарский, И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (авто-историко-графический роман) / И. В. Нарский – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2008. – 515 с. – Текст: непосредственный.

107. Орлов, И.Б. «Коммунальная страна: становление советского жилищно- коммунального хозяйства (1917–1941 гг.): монография/ И.Б. Орлов. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – 334 с. – Текст: непосредственный.

108. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления: монография / И.Б. Орлов. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010. 317 с. – Текст: непосредственный.

109. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941: монография/ Е. А. Осокина. - Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 271 с. – Текст: непосредственный.

110. Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века: коллективная монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 240 с. – Текст: непосредственный.

111. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917– 1930-е гг.: коллективная монография: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 468 с. – Текст: непосредственный.

112. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917– 1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 462 с. – Текст: непосредственный.

113. Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы: докл., сделан. на междунар. междисциплинар. конф., 16-19 авг. 1994 г. / [Сост. А. И. Муравьев, Б. А. Старков]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. - 156 с. – Текст: непосредственный.

114. Смирнова, Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг.: монография / Т.М. Смирнова. – Москва-Санкт-Петербург: Изд-во «Центр гуманитарных инициатив», 2015. –384 с. – Текст: непосредственный.

115. Стриженова, Т.К. Из истории советского костюма/ Т.К. Стриженова. - Москва: Советский художник, 1972. – 112 с. – Текст: непосредственный.

116. Струмилин, С.Г. Бюджет времени русского рабочего/ С.Г. Струмилин. - Библиотека труда. – Сер. 3. - № 1. – Москва- Петроград: Вопросы труда, 1923. - 38 с. – Текст непосредственный.

117. Струмилин, С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 г. / С.Г. Струмилин. - Библиотека труда. – Сер. 2. - № 17-19. – Москва: Вопросы труда, 1923. – 88 с. – Текст непосредственный.

118. Струмилин, С.Г. Избранные произведения: В 5 т . / Акад. С.Г. Струмилин; [Предисл. акад. В. С. Немчинова]. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, [1963]-1965. - 5 т. – Текст: непосредственный.

119. Утехин, И.В. Очерки коммунального быта: монография / И.В. Утехин. - Москва: ОГИ, 2004. - 277 с. – Текст: непосредственный.

120. Федорова, В.П. Вопросы культуры в зауральской прессе 20-30-х годов XX века (к истории региональной журналистики): монография/ В.П. Федорова. - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2008. - 264 с. – Текст: непосредственный.

121. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. – 754 с. – Текст: непосредственный.

Статьи

122. Аборвалова, А. Н. Торговля в Советской России в период становления социалистической экономики (1917–1924 годы) / А. Н. Аборвалова. – Текст

непосредственный // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. – С. 46–48.

123. Анисимова, Л.Ю. Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20-30-е гг. XX в./ Л.Ю. Анисимова. – Текст непосредственный // Научный диалог. - 2015. - № 12 (48). - С. 221-231.

124. Арефьева, С.А. Культурное строительство в Южном Зауралье в 1928-1941 годы/ С.А. Арефьева, М.М. Козлова, И.Г. Коурова. – Текст непосредственный // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1998.– С. 20-51.

125. Барышева, Е.В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг./ Е.В. Барышева. – Текст непосредственный // Изв. УрФУ. - Сер. 2. «Гуманитарные науки». - 2016. - Т. 18. № 1 (148). - С. 9–25

126. Блинов, М.Л. Пьянство как социальное явление советского города в 1920-е год (на материалах Ижевска)/ М.Л. Блинов. – Текст непосредственный// Вестник Удмуртского университета. История и филология. - 2013. Вып. 3. - С. 141-146.

127. Васенева, Т. В. Курганский цирк в начале 1920-х годов / Т. В. Васенева. – Текст непосредственный // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. – Вып. 2. – С. 150–155.

128. Васильева, Т. В. Социально-экономическое развитие города Кургана в 1930-е годы / Т. В. Васильева – Текст непосредственный // Зырянские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Курган, 14–15 дек. 2004 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Меншиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. – С. 107–110.

129. Волков, А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке/ А.Г. Волков. – Текст непосредственный // Мир России. - 1999. - № 4. - С. 47-57.

130. Горбачева, Г.Г. Общеобразовательная школа в Курганском уезде и округе (1917-1929 гг.)/ Г.Г. Горбачева. – Текст непосредственный // Ученые записки Курганского пединститута, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662-1962 гг.). Вып. IV. Курган: Изд-во газеты «Советское Зауралье», 1962. - 330 с.

131. Долидович, О.М. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года)/ О.М. Долидович, Т.А. Катцина. – Текст непосредственный // Журнал исследований социальной политики. - 2011. - Том. 9. № 2. - С. 255-276.

132. Жулева, М.С. Семейная политика советского государства в 20-30-е гг. и основные проблемы курганской семьи/ М.С. Жулева. – Текст непосредственный// Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «VI Зырянские чтения», Курган, 11-12 декабря 2008г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2008. - С. 91-93.

133. Жулева, М.С. Проблемы благоустройства г. Кургана в 1930-е гг. / М.С. Жулева. – Текст непосредственный// Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «IX Зырянские чтения», Курган, 8-9 декабря 2011 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2011. - С. 92-93.

134. Жулева, М.С. Свободное время курганцев в конце 20-начале 30-х годов XX в. (по материалам периодической печати)/ М.С. Жулева. – Текст непосредственный// 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 21 ноября 2002. - Курган: Изд-во Курганского гос. Ун-та, 2002. – С. 116-119.

135. Журавлева, В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20-30-е годы XX века/ В.А. Журавлева. – Текст непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2005. - № 7(47). - С. 47-51.

136. Журавлева, В.А. Население Кургана в 1920-1930-е годы/ В.А. Журавлева. – Текст непосредственный // Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «VII Зырянские чтения», Курган, 10-11 декабря 2009 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2009. - С. 80.

137. Журавлева, В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20-30-е годы XX века/ В.А. Журавлева. – Текст непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2006. - № 17 (72). - С. 33-37.

138. Захарова, Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920-1930-е гг./ Т.В. Захарова. – Текст непосредственный// Вестник Томского государственного университета. История. - 2011. - №1 (13). - С. 53-56.

139. Здравомыслова, О.А. Как рождался «советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России/ О.А. Здравомыслова. – Текст непосредственный // Демографическое обозрение. 2017. Том 4. № 1. С. 124-143.

140. Здравомыслова, Е.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе/ О.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. – Текст непосредственный// Журнал исследований социальной политики. 2003. Том. 1. №3-4. С. 299-321. С. 319.

141. Ильющенко, Д.В. Потребление населения и общественное питание в Советской России в условиях военного коммунизма, НЭПа и индустриализации/ Д.В. Ильющенко. – Текст непосредственный// Вестник РУДН, серия Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4, с. 21-31. С. 22

142. Катанцев, Д.В. Повседневность города Кургана в ракурсе документов Чекатифа/ Д.В. Катанцев. – Текст непосредственный// Развитие научной,

творческой и инновационной деятельности молодежи: материалы VII Всероссийской научно-практической заочной конференции молодых ученых, Курган, 2015. - С. 276-277.

143. Катцина, Т.А. Студенчество Сибири в 1930-1945 Гг.: место в иерархии снабжения и материальное положение/ Т.А. Катцина, Л.Е. Мариненко, Н.В. Чеберяк. - Текст непосредственный// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 10-1 (36). - С. 86-89.

144. Килин, А. П. «Будем жить!». Из практики борьбы с частной торговлей на Урале в годы НЭПа / А. П. Килин. – Текст непосредственный // Вестник архивиста. — 2016. — № 3. — С. 185–199.

145. Килин, А. П. «Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции 1920-х гг. /А.П. Килин. – Текст непосредственный // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — Вып. 17. — С. 177-194.

146. Килин, А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания?/ А. П. Килин. – Текст непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. - 2017. - № 1 (250). Вып. 41. - С.133–141.

147. Килин, А. П. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа / А. П. Килин. – Текст непосредственный// Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития: материалы межрегиональной конференции, приуроченной к 280-летию г. Челябинска, 30 сентября – 1 октября 2016 г. - Челябинск, 2016. - С. 44-54.

148. Килин, А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» / А. П. Килин. – Текст электронный// Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. - 2016. – № 1. – С. 56–63.

149. Кириченко, С.В. Жилищные условия горожан и благоустроенность г. Верхнеудинск/ С.В. Кириченко, А.М. Иминохоев. – Текст непосредственный. // Байкальские встречи - X: культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации: материалы международной научно-практической конференции 20-22 сентября 2018 г. Республика Бурятия - оз. Байкал. Улан-Удэ, 2018. - С. 184 - 192.

150. Козельчук, Т.В. Документы органов ЖКХ в изучении повседневности Кургана периода НЭПа (по материалам ГАКО)/ Т.В. Козельчук, Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный// Емельяновские чтения: материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения», Курган, 26-28 апреля 2012 г. – Курган: Изд-во КГУ, 2012. - С. 233 - 235.

151. Козельчук, Т.В. Запись актов гражданского состояния в Кургане как новое явление советской повседневности/ Т.В. Козельчук, Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный// Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «XI Зыряновские чтения», Курган, 5-6 декабря 2013 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2013. С. 97

152. Козельчук, Т.В. Нормативно-правовое регулирование повседневной жизни Кургана в 1920-е гг./ Т.В. Козельчук. – Текст непосредственный. // Вестник Курганского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2014. - №3. - С. 74-78.

153. Козельчук, Т.В. Охрана общественного порядка в Кургане/ Т. В. Козельчук/ Т.В. Козельчук. – Текст непосредственный. // Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «XVI Зыряновские чтения», Курган, 6–7 декабря 2018 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ, 2018. – С. 116–118.

154. Козлова, М.М. Кино, радио и печать Зауралья в 20–30-е годы / М.М. Козлова. – Текст непосредственный. // Культура Зауралья: прошлое и настоящее:

сб. науч. тр. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. – Вып. 2. – 256 с. – С. 108–115.

155. Корнилов, Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX века/ Г.Е. Корнилов. – Текст непосредственный. // Уральский исторический вестник. - 2012. - № 2 (35). - С. 48-57.

156. Котов, А. Американский историк Лэрри Холмс: «Вятка - особенный город!»/ А. Котов. – Текст электронный. // Вятская газета. 2018. № 4 (04). С.1-2.

157. Кром, М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия)/ М.М. Кром. – Текст непосредственный. // История повседневности: сб. науч. тр. Сер. «Источник. Историк. История». Санкт-Петербург: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7-14.

158. Крылова, Н. В. Из истории музейного дела в г. Кургане в 1914–1943 гг./ Н.В. Крылова. – Текст непосредственный. // Музей – ты мир: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Курганского областного краеведческого музея, 1–2 ноября 2001. - Куртамыш, 2001. – 414 с. – С. 358–363.

159. Лаптева Е.В. особенности устной истории как метода исторического познания// Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения, 20-22 апреля 2009 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Тюменский гос. ун-т", Ин-т истории и политических наук; [редкол.: А. Г. Еманов (отв. ред.) и др.]. - Тюмень Мандра и Ка, 2009. - 423 с. - С.211-216.

160. Лопата, П.П. Социалистический образ жизни. Теоретические основы и практика КПСС/ П.П. Лопата. – Текст непосредственный. // Вопросы истории КПСС. - 1975. - № 12. - С. 3-19.

161. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии/ А. Людтке. – Текст непосредственный. // Социальная история: Ежегодник / Группа по соц. истории Ин-та всеобщ. истории РАН, Центр экон. истории ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. - Москва: РОССПЭН, 1998 - С. 78-80

162. Мазур, Л.Н. Голоса сельской истории. Рец. на кн.: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история / Т. К. Щеглова. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. — 525 с./ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // Известия уральского университета. Гуманитарные науки. - 2009. - № 3(65). - С. 296-302.

163. Мазур, Л.Н. История раннесоветской семьи: проблемы типологии/ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный.// Документ. Архив. История. Современность. - 2015. - № 15. - С. 115-125.

164. Мазур, Л. Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917-1953 гг./ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // Вестник архивиста. - 2017. - №3. - С. 183-198.

165. Мазур, Л.Н. Раннесоветский кинематограф как инструмент формирования синдрома войны/ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // Советский проект: этапы и механизмы реализации. 1917-1930-е гг.: сб. науч. ст. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 73-85.

166. Мазур, Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917 - 1936 годах / Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. научн. тр. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. — С. 7-28.

167. Мазур, Л.Н. Соцгород как исторический феномен раннесоветского общества/ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // Город, социум, среда: история и векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 14 - 15 сентября 2017 г. / отв. ред. О. В. Рыжкова. - Нижний Тагил: НТГСПИ (ф), РГППУ, 2017. - С. 7-14.

168. Мазур, Л.Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству/ Л.Н. Мазур. — Текст непосредственный. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур;

М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 470-497.

169. Макарова, Н.Н. Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935)/ Н.Н. Макарова. – Текст непосредственный. // Вестник Пермского университета. История. – 2010. – № 1 (12). – С. 90–99.

170. Маслюженко, Д.Н. Н.Н. Бортвин: первый археолог советского времени в Кургане / Д.Н. Маслюженко, Ю.В. Мягкая. – Текст непосредственный. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 2 (10). – С. 118–123.

171. Мирошниченко, М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. / М.И. Мирошниченко. – Текст непосредственный. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – №. 1. – С. 35-42.

172. Мирошниченко, М.И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. / М.И. Мирошниченко. – Текст непосредственный. // Вестник Южно-Уральского государственного университета – Серия Социально-гуманитарные науки. 2016. – Т. 15. – №. 1. - С. 21-26.

173. Нарский, И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького)/ И.В. Нарский. – Текст непосредственный. // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сборник статей / Южно-Уральский гос. ун-т, Фак. права и финансов, Центр культурно-исторических исслед., Челябинское отд-ние Российского о-ва интеллектуальной истории; [редкол.: И. В. Нарский и др.]. - Челябинск: Каменный пояс, 2008. - 479 с. - С. 55-74.

174. Орлов, И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью/ И.Б. Орлов. – Текст непосредственный. // Современные проблемы сервиса и туризма. - Том 8. - 2014. - № 2. - С 78-85.

175. Перова, М.А. Пространство детской повседневности в Советской России 1920-1930х годов (на примере Курганского и Шадринского округов)/ М.А.

Перова. – Текст непосредственный. // Вестник Пермского университета. История. - 2018. - Вып. 3 (42). - С. 107-115.

176. Перова, М.А. «Товарищ девочка». Гендерная политика Советской России 1917-1930-х гг. и детская повседневность (на материалах Курганского и Шадринского округов)/ М.А. Перова. – Текст непосредственный. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018 – Т. 2 – С. 249-254.

177. Полкунова, С.Ю. Математическое моделирование в историческом исследовании: рост объема производства легкой и пищевой промышленности Южного Урала в 1920–1930 годы / С.Ю. Полкунова, Ю.Г. Полкунов. – Текст непосредственный. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 1 (137). – С. 33–38.

178. Поляков, Ю.А. Исторические аспекты изучения социалистического образа жизни/ Ю.А. Поляков, Э.Е. Писаренко. – Текст непосредственный. // Вопросы истории. - 1978. - №6. - С. 3-14.

179. Попов, Д.А. Общественное питание: советская организация/ Д.А. Попов. – Текст непосредственный. // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. - 2017. - № 3 (89). - С. 123-135.

180. Поршнева, О.С. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928–1932 гг.)/ О.С. Поршнева, И.В. Даренская. – Текст непосредственный. // Уральский исторический вестник. - 2017. - № 3 (56). - С. 101 - 110.

181. Поршнева, О.С. Стратегия борьбы с военной угрозой как механизм мобилизации советского общества на рубеже 1920-1930-х гг. / О.С. Поршнева, И.В. Даренская. – Текст непосредственный. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — Вып. 17. — С. 245-254.

182. Поршнева, О.С. Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии/

О.С. Поршнева. – Текст непосредственный. // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 6-19.

183. Поршнева, О.С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы/ О.С. Поршнева. – Текст непосредственный. // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т. И. Морозова (отв. секр.), В. М. Рынков (отв. ред.), А. И. Савин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. - С. 383-397.

184. Поршнева, О.С. Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации / О.С. Поршнева. – Текст непосредственный. // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. - С. 372-382.

185. Пушкарева, Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок/ Н.Л. Пушкарева. – Текст непосредственный. // Новое литературное обозрение. - 2012. - № 5 (11). - С. 8-23.

186. Пушкарева, Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков/ Н.Л. Пушкарева. – Текст непосредственный. // Женщина в российском обществе. - 2008. - № 2 (47). - С. 3-17.

187. Сидорчук, И.В. Изучение истории девиантного досуга: постановка проблемы/ И.В. Сидорчук. - Текст непосредственный. //Петербургская Весна Культуры: материалы международного форума, 19-20 мая 2016 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. - Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2016. - 140 с. - С. 54-56.

188. Сидорчук, И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда/ И.В.

Сидорчук. - Текст непосредственный. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. - 2017. - Т . 8. - № 4. – С. 17–26.

189. Сидорчук, И.В. Особенности трансформации культурных досуговых практик рабочих в 1920-х гг. / И.В. Сидорчук. - Текст непосредственный. // История повседневности. - 2018. - № 1. - С. 18-32.

190. Сидорчук, И.В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. / И.В. Сидорчук. - Текст непосредственный. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. - 2018. - № 1 (2 5). - С. 144-158.

191. Сидорчук, И. В. Цели и перспективы истории досуга/ И.В. Сидорчук. - Текст непосредственный. // Историческая психология и социология истории. - 2015. - №2. - С. 174–186.

192. Сироткина, И.Е. Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 1920-е годы/ И.Е. Сироткина. - Текст непосредственный. // Вестник Пермского университета. История. - 2019. - Вып. 1(44). - С. 153-162.

193. Сомов, В.А. «Возросший рабоче-крестьянский зритель требует...»: кино и советский человек 1930-х гг. / В. А. Сомов. - Текст непосредственный. // Клио. – 2013. – № 6. – С. 63–68.

194. Сохань, И.В. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект/ И.В. Сохань, Д.В. Гончаров. - Текст непосредственный. // Полития. - 2013. - № 2 (69). - С. 142-155.

195. Сохань, И.В. «Долой кухонное рабство!»: к вопросу о гендерных трансформациях структур быта в Советской России 1920-х гг. / И.В. Сохань. - Текст непосредственный. // Женщина в российском обществе. - 2011. - № 4. - С. 88-95.

196. Стрекалова, Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории/ Е.Н. Стрекалова. – Текст электронный. // Новая локальная история. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/17> (дата обращения: 11.06. 2013)

197. Тайболина, М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии/ М.Н. Тайболина. –

Текст непосредственный. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. - Вып. 5. Курган: Изд-во Курганского пед. института, 1993. – 179 с. - С. 98-103.

198. Твердюкова, Е. Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов / Е.Д. Твердюкова. – Текст непосредственный. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2007. – Вып. 4. – С.126–133.

199. Твердюкова, Е.Д. Общественное питание Ленинграда во второй половине 1930-х годов: трансформация системы/ Е.Д. Твердюкова. – Текст непосредственный. // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. - 2006. - Вып. 2. - С. 40-49.

200. Твердюкова Е.Д. *Persona non grata*: частник в советской торговле на рубеже 1920-1930 гг. / Е.Д. Твердюкова. – Текст непосредственный. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2010. - Том 4. - № 4. - С. 24-35.

201. Тершукова, Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города/ Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный. // Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. - Курган: Изд-во КГУ, 2020. - С. 9-49.

202. Тершукова, Е.В. Невинно вино, проклято пьянство: борьба с пьянством и самогонварением в 1920-е гг. / Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный. // Очерки культуры повседневности города Кургана XIX- первой трети XX века: монография/ под ред. Д.Н. Маслюженко (отв. редактор) [и др.] – Курган: Изд-во КГУ, 2009. – 240 с. - С. 215-220.

203. Тершукова, Е.В. Несостоявшийся прорыв: городская застройка в 1920-1930-у гг. / Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный. // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 23. Курган. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. С. 127-130.

204. Тершукова, Е.В. Новые улицы Кургана периода НЭПа/ Е.В. Тершукова. – Текст непосредственный. // Зырянские чтения: материалы всероссийской научной конференции «VIII Зырянские чтения», Курган, 9-10 декабря 2010 г./ Курганский государственный университет, Курганский областной краеведческий

музей; редакционная коллегия: В.В. Менщиков [и др.]. – Курган: Изд-во КГУ Курган, 2010. С. 136–137.

205. Угрехелидзе, Е.А. К вопросу о создании Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького: историко-социологический аспект/ Е.А. Угрехелидзе. – Текст непосредственный. // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. - 2018. - № 3 (13). - С. 84–91.

206. Ульянова, С.Б. Предпосылки формирования досуговой культуры советского города в 1920-е годы/ С.Б. Ульянова, Н.В. Офицерова. - Текст непосредственный. // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. - 2015. - № 1(215). - С. 116-124.

207. Федотова, А.Ю. Стереотипы поведения населения ТАССР во время голода 1921–1923 гг.: гендерный аспект/ А.Ю. Федотова. - Текст непосредственный. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы международной научной конференции, 16-18 марта 2017 г. / Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; [редакционная коллегия: В. А. Веремко (отв. ред.), Н. Д. Козлов, В. О. Левашко]. - Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2017. - 409 с. - С. 401-407.

208. Харчев, А.Г. Социалистическая революция и семья/ А.Г. Харчев. - Текст непосредственный. // Социологические исследования. - 1994. - № 6. - С. 90-95.

209. Чавкина, М.А. Девиантное поведение в рабочей среде в годы НЭПа (на примере БАССР/ М.А. Чавкина. - Текст электронный. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. - № 8 (22): в 2-х ч. - Ч. II. - С. 215-218.

210. Черепанова, Р.С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории/ Р.С. Черепанова. - Текст непосредственный. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. - Т. 13. - № 1. - С.80-85.

211. Черепанова, Р.С. «Устная история как вызов историку»: теоретические проблемы и практический опыт на постсоветском пространстве/ Р.С. Черепанова. - Текст непосредственный. // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения, 20-22 апреля 2009 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Тюменский гос. ун-т", Ин-т истории и политических наук; [редкол.: А. Г. Еманов (отв. ред.) и др.]. - Тюмень Мандра и Ка, 2009. - 423 с. - С. 207-211.

212. Черных, А.И. «Крылатый Эрос» и промфинплан/ А.И. Черных. – Текст непосредственный. // Социологические исследования. - 1993. - № 8. - С.105-113.

213. Чолахян, В.А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920-1930-х годах/ В.А. Чолахян. – Текст непосредственный. // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. - 2009. - Т. 9. - Вып. 2. - С. 64-73.

214. Шевченко, Т.Э. Культура Зауралья в 20-е годы/ Т.Э Шевченко. – Текст непосредственный. // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. - Курган: Изд-во КГУ, 1998. - 195 с. - С. 7-20.

215. Шевченко, Т.Э. Культурное строительство в послереволюционный период. 1917-1928 гг. / Т.Э Шевченко. – Текст непосредственный. // История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (советский период). - Курган: Изд-во КГУ, 2004. - С. 11- 45.

216. Шевченко, Т.Э. Проблема взаимоотношения учительства и власти в 20-е годы/ Т.Э Шевченко. – Текст непосредственный// Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сб.к науч. тр. – Курган: Изд-во КГУ, 1999. – Вып. 2. – 256 с. – С. 105-108.

217. Шепель, О.Н. Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества/ О.Н. Шепель. – Текст непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2011 - № 4 – Том I (Гуманитарные науки). - С. 292-295.

218. Юсупова, Г. М. Кассовые феномены кинематографа 1920-х и легенда о «новом зрителе» / Г. М. Юсупова. – Текст непосредственный. // Киноведческие записки. – 2013. – № 102–103. – С. 151–167.

219. Kattsina T.A., Marinenko L.E., Paschina N.V., Lisina S.A. Financial and food supply of teachers in higher education institutions in siberia in the 1920s Life Science Journal. 2014. T. 11. № 12s. С. 781-783.

Диссертации и авторефераты

220. Барышева, Е.В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества 1918-1941 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02/ Барышева Елена Владимировна; Российский государственный гуманитарный университет. - Москва, 2020. – 408 с. – Текст: непосредственный.

221. Глущенко, И.В. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920-1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. культурологи: 24.00.01/ Глущенко Ирина Викторовна; Российский государственный гуманитарный университет. - Москва, 2014. – 26 с. – Текст: непосредственный.

222. Денисова, М.А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы. (На материалах города Курска): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Денисова Мария Александровна; Курский государственный университет. - Курск, 2010. - 193 с. – Текст: непосредственный.

223. Жулева, М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929-1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Жулева Мария Сергеевна; Курганский государственный университет. - Курган, 2004. - 194 с. – Текст: непосредственный.

224. Иминохоев, А. М. История повседневности и динамика качества жизни городского населения Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Иминохоев, Александр Михайлович; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Улан-Удэ, 2008. - 190 с. – Текст: непосредственный.

225. Корноухова, Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Корноухова Гадила Гизатуллаевна; Российский университет дружбы народов. - Москва, 2004. - 197 с. – Текст: непосредственный.

226. Лебина, Н.Б. Фабрично-заводская молодежь Петрограда в 1921-1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лебина Наталья Борисовна; Ленингр. отделение ин-та истории СССР АН СССР. – Ленинград, 1975. – 205 с. – Текст: непосредственный

227. Макарова, Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929– 1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Макарова Надежда Николаевна; Магнитогорский государственный университет; Магнитогорск, 2010. - 280 с. – Текст: непосредственный.

228. Меерович, М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01/ Меерович Марк Григорьевич; Иркутский государственный технический университет. - Улан-Удэ, 2004. – 659 с. – Текст: непосредственный.

229. Мирошниченко, М. И. Женщины на Урале в 1920-е гг.– середине 1930-х гг.: структуры социума, мировоззрение, деятельность: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02/ Мирошниченко Мария Ильинична; Южно-Уральский государственный университет. - Челябинск, 2016. – 839 с. – Текст: непосредственный.

230. Мордасова, М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917-1941 гг.: Автореф. канд. ист. наук: 07.00.02/ Мордасова Мария Александровна; Южно-Уральский государственный университет. - Челябинск, 2005. – 210 с. – Текст: непосредственный.

231. Перова, М.А. Детская повседневность Советской России 1920-х гг (на материалах Курганского и Шадринского уездов): Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02/ Перова Марина Андреевна; Курганский государственный университет. - Курган, 2021. - 263 с. – Текст: непосредственный.

232. Попова, В.Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX-начала XXI вв.: Автореф. ...канд. культурологи 24.00.01/ Попова Виктория Николаевна; Уральский федеральный университет. - Екатеринбург, 2011. - 24 с. – Текст: непосредственный.

233. Правовская, Н.Л. Трансформация социокультурного пространства повседневности в социально-философской рефлексии: Автореф. ... канд. филос.

наук 09.00.11/ Правовская Надежда Ивановна; Поволжский государственный технологический университет. - Йошкар-Ола, 2013. - 19 с. – Текст: непосредственный.

234. Пушкарев, А.М. Отношения между полами в общественных дискуссиях 1920-х годов в России (отечественная и зарубежная историография): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ Пушкарев Артемий Михайлович; Государственный университет гуманитарных наук. - Москва, 2008. - 295 с. – Текст: непосредственный.

235. Смирнова, В. В. Советская урбанизация и трансформация социальной среды региональных центров Европейского Севера России в 1921-1939 годах: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Смирнова Виктория Вячеславовна; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; Санкт-Петербург, 2017. - 250 с. – Текст: непосредственный.

236. Соловьева, Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920-1930-е гг. (на материалах г. Саратова): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Соловьева Татьяна Андреевна; Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; Саратов, 2014. - 269 с. – Текст: непосредственный.

237. Хатанзейская, Е.В. Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929-1945 гг. (по материалам Архангельска): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Хатанзейская Елизавета Владимировна; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; Самара, 2019. - 318 с. – Текст: непосредственный.

238. Шайгарданова, Н.Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: Дис. ... канд. культурологии. 24.00.01/ Шайгарданова Наталья Леонидовна; НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург). - Екатеринбург, 2014. – 151 с. Текст: непосредственный.

Труды зарубежных авторов

239. *Анналы экономической и социальной истории. Избранное / пер с фр./* Москва: Территория будущего, 2007. – 493 с. – Текст: непосредственный.

240. Вульф, К. *Антропология: история, культура, философия/ пер с нем./* К. Вульф. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та, 2007. - 269 с. – Текст: непосредственный.

241. Гинзбург, К. *Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю/* К. Гинзбург. – Текст: непосредственный. // *Современные методы преподавания новейшей истории: материалы из цикла семинаров при поддержке DEMOCRACY PROGRAMME / Европейский ун-т Москва, Россия; Фонд Фельтринелли Милан, Италия; ред. А.О. Чубарьян и др. Москва: ИВИ РАН, 1996. - С. 207-209.*

242. *Голдман, В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) / Пер. с англ. / В.З. Голдман. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 358 с. – Текст: непосредственный.*

243. *Кухер, К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941/ пер с нем./* К. Кухер. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - 349 с. – Текст: непосредственный.

244. *Кэндо, Т. Досуг и популярная культура в динамике развития/* Т. Кэндо. – Текст: непосредственный. // *Личность. Культура. Общество. - 2000. - № 1 (2). - Т. 2. - С. 283–308.*

245. *Медик, Х. Микроистория /* Х. Медик. – Текст: непосредственный. // *Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. – 1994. - Т. II. - № 4. - С. 193-202.*

246. *Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город: монография / Пер. с англ. /* Ш. Фицпатрик. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 336 с. – Текст: непосредственный.

247. Холмс, Л.Ю. Социальная история России: 1917 – 1941 монография / Пер. с англ. / Л.Ю. Холмс. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 144 с. – Текст: непосредственный.

248. Bernstein F.L. The dictatorship of sex: Lifestyle advice for the Soviet masses. — DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2007. — XVII, 246 p.

249. Borders of socialism: Private spheres of Soviet Russia / Ed. by Siegelbaum L.H. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. — X, 291 p.

250. Buckley M. Mobilizing Soviet peasants: Heroines and heroes of Stalin's fields. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. — XV, 367 p.

251. Cheng Y. Creating the 'new man': From Enlightenment ideals to socialist realities. — Honolulu: Univ. of Hawai'i press, 2009. — X, 265 p.

252. Fitzpatrick Sh. Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. — Princeton: Princeton univ. press, 2005. — XII, 332 p.